ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СКАЛАБАН МАРИЯ ПАВЛОВНА

СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Специальность 5.2.4 – Финансы

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна

Санкт-Петербург
2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ 13
1.1 Финансы домохозяйств как экономическая категория: сущность, роль, особенности и функции 13
1.2. Сберегательное поведение домохозяйств как элемент финансового поведения: эволюция теорий 26
1.3. Типологизация мотивов и факторов, детерминирующих сберегательное поведение домохозяйств 35
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ 59
2.1. Этапы развития сберегательного поведения российских домохозяйств: от советского периода к современной России 59
2.2. Глобальные трансформационные процессы в экономике и их влияние на сберегательное поведение домохозяйств 67
2.3. Динамика сберегательного поведения российских домохозяйств на современном этапе 84
ГЛАВА 3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ 99
3.1. Эконометрическое моделирование сберегательного поведения российских домохозяйств: макроэкономический и поведенческий аспект 99
3.2. Механизмы стимулирования сберегательного поведения домохозяйств: зарубежный и отечественный опыт 119
3.3. Перспективы развития инструментов долгосрочной сберегательной политики в России 127
Заключение 138
Библиографический список 142

Приложение А 177
Приложение Б 181
Приложение В 182
Приложение Г 185
Приложение Д 197
Приложение Е 203

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Актуальность исследования сберегательного поведения домохозяйств в Российской Федерации определяется совокупностью макроэкономических изменений, характеризующих современный этап развития национальной экономики и финансовой системы.

В условиях геоэкономической турбулентности, санкционных ограничений, сужения доступа к международным рынкам капитала и высокой волатильности экспортных поступлений возрастает необходимость формирования механизмов мобилизации и перераспределения внутренних финансовых ресурсов. В данном контексте сбережения домохозяйств приобретают особое значение как один из ключевых компонентов инвестиционного потенциала экономики, что находит отражение в приоритетах государственной экономической политики.

Вместе с тем сбережения выполняют не только макроэкономическую, но и социально-экономическую функцию. Они позволяют сглаживать колебания доходов, поддерживать уровень потребления на протяжении жизненного цикла и обеспечивать финансовую устойчивость в условиях неопределенности. Особенно отчетливо эта функция проявляется в долгосрочной перспективе на фоне демографического старения, сопровождающегося ростом нагрузки на трудоспособное население и, как следствие, на пенсионную систему.

Несмотря на возрастающую роль сбережений на макро- и микроуровне, в настоящее время их потенциал реализован лишь частично. В структуре финансовых активов домохозяйств преобладают краткосрочные и консервативные формы размещения средств, тогда как долгосрочные инвестиционные инструменты используются ограниченно. Такая ситуация обусловлена не только дифференциацией финансовых возможностей домохозяйств, но и действием поведенческих факторов.

В целях привлечения «длинных» денег из сектора домохозяйств в национальную инвестиционную систему были введены новые инструменты, такие как программа долгосрочных сбережений, долевое страхование жизни, индивидуальный

инвестиционный счет третьего типа. Однако расширение линейки сберегательных продуктов пока не привело к их массовому использованию, что указывает на необходимость повышения финансовой грамотности, развития финансовой культуры, а также учета поведенческих особенностей при разработке сберегательной политики.

В этой связи исследование сберегательного поведения российских домохозяйств актуально как с теоретической, так и с прикладной точки зрения. В научном отношении оно направлено на выявление факторов и моделей формирования сбережений, что позволяет рассматривать данную проблематику в контексте развития поведенческих финансов. В практическом аспекте результаты исследования представляют ценность для совершенствования механизмов внутренней аккумуляции капитала, ориентированных на снижение зависимости от внешних источников финансирования.

Степень разработанности научной проблемы. Сберегательное поведение домохозяйств как объект исследования имеет долгую научную традицию, восходящую к фундаментальным направлениям экономической теории. Рациональный подход к его объяснению сформирован в рамках модели межвременного выбора И. Фишера, теории абсолютного дохода Дж. М. Кейнса, гипотезы перманентного дохода М. Фридмана и гипотезы жизненного цикла Ф. Модильяни и Р. Брумберга. Развитие данных концепций в условиях неопределенности нашло отражение в работах М. Браунинга, А. Дитона, К. Кэррола и Р. Холла.

Значительный вклад в углубление понимания мотивационной структуры сберегательного поведения домохозяйств внесли представители экономической психологии и поведенческой экономики. В трудах Дж. Дьюзенберри, Д. Канемана, Дж. Катоны, Д. Лэйбсона, Р. Талера, А. Тверски, С. Шефрина описаны механизмы влияния индивидуальных психологических особенностей, а также когнитивных и поведенческих искажений на принятие финансовых решений. Эмпирическая верификация факторов сберегательного поведения домохозяйств, в частности финансовой грамотности, проведена в исследованиях Р. Алесси, Х. Бейтмана, Э.

Гаара, А. Лусарди, О. Митчелл, Д. Ширека, методики которых легли в основу авторского опроса.

В российском научном пространстве системное изучение сберегательного поведения домохозяйств начало формироваться в постсоветский период. Концептуальные основы финансов домохозяйств разработаны С.А. Белозеровым, Р.С. Екшембиевым, А.А. Земцовым, Т.Ю. Осиповой, В.А. Слеповым. Практико-ориентированные аспекты сберегательного поведения проанализированы в работах Н.В. Аликперовой, В.З. Баликоева, А.И. Зотовой, О.Е. Кузиной, В.В. Литвин, Т.В. Никитиной, Т.А. Поповой, А.В. Репеты-Турсуновой, Т.В. Сабетовой, Е.Ю. Сушко.

Вопросы цифровизации финансового сектора и развития дистанционных каналов доступа к сберегательным инструментам раскрываются в публикациях С.Е. Дубовой, О.Ю. Орловой, Е.М. Поповой, Н.П. Радковской, А.И. Шмыревой, С.Ю. Яновой. Процессам структурной трансформации экономики и глобальным тенденциям, формирующим контекст сберегательного поведения, посвящены труды С.А. Дятлова, Л.А. Миэринь, В.А. Плотникова, Г.Ф. Фейгина, А.В. Харламова.

При высокой научной значимости рассмотренных работ отдельные аспекты сберегательного поведения домохозяйств сохраняют дискуссионный характер и требуют дальнейшего теоретического и эмпирического осмысления. Прежде всего это касается комплексного анализа факторов, определяющих сберегательные решения, оценки воздействия трансформационных процессов внешней среды и денежно-кредитной политики, а также выявления роли финансовой грамотности в формировании сбережений. Отдельного внимания требует разработка подходов и инструментов, способствующих формированию долгосрочных сбережений в современных условиях. Обозначенные теоретические и прикладные пробелы определяют цель и задачи диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования заключается в развитии теоретических основ сберегательного поведения домохозяйств и разработке научно-практических рекомендаций по совершенствованию сберегательной политики, способствующей

формированию долгосрочных сбережений как ресурсной основы расширения инвестиционного потенциала экономики в условиях изменяющейся внешней среды.

В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи**:

1. Предложить многокритериальную типологию факторов сберегательного поведения домохозяйств, позволяющую преодолеть ограниченность существующих дихотомических типологий и обеспечить более строгую систематизацию детерминант сберегательного поведения.

2. Расширить теоретико-методический подход к анализу влияния внешней среды на сберегательное поведение домохозяйств за счет выделения глобальных трансформационных процессов в экономике и экзогенных шоков в целях уточнения методических принципов анализа сберегательного поведения.

3. Разработать спецификацию эконометрической модели сберегательного поведения домохозяйств, позволяющую количественно оценить чувствительность сбережений к параметрам денежно-кредитной политики и кризисным периодам, определить преобладающий паттерн сберегательного поведения российских домохозяйств и рассчитать прогнозные значения объема сбережений.

4. Уточнить поведенческий механизм формирования сбережений домохозяйств за счет подтверждения статистической значимости уровня финансовой грамотности как предиктора наличия сбережений, и тем самым обосновать роль поведенческого компонента в системе факторов формирования сбережений.

5. Предложить комплекс адресных мер по совершенствованию сберегательной политики в условиях изменяющейся внешней среды, обеспечивающий переход от реактивной к проактивной модели сберегательного поведения домохозяйств с учетом различий в их поведенческих характеристиках.

Объектом настоящего исследования выступает сберегательное поведение домохозяйств в системе финансово-экономических отношений.

Предмет исследования – теоретические, методические и прикладные аспекты формирования и стимулирования сберегательного поведения домохозяйств в условиях

изменяющейся внешней среды.

Теоретической базой исследования являются научные положения, сформулированные в рамках классической, кейнсианской, неоклассической и поведенческой экономических парадигм, а также публикации ведущих российских и зарубежных авторов в области сберегательного поведения домохозяйств.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, диалектический и системный подходы, индукция, дедукция), методы сбора первичной информации (анкетирование, кейс-стади), а также методы количественного анализа (описательная статистика, корреляционно-регрессионный анализ, эконометрическое моделирование).

Информационной базой исследования служат федеральные законы и нормативные акты РФ, официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Банка России, Министерства финансов РФ, Всемирного банка, отчеты ОЭСР, ООН, Европейского центрального банка, материалы аналитических агентств, а также результаты опросов, проведенных автором.

Обоснованность результатов исследования обеспечивается использованием официальных статистических данных, анализом законодательной базы и научных работ отечественных и зарубежных авторов по проблематике диссертации.

Достоверность результатов исследования подтверждается применением современных методов научного познания, эконометрического инструментария, внедрением в практическую деятельность и образовательный процесс, а также публикацией основных положений диссертации в рецензируемых научных журналах.

Соответствие темы исследования паспорту научной специальности. Исследование соответствует паспорту специальности 5.2.4. «Финансы»: п. 8 «Поведенческие финансы», п. 20. «Финансы домохозяйств. Личные финансы», п. 21 «Финансовая грамотность».

Научная новизна диссертационной работы состоит в развитии теоретических положений и методических подходов к исследованию сберегательного поведения

домохозяйств в контексте изменяющейся внешней среды, на основе которых предложена многокритериальная типология определяющих его факторов, обоснована роль глобальных трансформационных процессов и экзогенных шоков, эмпирически подтверждена значимость параметров денежно-кредитной политики, состояния макроэкономической среды и уровня финансовой грамотности для формирования сбережений, а также разработан комплекс мер с учетом поведенческой гетерогенности домохозяйств, направленный на стимулирование долгосрочных сбережений как внутреннего финансового ресурса инвестиционного развития национальной экономики.

Наиболее существенные результаты исследования, обладающие научной новизной и полученные лично соискателем, заключаются в следующем:

1. Предложена многокритериальная типология факторов сберегательного поведения домохозяйств, включающая пять логически независимых классификационных оснований: содержание, уровень формирования, отношение к домохозяйству, характер восприятия и темпоральность, что, в отличие от существующих дихотомических типологий («внешние – внутренние», «субъективные – объективные»), обеспечивает более строгую и непротиворечивую систематизацию детерминант сберегательного поведения.

2. Расширен теоретико-методический подход к анализу влияния внешней среды на сберегательное поведение домохозяйств, отличающийся выделением глобальных трансформационных процессов в экономике и экзогенных шоков в качестве факторов более высокого порядка, формирующих условия действия макроэкономических, институциональных и социокультурных детерминант, что позволяет методологически дифференцировать долгосрочные структурные сдвиги и конъюнктурные изменения внешней среды, а также уточнить характер их воздействия на принятие домохозяйствами сберегательных решений.

3. Разработана спецификация эконометрической модели сберегательного поведения домохозяйств, обладающая прогностической способностью, применение

которой позволило количественно оценить чувствительность сбережений к изменению параметров денежно-кредитной политики и шокам внешней среды, выявить признаки реактивного паттерна сберегательного поведения российских домохозяйств с преобладанием мотива предосторожности и рассчитать прогнозные значения объема сбережений, что может быть использовано мегарегулятором при планировании денежно-кредитной политики и оценке её последствий для сберегательного поведения домохозяйств.

4. Уточнен поведенческий механизм формирования сбережений домохозяйств за счет эмпирического подтверждения статистической значимости уровня финансовой грамотности как когнитивно-поведенческого фактора, характеризующего способность домохозяйств принимать осознанные сберегательные решения, что позволяет дополнить объяснение наличия сбережений, традиционно основанное на экономических и социально-демографических характеристиках домохозяйств, и использовать данный результат при разработке адресных мер стимулирования долгосрочных сбережений и повышения финансовой грамотности как элемента финансовой культуры.

5. Предложен комплекс адресных мер по совершенствованию политики стимулирования сбережений, интегрирующий элементы поведенческой экономики, фискального стимулирования, цифровой финансовой инфраструктуры и, в отличие от существующих подходов, учитывающий гетерогенность поведенческих характеристик домохозяйств, применение которого позволит сформировать условия для перехода от реактивной к проактивной и устойчивой модели сберегательного поведения, обеспечивающей развитие национальной экономики.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении и развитии научных положений, раскрывающих сущностные характеристики и экономическую природу сберегательного поведения домохозяйств в условиях изменяющейся внешней среды. Сформулированные в рамках диссертации аналитические выводы задают концептуальные рамки для дальнейших научных

изысканий, направленных на углубленное изучение механизмов формирования и трансформации сберегательного поведения.

Практическая значимость исследования обусловлена разработанными эконометрическими моделями сберегательного поведения домохозяйств с учетом макроэкономических и поведенческих факторов, а также практическими рекомендациями по совершенствованию механизмов формирования долгосрочных сбережений домохозяйств и раскрытию их инвестиционного потенциала. Полученные результаты могут быть приняты во внимание Банком России при проведении денежно-кредитной политики, Министерством финансов РФ при разработке и совершенствовании мер, стимулирующих привлечение «длинных» денег населения в экономику, а также коммерческими банками при работе с розничными клиентами.

Результаты исследования используются в практической деятельности ПАО «Сбербанк России», ПАО «Банк ПСБ», АО «Банк Синара», ПАО «Газпром нефть» (подтверждено справками о внедрении) и внедрены в учебный процесс ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (подтверждено справкой о внедрении).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были доложены, обсуждены и одобрены на Международной конференции IBIMA (Гранада, 2019 г.), XI международной научно-практической конференции по вопросам банковской экономики в Полесском государственном университете (Пинск, 2020 г.), X национальной научно-практической конференции института магистратуры СПбГЭУ с международным участием «Наука и образование в условиях цифровой трансформации экономики и общества» (Санкт-Петербург, 2021 г.), III Международной научно-практической конференции «Современные финансовые рынки в условиях новой экономики» в РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва, 2022 г.), XI Международном молодежном симпозиуме по управлению, экономике и финансам в Казанском (Приволжском) федеральном университете (Казань, 2022 г.), IV Международной научно-практической конференции

«Тенденции экономического развития в XXI веке» в Белорусском государственном университете (Минск, 2022 г.), II Национальной научно-практической конференции «Финсайдер 2023: финансовый рынок – новые грани возможного» в СПбГЭУ (Санкт-Петербург, 2023 г.), III Международной конференции «Цифровая трансформация и устойчивость глобальной финансовой экономики» в Университете прикладных наук г. Зальцбург (Зальцбург, 2023 г.), Научной конференции аспирантов СПбГЭУ (Санкт-Петербург, 2023 г., 2024 г.), XI Международной научно-практической конференции молодых ученых СПбГЭУ «Научные исследования молодых ученых: современные вызовы и тенденции развития российской науки» (Санкт-Петербург, 2024 г.), Международной научно-практической конференции «Архитектура финансов» в СПбГЭУ (Санкт-Петербург, 2021 г., 2022 г., 2024 г., 2025 г.), IV Международной конференции «Цифровая трансформация и устойчивость глобальной финансовой экономики» в Международном университете г. Мюнхен (Мюнхен, 2024 г.), V Международной научно-практической конференции «Современные финансовые рынки в условиях новой экономики» в РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва, 2025 г.), V Международной конференции «Цифровая трансформация и устойчивость глобальной финансовой экономики» в Университете Андраши (Будапешт, 2025 г.), V Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики» в Курском филиале Финансового университета при Правительстве РФ (Курск, 2026 г.).

Публикации результатов исследования. По теме исследования опубликовано 26 работ общим объемом 14,04 п.л. (авторский вклад 8,84 п.л.), в том числе 5 работ общим объемом 3,21 п.л. (авторский вклад 2,74 п.л.) опубликованы в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, и 1 работа общим объемом 0,63 п.л. (авторский вклад 0,21 п.л.) – в издании, индексируемом в Scopus.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ

1.1 Финансы домохозяйств как экономическая категория: сущность, роль, особенности и функции

В отечественной и зарубежной экономической литературе, в зависимости от исследовательской задачи, объектами анализа выступают различные категории: домохозяйства, население, физические лица. Поскольку за указанными терминами стоят семантически близкие, но не тождественные понятия, представляется необходимым обосновать выбор ключевого из них и разграничить области применения остальных.

В настоящем диссертационном исследовании понятие «домохозяйство» используется как основное по двум причинам.

Во-первых, именно домохозяйство является единицей учета в рамках Системы национальных счетов (СНС), принятой в международной статистической практике и закрепленной в методологии Росстата как «совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении (или его части), как связанных, так и не связанных отношениями родства, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства» [124].

Во-вторых, категория «домохозяйство» в большей степени соответствует экономической проблематике исследования и позволяет анализировать поведение субъектов в разных плоскостях. Термин «население», в свою очередь, используется в демографическом и социологическом дискурсе для описания совокупности людей на макроуровне, тогда как термины «физические лица» и «граждане» преимущественно встречаются в текстах правового характера. В связи с этим в рамках исследования они рассматриваются как вспомогательные и применяются лишь в тех фрагментах, где это методологически оправдано.

В соответствии с классическим определением, предложенным К.Р. Макконнеллом, С.Л. Брю и Ш.М. Флинном, под «домохозяйством» понимается

«экономическая единица, состоящая из одного или более лиц, которая снабжает экономику ресурсами и использует полученные за них деньги для приобретения товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности» [141; 254, с. 37].

Приведенная дефиниция подчеркивает двойственную роль домохозяйств в системе экономических отношений. С одной стороны, они выступают поставщиками факторов производства, с другой – потребителями произведенных благ, тем самым обеспечивая непрерывность всех стадий общественного воспроизводства: производства, распределения, обмена и потребления (рис. 1) [141; 254].

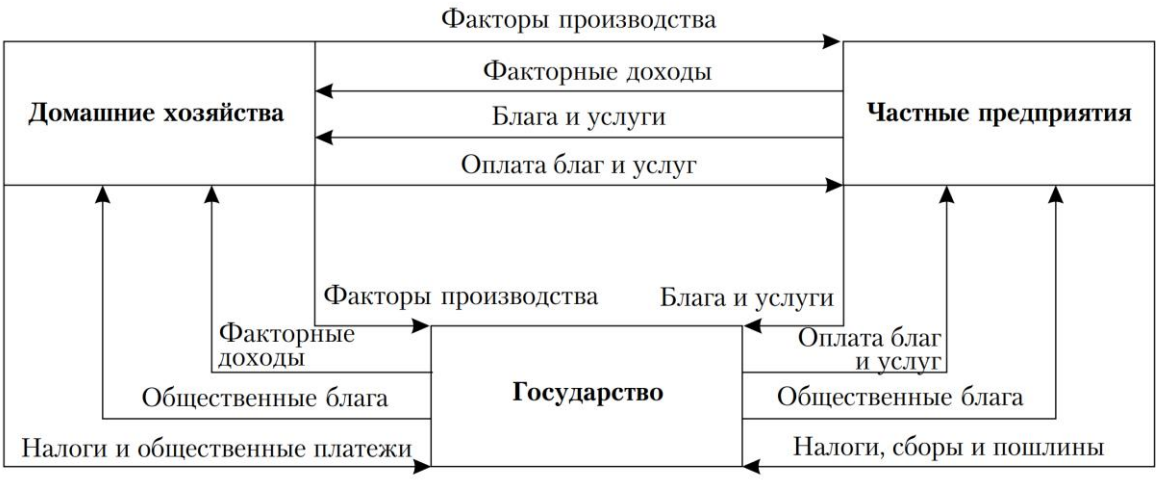

Рисунок 1 – Модель смешанной экономической системы

Источник: [37, с. 31]

Кроме того, как отмечают А.А. Земцов и Т.Ю. Осипова, «домохозяйства являются основными профицитными экономическими единицами, которые поставляют ресурсы в финансовую систему» [66, с. 199; 141]. В действительности именно они создают основу платежеспособного спроса и обеспечивают ресурсную базу для формирования бюджетных поступлений и инвестиционного капитала. Это подтверждает, что участие домохозяйств в общественном воспроизводстве сопряжено с денежными отношениями, совокупность которых образует специфическую сферу – финансы домохозяйств.

В широком экономико-теоретическом смысле финансы домохозяйств могут

быть рассмотрены в двух взаимодополняющих аналитических плоскостях – как отдельная экономическая категория и как составной элемент финансовой системы [37; 39; 43; 169].

В первом случае они представляют собой совокупность экономических отношений, возникающих между членами домохозяйства и другими экономическими субъектами (предприятиями, государством, другими домохозяйствами) по поводу формирования, распределения и использования фондов денежных средств в целях обеспечения жизнедеятельности, что находит отражение в элементах финансового состояния, таких как доходы, расходы, сбережения, финансовые активы и обязательства [37; 39]. Во втором случае – выступают одной из трех ключевых форм организации финансовых отношений, определяющих внутреннюю логику движения ресурсов в национальной экономике, наряду с государственными и корпоративными финансами [43; 169].

Экономическая сущность финансов домохозяйств проявляется в их функциях. Так, Е.М. Петрикова выделяет следующие из них: распределительную, регулирующую, контрольную и инвестиционную [115, с. 11].

Распределительная функция заключается в распределении располагаемого дохода между различными направлениями его использования: потреблением, сбережением, инвестированием, обслуживанием долга, уплатой налогов и т.д. Данная функция определяет баланс между текущими потребностями и будущими финансовыми целями, выступая механизмом реализации экономических приоритетов домохозяйства в условиях ограниченных ресурсов [115].

Регулирующая функция проявляется в перераспределении финансовых ресурсов внутри самого домохозяйства и выражается в возможном изменении долей дохода, приходящихся на его членов, в целях гармонизации их экономических интересов [115]. В рамках данной функции финансы домохозяйств, как подчеркивает С.А. Белозеров, «поддерживают сбалансированное развитие домашнего хозяйства как экономической единицы» [37, с. 37].

Контрольная функция прежде всего связана с тем, что финансовое поведение домохозяйств предполагает постоянный мониторинг и оценку эффективности использования ресурсов. Данная функция реализуется посредством планирования бюджета, ведения учета доходов и расходов, анализа динамики сбережений и уровня задолженности. Она способствует повышению рациональности и обоснованности принимаемых финансовых решений, а также формированию дисциплины в управлении денежными средствами [115].

Инвестиционная функция состоит в трансформации накопленных средств в активы, способствующие приросту личного и общественного богатства. Это могут быть банковские депозиты, ценные бумаги, недвижимость, альтернативные инвестиции (например, предметы искусства), а также вложения в человеческий капитал. Посредством данной функции осуществляется участие домохозяйств в расширенном воспроизводстве на макроэкономическом уровне [115]. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам капитала и внешним источникам финансирования инвестиционная функция приобретает особое значение.

Наряду с указанными выше функциями, С.А. Белозеров выделяет ресурсообразующую, воспроизводственную и консолидирующую [37; 39]. Первая проявляется в формировании денежных доходов из разных источников [39]. Вторая заключается в создании реальных условий существования членов домохозяйства и поддержании их жизнедеятельности [37]. Третья выражается в том, что финансы домохозяйств выступают связующим звеном финансовой системы [39].

Каждая из перечисленных функций, бесспорно, отражает определенные аспекты экономической деятельности домохозяйств. В то же время автору настоящего исследования представляется целесообразным дополнить данный перечень социальной функцией, поскольку финансы домохозяйств обеспечивают выполнение широкого спектра социальных задач: материальная поддержка нетрудоспособных членов домохозяйства, поддержание уровня жизни после завершения трудовой деятельности, перераспределение ресурсов между поколениями.

Кроме того, автор считает необходимым отметить, что реализация описанных функций зависит как от индивидуальных особенностей домохозяйств (уровня дохода, социально-демографических характеристик, личных потребностей, когнитивных способностей, финансовой культуры и др.), так и от факторов внешней среды (как глобальных, так и на уровне конкретного государства).

Важным аспектом в этом контексте является взаимосвязь финансов домохозяйств с денежно-кредитной политикой, реализуемой через каналы трансмиссионного механизма [141]. Так, Дж. Тобин выделил три основных вида проникновения монетарных импульсов в реальный сектор экономики: процентный, кредитный и ценовой (в том числе курсовой) [цит. по: 70, с. 12]. Концептуальные основы их функционирования подробно описаны в статье К.Н. Корищенко [70]. В трактовке автора настоящего исследования влияние денежно-кредитной политики на финансы домохозяйств выражается в следующем.

Процентный канал связан с изменением ключевой ставки Центрального банка. Её повышение (ужесточение денежно-кредитной политики) положительным образом сказывается на доходности вкладов, снижая склонность домохозяйств к заимствованию и стимулируя увеличение сбережений, тогда как снижение (смягчение денежно-кредитной политики), напротив, удешевляет кредиты и стимулирует текущее потребление [141].

Действие канала ликвидности домохозяйств (как разновидности кредитного) основано на предположении о том, что рост цен финансовых активов увеличивает стоимость чистых активов домохозяйств. С увеличением стоимости чистых активов повышается стоимость залогового обеспечения, под которое домохозяйства могут брать кредиты для финансирования расходов на потребление товаров длительного пользования и покупку недвижимости [141].

Канал эффекта богатства (как разновидность ценового) по содержанию близок к описанному выше каналу ликвидности домохозяйств. В случае если сбережения домохозяйств размещены в инструментах финансового рынка (финансовых активах),

повышение их цен приводит к увеличению богатства и, как следствие, росту текущего потребления [141].

Канал цен валютных активов (курсовой) реализуется в условиях открытой экономики с плавающим валютным курсом. Снижение внутренней процентной (ключевой) ставки делает депозиты и финансовые активы, номинированные в национальной валюте, менее привлекательными, что приводит к сокращению притока (или оттоку) капитала и обесценению национальной валюты. Девальвация оказывает многоплановое воздействие на экономику и финансовое поведение домохозяйств [141].

Во-первых, снижение курса национальной валюты повышает ценовую конкурентоспособность отечественной продукции на фоне удорожания импортных аналогов, стимулируя экспорт и перераспределяя спрос в пользу товаров внутреннего производства. С одной стороны, это способствует росту совокупного выпуска. С другой – снижает реальную покупательную способность домохозяйств, вынуждая корректировать структуру расходов, отказываться от части привычного потребления или переходить к более доступным отечественным аналогам.

Во-вторых, ухудшение ожиданий в отношении национальной валюты усиливает склонность домохозяйств к сбережениям в иностранных активах. Это может проявляться как в виде конвертации сбережений в иностранную валюту, так и в виде приобретения валютных финансовых инструментов. Такая динамика способствует валютизации накоплений и снижает эффективность механизма трансформации сбережений в инвестиции внутри национальной экономики.

В-третьих, курсовой канал воздействует на домохозяйства опосредованно – через рынок труда. Обесценение национальной валюты увеличивает стоимость импортируемых производственных ресурсов и обслуживание внешнего долга для предприятий, имеющих заимствования в иностранной валюте. В условиях роста издержек компании могут быть вынуждены сокращать фонд оплаты труда и оптимизировать численность персонала. Следствием данных процессов становится

снижение доходов домохозяйств, ухудшение их финансового состояния и в конечном счете ослабление внутреннего спроса на товары и услуги [141].

Таким образом, канал цен валютных активов трансмиссионного механизма влияет на финансовое поведение домохозяйств через три взаимосвязанных механизма: изменение потребительских цен, валютных предпочтений и доходов на рынке труда.

Влияние механизма денежно-кредитной трансмиссии на финансы домохозяйств схематично изображено на рис. 2.

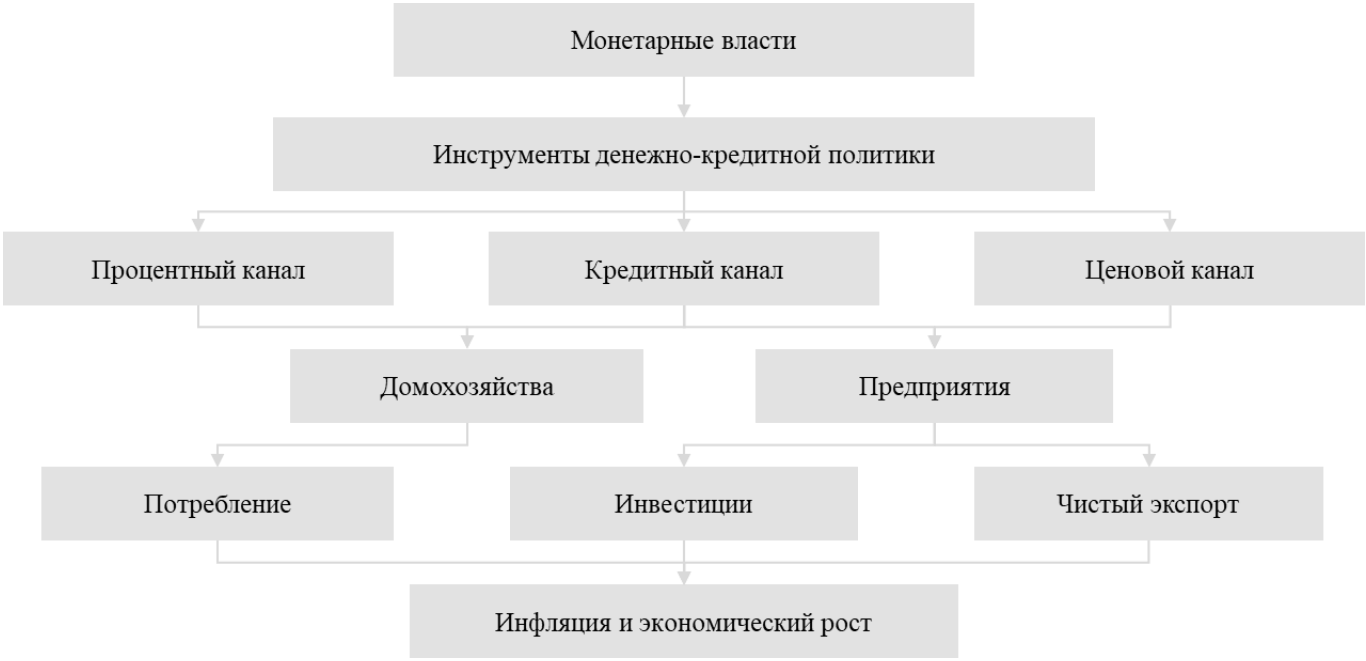

Рисунок 2 – Домохозяйства в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики. Составлено автором [141]

На основании вышеизложенного может быть сделан обоснованный вывод о том, что денежно-кредитная политика оказывает многостороннее воздействие на финансы домохозяйств, в то время как сами домохозяйства посредством своих решений в сфере потребления, сбережения и заимствования формируют условия, в которых эта политика реализуется [141].

Вместе с тем степень восприимчивости домохозяйств к макроэкономическим и монетарным сигналам, а также характер реакции на изменения внешней среды во

многом обусловлены их специфическими особенностями как экономических агентов. Анализ этих особенностей, на взгляд автора, является критически важным для более глубокого понимания поведенческих моделей домохозяйств и степени их чувствительности к экономической политике.

Первой ключевой особенностью домохозяйств выступает их высокая гетерогенность, на что обращает внимание С.А. Белозеров [39]. В этом аспекте можно выделить единичные и групповые домохозяйства. Первые представляют собой экономическую единицу, образованную одним человеком или отдельной семьей [115]. Вторые состоят из нескольких семей или групп людей, причиной объединения которых может служить совместная деятельность [115]. В связи с тем, что единичные домохозяйства составляют абсолютное большинство, в рамках исследования им уделяется основное внимание.

Домохозяйства также могут быть классифицированы по демографическим характеристикам, доходу, занятости, социальному статусу, территориальной принадлежности. Эти различия детерминируют выбор финансовых стратегий. Например, территориальная принадлежность обуславливает институциональную среду, в которой домохозяйства принимают решения [62]. Так, в странах с континентальной моделью организации финансовой системы более распространены банковские продукты, тогда как в странах с англо-саксонской моделью доминируют ценные бумаги, что оказывает влияние на предпочтения домохозяйств в отношении выбора финансовых инструментов.

Несмотря на обозначенную неоднородность домохозяйств, их общей отличительной чертой в области финансов является принятие решений на основе ограниченной информации, под воздействием поведенческих факторов и социокультурных норм [291]. В отличие от предприятий, действия которых регламентируются определенными стандартами, решения домохозяйств зависят от индивидуальных целей, опыта, установок и потребностей.

Согласно результатам исследований в области поведенческой экономики А.

Тверски и Д. Канемана, домохозяйства часто действуют иррационально и подвержены когнитивным и поведенческим искажениям, следствием которых становятся избыточное потребление, краткосрочное планирование и недооценка финансовых рисков [291]. В то же время степень подверженности этим искажениям часто зависит от уровня финансовой грамотности [32; 247]. К последнему замечанию автор еще не раз вернется в следующих параграфах.

От других экономических субъектов домохозяйства также отличает то, что основным источником их пожизненного дохода является человеческий (интеллектуальный) капитал. Впервые данный термин использовал Д. Минсер, затем теория была развита Г. Беккером [188]. В трактовке А.И. Добрынина, С.А. Дятлова и Е.Д. Цыреновой: «человеческий капитал – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействия росту его производительности и заработка» [цит. по: 44, с. 75; 53]. В отличие от материальных и финансовых активов, человеческий капитал неотделим от личности и реализуется за счет участия в рынке труда. В этом контексте он выступает первичным активом домохозяйств, обеспечивающим воспроизводство всех прочих форм богатства.

Кроме того, развитие человеческого капитала способствует созданию новых знаний и идей, которые лежат в основе инновационной деятельности. Не случайно С.А. Дятлов рассматривает человеческий капитал в качестве фактора повышения производительности труда [60]. В микроэкономическом контексте это выражается в росте предельной производительности конкретного работника, в макроэкономическом – в увеличении валового внутреннего продукта. Как следствие, человеческий капитал способствует формированию долгосрочных конкурентных преимуществ как на уровне отдельных предприятий, так и в масштабах национальной экономики, становясь источником эндогенного роста и непрерывного обновления экономической системы, выходящего за пределы механического наращивания

производственных мощностей. Вместе с тем реализация этого капитала сопряжена с высокой степенью неопределенности: она зависит от ситуации на рынке труда, макроэкономической конъюнктуры, доступности образования и здравоохранения, а также индивидуальных способностей домохозяйств.

Совокупность указанных выше характеристик – неоднородность, поведенческие ограничения, опора на человеческий капитал как ключевой ресурс экономической жизнедеятельности – формирует специфику функционирования домохозяйств как экономических агентов, роль которых существенно трансформируется в ходе эволюции общественного развития.

Так, на протяжении длительного времени, в условиях традиционной и индустриальной экономики, домохозяйства воспринимались в основном как пассивные участники экономических отношений, ключевая роль которых заключалась в предоставлении факторов производства и потреблении произведенных благ [180]. Тем самым они выполняли вспомогательную функцию в модели кругооборота доходов и расходов – обслуживали производство, но не формировали собственных стратегий экономического поведения, принимали финансовые решения в условиях ограниченного выбора и напрямую не влияли на динамику макроэкономических переменных. Такая предпосылка определяла низкий уровень вовлеченности домохозяйств в финансово-экономические процессы. Однако после перехода к постиндустриальному обществу характер их участия в системе финансов претерпевает существенные изменения в направлении возрастающей автономности, осознанности и активности.

Концепция «постиндустриального общества» получила широкое признание благодаря работам Д. Белла [33]. Также в литературе встречаются термины «информационное общество» (М. Порат, Е. Масуда) и «общество третьей волны» (Э. Тоффлер) [253; 288].

К числу основных признаков постиндустриального общества относят первостепенную роль информации (знаний), развитие наукоемких технологий,

компьютеризацию производства, переход к сервисной экономике, характеризующейся смещением экономической активности из сферы материального производства в сферу услуг, а также глобализацию [88].

В отношении финансов домохозяйств переход на новую стадию общественного развития ознаменован следующими тенденциями. Во-первых, как отмечают Т.В. Никитина и Э. Шпринглер, либерализация финансовых рынков и развитие инфраструктуры розничных финансовых услуг расширили доступ домохозяйств к сберегательным и инвестиционным инструментам [95; 258; 281]. Во-вторых, распространение цифровых технологий и финансовых инноваций снизило транзакционные издержки и упростило процесс получения информации, что способствовало развитию финансовой инклюзии. Данный тезис, в частности, подтверждают труды С.Е. Дубовой и Ю.А. Варламовой [55; 56; 58; 296]. В-третьих, рост уровня образования и формирование финансовой культуры создали предпосылки для более рационального и устойчивого финансового поведения, о чем свидетельствуют исследования А. Лусарди и О. Митчелл [249]. Наконец, реформирование пенсионной системы послужило дополнительным стимулом к развитию финансовой автономии домохозяйств, что не раз отмечалось в ранее опубликованных статьях автора [260].

Результатом описанных изменений стало постепенное смещение ряда финансовых рисков со стороны финансово-кредитных институтов и государства на сторону домохозяйств [145].

Под финансовым риском М.А. Мгерян понимает «возможность снижения, увеличения и полной потери любого или сразу всех элементов финансов домохозяйства» [86, с. 50]. К числу наиболее распространенных финансовых рисков домохозяйств относят риски снижения или потери доходов, сбережений, инвестиций и активов, а также риски увеличения расходов и обязательств [86]. Кроме того, по источнику возникновения могут быть выделены кредитные, инвестиционные, инфляционные, рыночные и валютные риски.

Систематизация финансовых рисков домохозяйств на основе анализа и обобщения научной литературы представлена на рис. 3.

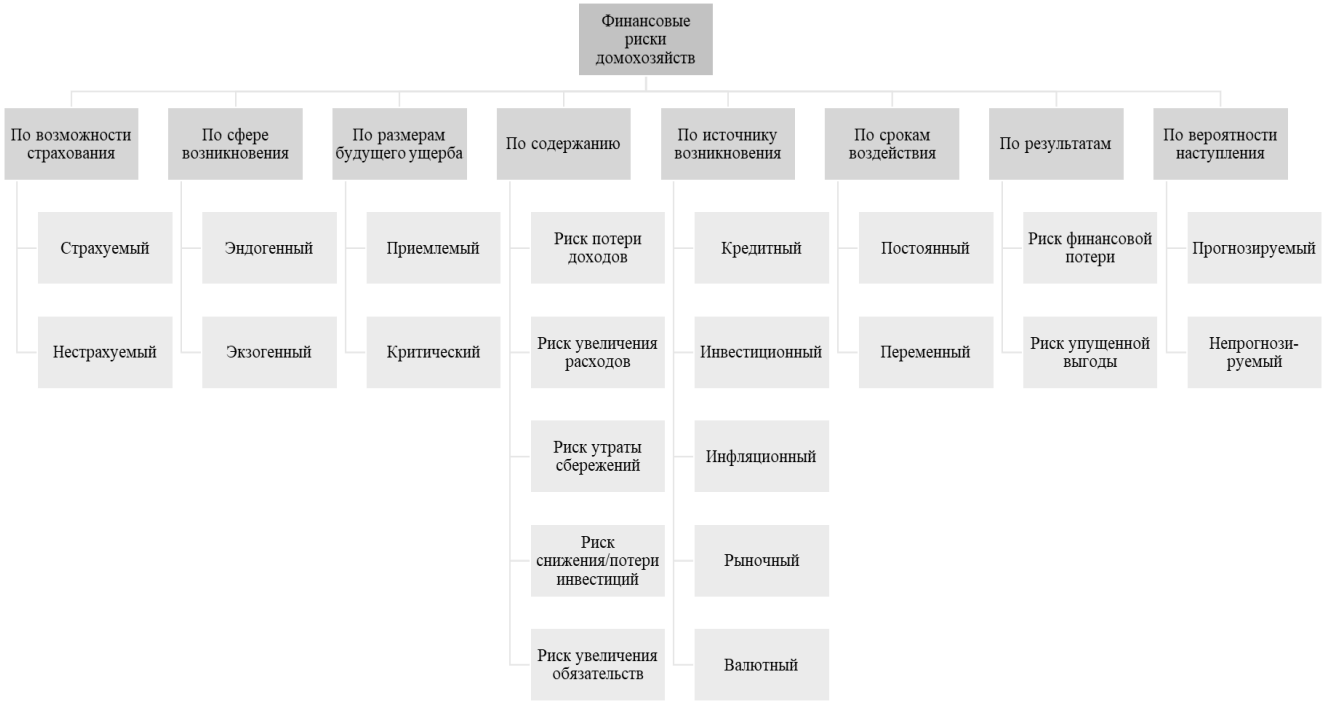

Рисунок 3 – Классификация финансовых рисков домохозяйств.

Составлено автором на основе систематизации работ [86; 145].

В отношении финансовых рисков автор исследования также считает важным отметить, что вероятность их реализации может быть связана со стадиями жизненного цикла домохозяйства, как показано на рис. 4 [145].

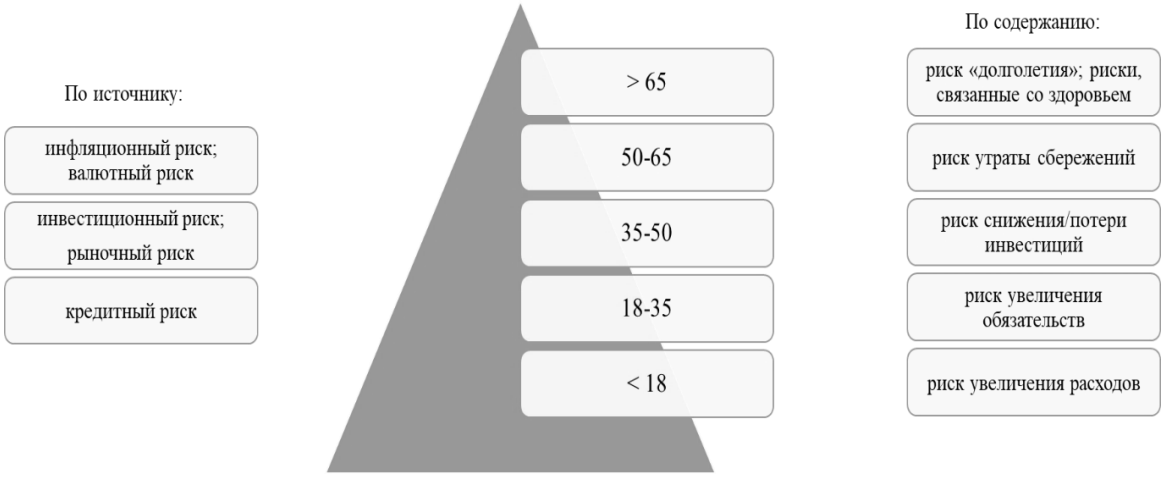

Рисунок 4 – Финансовые риски домохозяйств в соответствии с фазами жизненного цикла. Составлено автором [145].

Так, молодые домохозяйства наиболее часто сталкиваются с риском увеличения обязательств (кредитным риском), зрелые – с инвестиционным и сопутствующим ему рыночным риском, домохозяйства в предпенсионном возрасте – с риском потери доходов и утраты сбережений.

Обилие и разнообразие рисков обуславливает необходимость формирования механизмов управления – как на уровне индивидуального финансового планирования, так и через институциональные инструменты защиты. В данном контексте первостепенное значение приобретает выбор методов и разработка риск-стратегии.

К числу распространенных способов минимизации воздействия финансовых рисков домохозяйств, отмеченных в статьях отечественных и зарубежных авторов, можно отнести ведение семейного бюджета, формирование резервного фонда на случай потери дохода, а также диверсификацию источников доходов [145; 171]. В рамках кредитных стратегий эффективными мерами выступают ограничение долговой нагрузки, рефинансирование при изменении рыночных условий и использование предусмотренных законодательством механизмов реструктуризации долга [111]. Важную роль, несомненно, играет страхование жизни, здоровья, имущества, позволяющее компенсировать негативные последствия непредвиденных событий [85; 144].

Подводя итог изложенному выше, можно сделать вывод о том, что домохозяйства являются самостоятельными экономическими агентами, обладающими специфическим набором характеристик, которые определяют их место в системе экономических отношений. Эволюция роли домохозяйств в экономике выражается в расширении их функций: от потребительской – к более комплексной, включающей активное участие в финансовых отношениях.

Финансы домохозяйств представляют собой сложную экономическую категорию, имеющую двойственную природу. На макроуровне они выполняют системообразующие функции, обеспечивая формирование внутреннего инвестиционного потенциала, стимулирование совокупного спроса, а также передачу

импульсов денежно-кредитной политики через ключевые каналы трансмиссии. На микроуровне – служат основой для реализации повседневных и стратегических экономических решений, связанных с распределением доходов, сбережением, инвестированием, заимствованием и страхованием.

В этой связи дальнейшая логика научного исследования требует перехода от категории «финансы домохозяйств», отражающей систему финансовых отношений, к более узкой категории «финансовое поведение», раскрывающей эти отношения через модели межвременного выбора.

1.2. Сберегательное поведение домохозяйств как элемент финансового поведения: эволюция теорий

В условиях многообразия исследовательских подходов и отсутствия единой общепринятой терминологии в сфере изучения финансового и, в частности, сберегательного поведения домохозяйств особую значимость приобретает уточнение понятийного аппарата, применяемого в диссертационной работе.

В научной литературе встречаются различные определения финансового поведения домохозяйств, некоторые из них представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Определения понятия «финансовое поведение домохозяйств» (составлено автором)

Автор	***Определение***
А.И. Фатихов	«Деятельность индивидов, социальных групп и общностей по достижению общих и личных целей, направленных на удовлетворение своих потребностей посредством использования финансовых ресурсов при взаимодействии между собой и финансовыми институтами» [160, с. 146]
Е.В. Богомолов	«Совокупность реакции индивидов или групп населения на предоставление на рынке финансовых продуктов и услуг, предполагающее мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в их распоряжении денежных ресурсов» [41, с. 50]
Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина	«Поведение домохозяйств, связанное с получением и расходованием денежных средств» [42, с. 58]
А.И. Зотова, И.Г. Давыденко	«Деятельность и (или) совокупность решений домохозяйств по аккумулированию и использованию денежных или ликвидных ресурсов» [67, с. 58]

Продолжение таблицы 1.

Н.Ю. Гондик	«Особая разновидность экономического поведения, связанная с поведением населения на рынке финансовых продуктов и услуг и предполагающая мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в распоряжении населения денежных ресурсов» [49, с. 331]
Т.В. Сабетова	«Система действий и способов использования имеющихся и получаемых финансовых ресурсов» [135, с. 127]
Е.Г. Рубцов	«Особая разновидность экономического поведения, связанная с поведением населения на рынке финансовых продуктов и услуг и предполагающая мобилизацию, перераспределение и инвестирование имеющихся в распоряжении населения денежных ресурсов» [131, с. 255]

Проведенный анализ определений позволяет сформулировать авторскую трактовку понятия финансового поведения домохозяйств как совокупности широкого спектра потребительских, сберегательных, инвестиционных, кредитных, страховых решений и действий, которые принимают члены домохозяйства в процессе управления финансовыми ресурсами с целью достижения личных и общих финансовых целей и удовлетворения материальных потребностей. При этом необходимо отметить комплексный характер данного феномена: финансовое поведение охватывает управление доходами и расходами, формирование и использование сбережений, осуществление инвестиций, обслуживание долга, а также финансовое планирование и принятие решений по приобретению и использованию активов и ресурсов.

Вместе с тем, на взгляд автора настоящего исследования, именно сбережения, представляющие собой ту часть располагаемого дохода, которая не направляется на текущее потребление, играют ключевую роль в обеспечении финансовой устойчивости домохозяйств, являясь инструментом перераспределения ресурсов, позволяющим планировать расходы и нивелировать экономические риски.

С содержательной точки зрения, важно разграничить понятия «сбережения» и «накопления». Так, в рамках Системы национальных счетов (СНС) сбережения трактуются как потоковая величина, тогда как накопления относятся к изменению запасов. Следовательно, сбережения характеризуют межвременное распределение дохода, а накопления – уровень запасов на конец периода.

За счет системы финансовых посредников депозитного, инвестиционного и контрактно-сберегательного типа сбережения домохозяйств трансформируются в финансовые активы – специфическую форму собственности, предполагающую получение дохода. Конкретные формы воплощения финансовых активов выражаются в финансовых инструментах: депозитах, облигациях, акциях, паях, деривативах, превращающих сбережения в источник финансирования реального сектора экономики. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам капитала это придает им особую значимость как внутреннему ресурсу, обеспечивающему экономическое развитие.

Таким образом, сбережения оказывают влияние как на устойчивость отдельных домохозяйств на микроуровне, так и на устойчивость финансовой системы в целом.

Как следствие, сберегательное поведение является одним из важнейших элементов финансового. В понимании автора настоящего исследования, оно представляет собой динамический комплекс адаптивных межвременных решений и действий, направленных на перераспределение располагаемого дохода между текущим и будущим потреблением посредством выбора объема, структуры (инструментов), периодичности и временного горизонта сбережений в целях поддержания благосостояния, исполнения будущих обязательств, достижения долгосрочных финансовых целей (в том числе обеспечения после выхода на пенсию по старости) и реагирования на неопределенность внешней среды. Автор подчеркивает, что данное поведение формируется и реализуется в рамках поведенческих ограничений и институционально детерминированного пространства выбора инструментов сбережений, обусловленного параметрами национальной макроэкономической среды и мировой финансовой архитектуры.

Будучи сложным социально-экономическим феноменом, сберегательное поведение домохозяйств на протяжении столетий находилось в центре внимания исследователей, что в ходе эволюции экономической мысли привело к формированию ряда самостоятельных, но во многом взаимодополняющих теоретических моделей,

объясняющих его сущностную природу. Подробный анализ этих моделей проведен автором в ранее опубликованной статье в издании, рекомендованном ВАК РФ [149]. Далее рассмотрим основные из них.

1. Классическая теория сбережений

Важным аспектом классической экономической теории является предположение о том, что сбережения являются возрастающей функцией от процентной ставки, тогда как инвестиции – убывающей. В парадигме представления классической школы, благодаря изменению процентных ставок, экономика склонна к саморегулирующемуся равновесию. Любые отклонения от равновесия приводят к изменениям процентных ставок, которые восстанавливают баланс между сбережениями и инвестициями [149; 278].

Классическая теория сбережений, безусловно, внесла значительный вклад в развитие экономической мысли в области финансового поведения домохозяйств, однако упрощенный характер её постулатов и наличие существенных ограничений служат поводом для критики со стороны других экономических школ [149].

К замечаниям, в частности, можно отнести ограниченность концепции равенства сбережений и инвестиций. Так, в условиях неопределенности сбережения могут не инвестироваться, а оставаться в виде накоплений, не приносящих дохода (например, в форме наличных). При этом процентная ставка не всегда может обеспечить экономическое равновесие, поскольку в действительности она является не единственным фактором сбережений и инвестиций [149; 196; 203; 231; 232; 238].

Уязвимым местом классической теории также является то, что она основана на принципе невмешательства государства в экономику [233]. Кроме того, критике подвергается предположение о рациональности экономических агентов и полное отсутствие неопределенности [149; 268; 277].

2. Неоклассическая теория сбережений (теория межвременного выбора)

Неоклассическая теория сбережений, с одной стороны, опирается на идеи классиков, с другой – представляет новый взгляд на сбережения через призму

межвременного выбора и максимизации полезности [149]. Одним из авторов данной концепции является И. Фишер, сопоставивший потребление в настоящем и будущем [149; 213]. В соответствии с предложенной им теорией, потребление зависит не только от текущего располагаемого дохода, но и от будущего, а также от реальной процентной ставки [149; 213; 268].

Допущением, лежащим в основе данной модели, по-прежнему является гипотеза о рациональном поведении индивидов, совершенстве информации и отсутствии неопределенности. Несмотря на указанные ограничения, модель И. Фишера стала важным шагом на пути к пониманию экономического поведения с учетом фактора времени [149].

3. Кейнсианская модель сбережений (теория абсолютного дохода)

В упрощенной версии кейнсианской модели текущий располагаемый (абсолютный) доход является основным фактором, определяющим сбережения и потребление [233]. При этом при росте дохода доля потребления уменьшается, а доля сбережений увеличивается [268].

В то же время изменение процентных ставок не имеет решающего влияния на сбережения, как в классической теории, поскольку, по Дж. М. Кейнсу, процентная ставка определяется предпочтениями ликвидности (спросом на деньги) и предложением денег, а не балансом между сбережениями и инвестициями [233]. Последнее замечание вызвало критику кейнсианской модели. Так, С. Кузнец обратил внимание на то, что постулатам Дж. М. Кейнса соответствует краткосрочная функция потребления, тогда как долгосрочная характеризуется постоянным значением средней склонности к потреблению [268]. Это обусловило необходимость поиска нового подхода, в рамках которого краткосрочная и долгосрочная функция сбережений были бы основаны на единых предпосылках [149].

4. Гипотеза перманентного дохода

М. Фридман вводит гипотезу перманентного дохода, согласно которой сбережения в любой период определяются не текущим уровнем дохода, а

долгосрочным средним ожидаемым доходом за весь период жизни [149; 217]. Данная теория основана на двух предпосылках. Первая заключается в том, что индивиды желают уравнять ожидаемую предельную полезность потребления во времени. Вторая состоит в том, что они способны реагировать на изменения текущего дохода за счет накопленных сбережений, поэтому даже при временных изменениях текущего дохода потребление не будет значительно колебаться [217]. При этом горизонт планирования в модели М. Фридмана бесконечен [217].

К ограничениям теории перманентного дохода относится предположение об отсутствии неопределенности относительно уровня дохода. В реальной жизни доходы домохозяйств могут быть подвержены значительным колебаниям из-за влияния различных экономических и социальных факторов, ввиду чего гипотеза о стабильности дохода во многих случаях может быть несостоятельной [149].

Еще один нюанс заключается в том, что она не учитывает ограничения ликвидности, обуславливающие невозможность заимствовать деньги или, наоборот, израсходовать сбережения [268]. Кроме того, сложность заключается в эмпирическом тестировании гипотезы, поскольку перманентный доход является латентной переменной [149; 203].

5. Гипотеза жизненного цикла

Теория жизненного цикла, сформулированная Ф. Модильяни и Р. Брумбергом, считается дополнением модели перманентного дохода М. Фридмана [268]. В её основе лежит предположение о том, что домохозяйства планируют потребление и сбережения таким образом, чтобы оптимально распределить совокупный доход на протяжении всей жизни и «сгладить» потребление во времени, максимизируя полезность [255]. Данное предположение позволило разрешить противоречие между краткосрочной и долгосрочной функциями потребления, которое С. Кузнец выявил при анализе кейнсианской модели [149].

В отличие от теории перманентного дохода в модели Модильяни-Брумберга существует четкая связь между жизненными этапами и динамикой сбережений [230].

Считается, что в молодости домохозяйствам приходится заимствовать деньги, поскольку потребности часто превышают текущие доходы. В период трудовой деятельности домохозяйства, напротив, активно сберегают, чтобы накопить капитал для поддержания уровня жизни в старости [255]. Еще одно отличие теории жизненного цикла от модели М. Фридмана состоит в том, что сбережения, накопленные в течение всей жизни, в конечном итоге должны быть израсходованы, а не переданы по наследству [149].

Как следствие, данная теория также имеет допущения, не соответствующие современным реалиям. Среди них – наличие точной информации о совокупном доходе и продолжительности жизни, отсутствие мотива наследства и ограничений ликвидности [101]. В действительности же существует неопределенность как в отношении продолжительности жизни, так и в отношении статуса занятости, а значит, и уровня дохода на разных её этапах. Несмотря на указанные ограничения, теория Ф. Модильяни на протяжении долгих лет оставалась доминирующей концепцией сберегательного поведения домохозяйств [149].

Таким образом, проанализированные выше модели имеют фундаментальное значение в развитии теории сберегательного поведения домохозяйств, однако современная экономическая среда, характеризующаяся высоким уровнем неопределенности, изменением социально-демографической структуры, развитием цифровых технологий и финансовых инноваций, требует пересмотра традиционных экономических концепций.

Эмпирические исследования последних десятилетий показали существенные отличия реального финансового поведения домохозяйств от предсказанного моделями. Так, М. Браунинг и А. Лусарди выделяют следующие тенденции в области сберегательного поведения американских домохозяйств в 1990-е годы [193]. Во-первых, несмотря на предсказания модели жизненного цикла, сбережения остаются положительными во всех возрастных группах: они увеличиваются вплоть до выхода на пенсию, а затем несколько сокращаются, но не становятся отрицательными [193].

Во-вторых, средний уровень сбережений существенно превышает медианный, что свидетельствует о значительной асимметрии их распределения: многие домохозяйства вовсе не осуществляют сбережений, тогда как основная масса накоплений сосредоточена в верхнем дециле распределения доходов [193]. В-третьих, наблюдается положительная корреляция между уровнем образования и склонностью к сбережению: у более образованных домохозяйств кривая взаимосвязи возраста и сбережений имеет более выпуклую форму [193].

Далее рассмотрим некоторые современные теории и подходы, частично учитывающие указанные изменения.

6. Модель резервного запаса (сбережений «на черный день»)

Одна из современных моделей сберегательного поведения была разработана в 1990-х годах К. Кэроллом и получила название «модель резервного запаса» (“buffer-stock model”). В ее основе лежит идея о том, что домохозяйства стремятся образовать «резервный запас» сбережений для защиты от возможных неожиданных финансовых шоков [196]. Модель предполагает, что домохозяйства принимают решения о размере этого резервного запаса, учитывая такие факторы, как степень неопределенности в отношении будущих доходов, расходов и возможных финансовых рисков [238]. Главным мотивом сбережений при этом выступает подготовка к наступлению чрезвычайных ситуаций [233]. В упрощенном понимании, речь идет о накоплениях «на черный день».

Данная модель не является в полной мере исчерпывающей, но представляет собой значимое дополнение традиционных экономических теорий сберегательного поведения [149].

7. Психологический подход

Несмотря на то, что экономическая психология зародилась еще в конце XIX века, о чем свидетельствуют работы французского социопсихолога Г. Тарда, ее расцвет пришелся на середину XX века и связан с именем Дж. Катоны [76; 232].

Дж. Катона создал классификацию сбережений, разделив их на контрактные,

дискреционные и остаточные [цит. по: 76, с. 89; 232]. Он показал, что различные виды сбережений по-разному реагируют на изменение экономической среды. Контрактные сбережения, осуществляемые на основе ранее заключенных соглашений или обязательств, остаются относительно стабильными, в то время как дискреционные (осознанные добровольные) и остаточные (остальные) сбережения могут значительно варьироваться в зависимости от экономической ситуации и ожиданий домохозяйств [цит. по: 76, с. 89; 232].

8. Поведенческий подход

Альтернативным направлением экономической мысли начиная с 70-х годов прошлого века стала поведенческая теория, изучающая влияние психологических и когнитивных факторов на финансовые решения домохозяйств. У её истоков стояли Д. Канеман и А. Тверски, авторы «теории перспектив» и субъективной полезности [231]. Позднее их идеи развил Р. Талер, в числе заслуг которого описание множества поведенческих концепций, таких как «ментальный учет», «эффект фрейминга», «эффект якоря (привязки)», «гиперболическое дисконтирование», «архитектура выбора», «самоконтроль» [277]. Вместе с К. Санстейном он разработал теорию «подталкиваний» – мягких вмешательств, которые помогают людям принимать решения без прямого указания [149]. Теория Р. Талера способствовала созданию новых мер экономической политики, направленных на улучшение благосостояния домохозяйств посредством совершенствования механизма присоединения работников к корпоративным пенсионным программам [277].

Несмотря на значительный вклад поведенческой экономики в понимание мотивов и механизмов принятия решений домохозяйствами, её развитие сопровождается рядом методологических ограничений. Одним из наиболее существенных является сложность формализованного эконометрического обоснования поведенческих искажений. В отличие от неоклассических моделей, основанных на допущении о полной рациональности, поведенческие модели подразумевают множество когнитивных отклонений, количественная фиксация

которых требует специфических данных, часто получаемых в условиях лабораторных и полевых экспериментов [149]. Более того, поведенческие эффекты, как правило, взаимосвязаны, что затрудняет построение устойчивых регрессионных оценок и требует использования сложных методов количественного и качественного анализа.

Таким образом, проанализированные выше модели могут рассматриваться как концептуальные основы, сформировавшие научный дискурс в области финансов домохозяйств. Вместе с тем выявленные в ходе их исследования ограничения указывают на необходимость расширения теоретических рамок за счет эмпирического анализа мотивов и факторов, оказывающих воздействие на сберегательное поведение.

1.3. Типологизация мотивов и факторов, детерминирующих сберегательное поведение домохозяйств

Одна из первых и вместе с тем наиболее влиятельных типологий мотивов сбережений была предложена Дж. М. Кейнсом в работе «Общая теория занятости, процента и денег» [233]. Он выделил восемь основных причин, побуждающих к накоплению. В интерпретации М. Браунинга и А. Лусарди эти мотивы включают:

1. предосторожность – создание резервов на случай непредвиденных обстоятельств;
2. жизненный цикл – подготовка к периоду, когда уровень потребления превысит доход;
3. межвременной выбор – стремление получить выгоду от будущего потребления за счет процентов или роста стоимости активов;
4. повышение уровня жизни – желание в будущем расширить объем потребления;
5. независимость – стремление к автономии и свободе выбора;
6. предпринимательство – накопление средств для осуществления деловых или инвестиционных проектов;

7. завещание – намерение оставить наследство;

8. скупость – иррациональная склонность к накоплению ради самого процесса [цит. по: 193, с. 1797].

М. Браунинг и А. Лусарди добавили к этому перечню девятый мотив – «мотив первоначального взноса» (например, на покупку недвижимости или автомобиля), что в условиях высокой стоимости товаров длительного пользования приобретает всё большее значение [193, с. 1797].

Представленная типология мотивов сбережений, восходящая к работе Дж. М. Кейнса и дополненная М. Браунингом и А. Лусарди, на взгляд автора, заслуживает признания как теоретически обоснованная. Она охватывает как рациональные, так и ценностно-поведенческие мотивы сберегательного поведения, сочетая функциональные (межвременной выбор, предосторожность, предпринимательство), стратегические (жизненный цикл, завещание, повышение уровня жизни) и индивидуально-психологические (независимость, скупость) компоненты.

Вместе с тем развитие поведенческих и психологических подходов к анализу сберегательного поведения домохозяйств позволяет автору предложить содержательное расширение данной типологии за счет включения целевого и репутационного мотивов.

Несмотря на то, что в ряде современных исследований встречается мотив накопления на конкретные цели, как самостоятельная теоретическая категория он не получил четкой формализации [240]. В работах Дж. М. Кейнса, М. Браунинга и А. Лусарди, а также их последователей, данный мотив представлен либо имплицитно, либо приведены его частные случаи. Так, например, Дж. Катона выделил шесть сберегательных целей: на случай чрезвычайных ситуаций; резерв на предметы первой необходимости; выход на пенсию; обеспечение нужд детей; покупка дома или товаров длительного пользования; отдых [цит. по: 215, с. 65; 232].

В авторской трактовке целевой мотив представляет собой побуждение к формированию сбережений ради заранее определенной, конкретной и

персонализированной цели, которая воспринимается домохозяйством как значимая и достижимая в обозримом будущем.

Кроме того, автор обосновывает необходимость выделения в отдельную категорию репутационного мотива, отражающего стремление домохозяйства формировать и поддерживать определенный социально одобряемый образ. В рамках данного мотива сбережения выступают в роли инструмента символической идентификации – демонстрации социального статуса. Такой мотив особенно ярко проявляется, когда финансовые решения становятся объектом внешней оценки, например, при демонстрации инвестиционных решений в социальных сетях, таких как «Пульс» от «Т-Банка».

Несмотря на структурную завершенность представленной типологии, в современной экономической литературе сохраняется дискуссионность в отношении сравнительной значимости мотивов сбережений. Центральный вопрос заключается в том, какие именно основания в наибольшей степени определяют реальные поведенческие решения домохозяйств в различных социально-экономических условиях. Эмпирические исследования, опирающиеся на панельные и пространственные данные, демонстрируют неоднородные результаты, что обусловлено как межстрановыми институциональными различиями, так и разнообразием поведенческих и демографических профилей домохозяйств. Тем не менее, в ряде работ прослеживается определенный консенсус относительно приоритета отдельных мотивов.

На основании анализа экономической литературы по теме исследования автором выделены четыре ключевых мотива сбережений:

1. Мотив межвременного выбора, предполагающий перенос потребления с настоящего на будущее с целью максимизации совокупной полезности. Данный мотив отражает базовое положение неоклассической теории о стремлении индивида к межвременной оптимизации потребления с учетом субъективной нормы дисконтирования и ожидаемой доходности активов [217; 213]. Он представляет собой

теоретическое ядро большинства рационалистических моделей сбережений и сохраняет свою аналитическую значимость при объяснении поведения домохозяйств с высоким уровнем дохода и стабильной занятостью.

2. Мотив жизненного цикла, предполагающий формирование сбережений в целях сглаживания потребления на протяжении жизни и особенно актуальный на этапе подготовки к выходу на пенсию. Теоретические основы данного мотива заложены в модели Модильяни-Брумберга и остаются релевантными в условиях возрастающей ответственности домохозяйств за обеспечение благосостояния после окончания трудовой деятельности.

3. Мотив предосторожности, обусловленный стремлением к самострахованию на случай непредвиденных событий: потери дохода, ухудшения здоровья, экономической нестабильности. Он особенно выражен у домохозяйств с нестабильной занятостью и ограниченным доступом к механизмам страховой защиты [196].

4. Мотив завещания, связанный с межпоколенческой передачей накопленного капитала [189]. Так, в статье И. Олейник рассматриваются четыре вида завещаний [267]. Альтруистические основаны на бескорыстной мотивации: наследодатель стремится обеспечить благополучие наследников независимо от того, получит ли он что-либо взамен. Эгоистические формируются в интересах самого наследодателя в обмен на гарантированную заботу наследника в старости. Ретроспективные обусловлены тем, что завещатель сам ранее получил наследство, например, от своих родителей. Патерналистские – те, в которых основным мотивом передачи наследства является удовлетворение воли завещателя, без учета реальных потребностей получателей [267].

Вопрос о том, какой из этих мотивов имеет первостепенное значение, остается открытым и активно обсуждается в современной научной литературе. Результаты исследований, полученные в различных институциональных и культурных контекстах, позволяют очертить спектр мнений по этой теме.

П. Фишер и С. Анонг проанализировали данные, полученные в рамках «Обследования потребительских финансов» (“Survey of Consumer Finances”), и пришли к выводу о том, что домохозяйства, следующие мотиву жизненного цикла, склонны к более регулярным сбережениям по сравнению с теми, кто руководствуется мотивом предосторожности [215]. Противоположной точки зрения придерживается А. Линдквист, который утверждает, что сбережения на случай чрезвычайных ситуаций (мотив предосторожности) имеют приоритет над сбережениями на старость [244]. В то же время Б.Д. Бернхайм, А. Шляйфер и Л.Х. Саммерс отмечают важность мотива завещания [189].

Сравнительный анализ взглядов на поставленный вопрос свидетельствует об отсутствии универсальной иерархии мотивов сберегательного поведения домохозяйств. Более того, наличие мотива само по себе не означает, что домохозяйство действительно будет формировать сбережения, поскольку его реализация зависит от множества факторов, определяющих не только потребность в сбережениях, но и реальную возможность накапливать средства. Часть таких факторов была рассмотрена в параграфе 1.2. в ходе анализа экономических теорий сберегательного поведения. Однако современные эмпирические исследования показывают, что на практике круг детерминант значительно шире.

С опорой на изученные источники, по содержательному признаку автором выделены пять ключевых групп факторов, оказывающих влияние на сберегательное поведение домохозяйств: экономические; институциональные; социально-культурные; социально-демографические; личностно-психологические и поведенческие. Далее на основе анализа литературы рассмотрим, как именно эти факторы могут влиять на сберегательное поведение.

1. Экономические факторы

В первую группу входят экономические факторы, такие как доход, ключевая ставка, инфляция и макроэкономическая стабильность.

1.1. Доход

Как было отмечено в параграфе 1.2, фундаментальные модели абсолютного дохода Дж. М. Кейнса и перманентного дохода М. Фридмана постулируют доход в качестве ключевой детерминанты потребления и сбережений [233; 217].

Й. Юх и Ш. Ханна отмечают, что домохозяйства, ожидающие увеличение дохода, с большей вероятностью создают сбережения. При этом по мере увеличения благосостояния домохозяйства возрастает вероятность наличия сбережений [298].

Н.В. Горшкова, М.М. Гузев, Е.В. Логинова и Ю.К. Хижняк в ходе анализа Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам, проведенного Банком России в 2022 году, заключают: «уровень дохода хоть и влияет на возможный уровень сбережений домохозяйств, но не является определяющим фактором» [50, с. 228].

Вместе с тем Н.В. Аликперова считает доход одним из основополагающих факторов формирования экономического поведения домохозяйств, наряду с доверием к финансово-кредитным институтам и их доступностью [19].

1.2. Ключевая ставка (или реальная процентная ставка)

Согласно модели межвременного выбора, повышение процентной ставки стимулирует рост сбережений. Эмпирические исследования указывают на гораздо более сложные и неоднозначные эффекты.

Д. Туллио и Ф. Контессо, на основе выборки из восьми стран, включающих Германию, США, Италию, Францию, Великобританию, Японию, Бельгию и Швецию, подтверждают гипотезу о том, что более высокая процентная ставка приводит к увеличению сбережений и сокращению потребления [290].

В то же время Д. Баум приходит к выводу о том, что реальная норма процента не оказывает существенного влияния на потребление и сбережения [187]. Л. Саммерс также отмечает, что существенный рост процентных ставок в 1980-х годах в США не привел к увеличению частных сбережений [284].

1.3. Инфляция

Механизм воздействия инфляции на сберегательное поведение раскрывается в

отчете Европейского центрального банка, из которого следует, что в ответ на возросшие темпы инфляции в 2023 году европейские домохозяйства сначала резко увеличили потребление (что может быть объяснено так называемым эффектом «немедленного потребления», то есть стремлением опередить обесценение денег), а затем сократили его и были вынуждены расходовать сбережения, прибегать к займам, просить о повышении зарплаты [191].

Вместе с тем К. Кэмпбелл и Ж.М. Ловати отмечают, что влияние инфляции зависит от природы инфляционных эпизодов: ожидаемые они или непредвиденные [194]. Если ожидаемая инфляция устраняется посредством индексации заработной платы, непредвиденная всё равно может повысить норму сбережений [194].

1.4. Макроэкономическая стабильность

Одним из ключевых факторов, определяющих характер и устойчивость сберегательного поведения домохозяйств, на взгляд автора, является макроэкономическая стабильность.

Так, в рамках анализа, проведенного К. Дайнан, Ж. Скиннер и С. Зелдес, установлено, что в условиях предсказуемой макросреды домохозяйства склонны к долгосрочному планированию сбережений [210]. Напротив, в периоды макроэкономической турбулентности преобладают спорадические сбережения, обусловленные мотивом предосторожности [210]. Схожие выводы содержатся в исследовании Н. Лоайза, К. Шмидт-Хеббель и Л. Сервен, в котором на данных выборки из 20 развивающихся стран показано, что инфляционная и валютная нестабильность статистически значимо снижают уровень частных и национальных сбережений [245].

Таким образом, краткосрочный рост сбережений в ответ на экономические потрясения не отменяет фундаментального значения макроэкономической стабильности как основы для развития устойчивой сберегательной культуры.

2. Институциональные факторы

Вторая группа охватывает институциональные факторы, среди которых можно

выделить степень развития финансовой системы, уровень финансовой инклюзии (доступности финансовых услуг), тип пенсионной системы, а также государственные меры поддержки.

2.1. Степень развития финансовой системы и уровень финансовой инклюзии

Влияние уровня развития финансовой системы на сбережения проявляется в различных аспектах.

Р. Левин, Т. Бек и Н. Лоайза обращают внимание на то, что развитие финансово-кредитных институтов и механизмов финансового посредничества способствует росту частных накоплений, особенно среди домохозяйств со средним уровнем дохода [242]. Н.В. Аликперова среди ключевых факторов сберегательного поведения выделяет доступность финансовой инфраструктуры и банковских услуг (онлайн и офлайн) [19]. Значимость финансовой инклюзии также подчеркивается в публикациях С.Е. Дубовой [55; 56; 58].

Согласно отчету Межамериканского банка развития (IADB), устранение институциональных и инфраструктурных барьеров, в том числе за счет цифровой финансовой инклюзии, способствует значительному росту организованных сбережений, тогда как в странах с фрагментарной или неразвитой финансовой системой значительная часть сбережений остается в неформальном секторе, что снижает эффективность трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики [206].

На размер сбережений также может влиять доступность кредитов. В странах, где условия кредитных договоров требуют больших первоначальных взносов, домохозяйства вынуждены чаще откладывать деньги. Так, Ф. Хаяши отмечает, что высокий коэффициент первоначального взноса, составляющий 40% при покупке жилья, объясняет высокую норму сбережений в Японии среди молодежи [226, с. 167].

2.2. Пенсионная система

Вопрос о том, в какой степени различные типы пенсионных систем – распределительные или накопительные, государственные или частные – стимулируют

или, напротив, сокращают частные сбережения, является предметом активного академического обсуждения [91].

Модель пересекающихся поколений, разработанная П. Самуэльсоном и П. Даймондом с учетом выводов моделей Солоу и Рамсея-Касса-Купманса, теоретически доказывает, что в экономике, где темпы роста населения превышают равновесную ставку процента, распределительная пенсионная система способна обеспечить более высокий уровень потребления всех поколений, достигая так называемого «золотого правила накопления» [275]. В этом контексте, по мнению П. Самуэльсона и П. Даймонда, распределительная система выступает оптимальным механизмом межпоколенческого перераспределения [275]. В отличие от неё, накопительная система, основанная на индивидуальных взносах и инвестиционной доходности, стимулирует рост объема накопленного капитала в экономике, но не обеспечивает автоматического перераспределения между поколениями. Она становится предпочтительной в условиях замедления демографического роста [275].

2.3. Государственные меры поддержки

Эмпирические исследования последних лет подтверждают, что реакция домохозяйств на государственные инициативы в области сбережений носит неоднородный характер.

В исследовании Европейского центрального банка 2021 г. установлено, что домохозяйства еврозоны демонстрируют частичную рикардианскую эквивалентность: фискальные стимулы приводят к увеличению нормы сбережений [197].

Анализ фискальных антикризисных мер в странах Центральной Европы в период пандемии COVID-19, проведенный Т.Г. аль Мамун и соавторами, на примере Словакии и Польши демонстрирует, что целенаправленные фискальные меры способствуют стабилизации потребления, в то время как более масштабные фискальные меры (программа «Антикризисный щит») оказываются менее эффективными [289].

В исследовании Т. Ферейры и соавторов отмечается, что в условиях значительного уровня «избыточных сбережений» у населения (например, после программ выплат 2020-2021 гг. в ЕС), эффективность политики количественного смягчения для стимулирования потребления существенно снижается [212].

3. Социально-культурные факторы

Третья группа включает социально-культурные факторы сберегательного поведения. Так, например, Б. Штрумпель объясняет более высокий уровень сбережений, наблюдаемый в Германии по сравнению с США, общекультурными факторами, такими как ориентация на долгосрочную финансовую стабильность, сдержанность в потреблении, пессимистичные ожидания относительно будущего на основе исторического опыта [282].

4. Социально-демографические факторы

Четвертую группу составляют социально-демографические факторы: пол, возраст, семейное положение, образование и статус занятости.

4.1. Пол

Как отмечает П. Фишер, гендерные различия финансового поведения проявляются в том, что женщины в среднем сберегают меньше, чем мужчины [214]. Схожие выводы приводятся в отчете Vanguard, согласно которому средний размер пенсионных накоплений на счетах мужчин на 44% выше, чем у женщин [201].

Результаты исследования Банка России «Демография и сбережения: исследование на основе данных опроса российских домохозяйств» также подтверждают, что домохозяйства, возглавляемые женщинами, менее склонны к сбережениям [40]. Кроме того, как следует из работ Дж. Алменберг и А. Дребер, женщины владеют меньшим количеством активов и реже выбирают высокорисковые и высокодоходные инструменты [181].

Однако данная тенденция не случайна. В частности, по мнению Т. Вильямса, гендерные различия в уровнях сбережений нередко обусловлены институциональными и структурными факторами: женщины в среднем меньше

зарабатывают, сталкиваются с перерывами в карьере (в связи с уходом за детьми) и имеют большую продолжительность жизни, что увеличивает горизонт пенсионного планирования [297].

4.2. Возраст

Предположение о влиянии возраста на потребление и сбережения является ключевой предпосылкой в модели жизненного цикла Модильяни-Брумберга, согласно которой домохозяйства формируют сбережения в трудоспособном периоде и расходуют накопленные средства после выхода на пенсию, тем самым стремясь сгладить уровень потребления на протяжении жизни [255]. В эмпирических исследованиях данная закономерность подтверждается лишь частично.

Б. Босворт и Л. Белл отмечают, что на домохозяйства, глава которых находится в возрасте от 40 до 60 лет, приходится более 75% всех сбережений, а домохозяйства старше 60 лет, напротив, испытывают их недостаток, что соответствует теории жизненного цикла [192]. В то же время К. Кэрролл и Л. Саммерс в рамках масштабного межстранового исследования приходят к выводу, что форма возрастных профилей нормы сбережений на практике лишь в некоторой степени соответствует теории [195].

4.3. Семейное положение

Еще одним социально-демографическим фактором, оказывающим влияние на сберегательное поведение, является семейное положение.

Согласно отчету “Society of Actuaries”, люди, состоящие в браке или партнерстве, чаще отдают приоритет накоплению средств на пенсию, чем одинокие домохозяйства [279]. Этот вывод коррелирует с результатами уже упомянутого исследования Банка России, в котором отмечается, что «по сравнению с семьями без детей домохозяйства из одного человека и семьи с детьми с меньшей вероятностью формируют сбережения» [40, с. 20].

Изменение семейного положения также оказывает влияние на выбор финансовых инструментов. Так, Д.А. Лав доказывает, что вдовство приводит к

резкому сокращению доли акций в портфеле [246].

4.4. Образование

Л. Солмон обращает внимание на то, что более образованные домохозяйства лучше понимают механизмы защиты от инфляции, стремятся к приросту капитала и откладывают сбережения для детей (на образование, помощь в устройстве семьи и наследство), в то время как менее образованные ориентированы на сохранение капитала и больше сберегают для поддержания текущего дохода [280].

А. Лусарди и О. Митчелл приходят к выводу о том, что домохозяйства без высшего образования демонстрируют низкий уровень финансовых знаний в отношении базовых концепций финансовой грамотности [250]. В то же время Д. Грей и соавторы утверждают, что на примере Великобритании общее образование не оказывает системного влияния на финансовое поведение, и, несмотря на очевидные положительные последствия образовательных реформ, для формирования устойчивых моделей финансового поведения требуется специальная образовательная политика [223].

5. Личностно-психологические и поведенческие факторы

Пятая группа объединяет личностно-психологические и тесно связанные с ними поведенческие факторы. Анализ влияния этих факторов на финансовое поведение домохозяйств находится в центре внимания экономической психологии и поведенческой экономики. Первое направление, основанное Г. Тардом и развитое Дж. Катоной, исследует взаимосвязь между ожиданиями, настроениями, желаниями домохозяйств и их экономическим поведением [232]. Второе направление, представленное работами Д. Канемана, Д. Лейбсона, А. Тверски, Р. Талера, изучает влияние поведенческих искажений, установок, когнитивных ограничений и эвристик на принятие финансовых решений [231; 239; 286; 291].

5.1. Поведенческие факторы

Основная идея поведенческой экономики заключается в том, что решения домохозяйств, в том числе в сфере сбережений, выходят за рамки рациональной

парадигмы и не всегда соответствуют предсказаниям неоклассической теории полезности.

Одними из ключевых поведенческих концепций являются ограниченный самоконтроль и склонность к гиперболическому дисконтированию. Гиперболическая модель дисконтирования, предложенная Д. Лэйбсоном, в отличие от равномерной (или экспоненциальной) предполагает, что домохозяйства значительно переоценивают текущие издержки в виде отказа от потребления по сравнению с будущими выгодами [239]. В результате чего сбережения становятся определенным компромиссом между импульсной склонностью к текущему потреблению и механизмами самоконтроля. Подобное поведение приводит к тому, что домохозяйства систематически накапливают меньше, чем могли бы в случае рационального планирования.

Описанная концепция согласуется с теорией перспектив Д. Канемана и А. Тверски, согласно которой экономические решения зависят не от абсолютных уровней выигрышей и потерь, а от их восприятия относительно субъективной точки отсчета [231]. Сбережения, воспринимаемые как сокращение доступного дохода (а не как будущая выгода), могут оцениваться как потери. Кроме того, асимметрия восприятия потерь и выигрышей (“loss aversion”) приводит к низкой склонности к добровольному ограничению потребления [292].

Эффекты якоря и фрейминга, также описанные Д. Канеманом и А. Тверски, объясняют чувствительность домохозяйств к различным формулировкам одной и той же экономической альтернативы [291]. Эти эффекты активно применяются в маркетинге финансовых услуг для создания триггеров, стимулирующих выполнение определенного действия (например, открытия банковского счета).

Другим значимым поведенческим фактором выступает «эффект статус-кво», описанный П. Самуэльсоном и Р. Зекхаузером [276]. Он выражается в том, что домохозяйства склонны придерживаться привычной стратегии финансового поведения, даже если альтернатива предлагает объективное преимущество.

Поведенческая инерция находит эмпирическое подтверждение в работе Б. Мэдриана и Д. Ши, в рамках которой анализируется изменение политики участия в плане 401(k) крупной американской корпорации. Авторы показывают, что «автоматическое включение» новых сотрудников в пенсионные планы приводит к резкому росту участия в корпоративных пенсионных программах [251]. Эта идея также находит отражение в экспериментальных исследованиях Р. Талера и Ш. Бенартци в рамках программы “Save More Tomorrow”, которые свидетельствуют о том, что изменение контекста принятия решений (например, автоматическое повышение процента отчисления пенсионных накоплений при росте дохода) позволяет повысить уровень сбережений [286]. Данные выводы указывают на значимость не только индивидуальных характеристик и предпочтений домохозяйств, но и «архитектуры выбора» – структурных элементов, встраиваемых в поведенческую среду [286].

5.2. Финансовая грамотность и финансовая культура

Автор настоящего исследования также выражает солидарность с представителями научного сообщества, которые считают, что степень подверженности поведенческим и когнитивным искажениям может зависеть от уровня финансовой грамотности. Данная проблематика находит отражение в ряде работ автора, в том числе в издании, рекомендованном ВАК РФ [92; 96; 137; 139; 259].

Финансовая грамотность определяется OECD как «сочетание финансовой осведомленности, знаний, навыков, установок и поведения, необходимых для принятия обоснованных финансовых решений и, в конечном счете, достижения личного финансового благополучия» [263; цит. по: 264, с. 6]. Как пишут М.В. Рыжкова, Э.Р. Кашапова, А.М. Дибров, А.Е. Костромина, «рациональное финансовое поведение при наличии когнитивных искажений труднодостижимо и по сути служит эталоном уровня финансовой грамотности» [132, с. 144].

Анализ зарубежных и отечественных исследований финансовой грамотности позволяет их условно разделить на две группы в зависимости от того, какую роль финансовая грамотность играет в изучаемых взаимосвязях – зависимой или

независимой переменной [92].

Первая группа исследований направлена на выявление факторов, влияющих на уровень финансовой грамотности [92]. В этих работах уровень финансовой грамотности рассматривается как зависимая переменная (результат), формируемая под воздействием различных социальных, демографических и экономических факторов. Х. Чен и Р.П. Вольпе доказывают, что мужчины в среднем демонстрируют более высокий уровень финансовой грамотности, чем женщины [цит. по: 96, с. 80; 198]. Результаты исследования М.С. Финке, Ж.С. Хоу и С.Ж. Хьюстон подтверждают, что пожилые люди менее финансово грамотны, чем лица среднего возраста [цит. по: 96, с. 81]. А. Лусарди и О. Митчелл отмечают: респонденты с высшим образованием и стабильными источниками дохода показывают более высокие результаты в тестах на финансовую грамотность [250]. По мнению Л. Манделла, важную роль в формировании финансовых компетенций также играет семейное окружение: наличие финансово грамотных родителей и их вовлеченность в инвестиционную деятельность положительно коррелирует с финансовыми знаниями у детей [252].

Вторая группа исследований рассматривает влияние финансовой грамотности на финансовое поведение домохозяйств [92]. В этих работах уровень финансовой грамотности выступает как независимая переменная, определяющая принятие решений в области сбережений, инвестиций и финансового планирования. Отмечается, что более высокий уровень финансовой грамотности коррелирует с большей вероятностью наличия сбережений и использования инвестиционных инструментов [295]. Домохозяйства с высоким уровнем финансовых знаний чаще используют сложные финансовые продукты, диверсифицируют свои активы и принимают более обоснованные финансовые решения, а также с большей вероятностью заранее формируют накопления на старость [248].

Вместе с тем, как справедливо отмечает О.Ю. Орлова, наличие знаний само по себе не всегда гарантирует рациональное финансовое поведение [110]. В этом контексте в отечественной экономической литературе предлагается разграничивать

финансовую грамотность и финансовую культуру. В зарубежных исследованиях данные понятия, как правило, тождественны.

Ключевые различия между понятиями представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Различия между понятиями «финансовая грамотность» и «финансовая культура» (составлено автором)

Критерий	***Финансовая грамотность***	***Финансовая культура***
Уровень	Когнитивный	Поведенческий, мотивационный, ценностный
Содержание	Знания, навыки	Привычки, действия
Поведенческая реализация	Не обязательна	Обязательна
Проверка в рамках исследования	Тесты, оценка знаний	Наблюдение за поведением

Исходя из табл. 2, основное отличие финансовой грамотности от финансовой культуры состоит в том, что финансовая грамотность отражает знание понятий, механизмов и инструментов, тогда как финансовая культура демонстрирует, насколько эти знания используются на практике. Второе понятие шире, оно объединяет финансовую грамотность, финансовое планирование, финансовую ответственность и финансовое поведение [163]. При этом существуют различные методические подходы к оценке уровня финансовой грамотности, тогда как степень развития финансовой культуры, будучи поведенческой характеристикой, не поддается прямому количественному измерению [137].

Следует отметить, что в Российской Федерации вопросам повышения финансовой грамотности и развития финансовой культуры уделяется значительное внимание. В 2017 году распоряжением Правительства РФ №2039-р от 25.09.2017 была утверждена «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годы» [16]. Позднее, в 2023 году распоряжением Правительства РФ №2958-р от 24.10.2023 была утверждена разработанная совместно с Банком России «Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» [17].

Просветительскую деятельность в этой области осуществляют центры,

основанные на базе ведущих российских университетов, такие как Федеральный сетевой методический центр Экономического факультета МГУ им. Ломоносова, Федеральный методический центр финансовой грамотности населения РЭУ им. Г.В. Плеханова, Федеральный методический центр повышения финансовой грамотности Финансового университета при Правительстве РФ, Федеральный методический центр по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования НИУ ВШЭ, Федеральный методический центр повышения финансовой грамотности населения РАНХиГС, Центр финансовой грамотности (финансовая клиника) СПбГУ, Учебно-методический центр по повышению финансовой грамотности и развитию инициативного бюджетирования СПбГЭУ. Кроме того, мероприятия по повышению финансовой грамотности для различных возрастных групп населения проводит Банк России.

Проведенный выше обзор эмпирических исследований, посвященных анализу мотивов и факторов сберегательного поведения домохозяйств, бесспорно, не претендует на исчерпывающую полноту, что обусловлено масштабом научных разработок в данной области. Тем не менее, поставленная задача была выполнена – проанализированы наиболее значимые и методологически обоснованные исследования, оказавшие влияние на формирование современных представлений о факторах, определяющих наличие сбережений.

В завершение этого раздела необходимо отметить, что значительная часть рассмотренных исследований выполнена зарубежными авторами, тогда как вклад российской научной школы в изучение сберегательного поведения домохозяйств остается относительно ограниченным.

Выявленный дисбаланс обусловлен рядом структурных и институциональных особенностей. Основной из них, на взгляд автора, является историческое отсутствие данной исследовательской повестки в советский период.

До 1990-х годов тематика сбережений домохозяйств практически не рассматривалась как самостоятельный предмет научного анализа. В условиях

централизованного распределения ресурсов и регулирования цен домохозяйства не обладали той степенью свободы в принятии финансовых решений, которая характерна для смешанной и рыночной экономики. Структура потребления, уровень доходов, доступ к товарам и услугам определялись государством. В системе научных приоритетов преобладала отраслевая и производственная проблематика. Сбережения рассматривались в макроэкономическом контексте, что сдерживало развитие статистических и эконометрических исследований на микроуровне.

Панельные данные о доходах, структуре потребления и сбережениях в разрезе домохозяйств стали системно собираться лишь с начала 1990-х годов. Так, с 1994 года НИУ ВШЭ проводит единственное в своем роде лонгитюдное обследование «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» (RLMS) [100]. С 2013 года Министерство финансов РФ и Банк России реализуют проект «Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам», в рамках которого к настоящему времени проведено шесть волн [25]. Важность таких мониторингов состоит в том, что они позволяют перейти от анализа агрегированных показателей к изучению финансового поведения отдельных домохозяйств в динамике.

По мере накопления эмпирических данных возникла потребность в расширении методологического аппарата. Однако междисциплинарные подходы к исследованию сбережений, учитывающие положения поведенческой экономики, социологии и психологии, в отечественном научном пространстве стали формироваться относительно недавно [73; 75; 74].

Развитие данного направления осложнялось ограниченной институциональной поддержкой научных проектов. Приоритет традиционно отдавался темам, связанным с бюджетной политикой, государственным долгом и последствиями экономических шоков, тогда как финансам домохозяйств уделялось значительно меньше внимания. В настоящее время ситуация постепенно меняется, о чем, в частности, свидетельствует деятельность Федеральных методических центров повышения финансовой грамотности на базе университетов, о которых шла речь выше.

Таким образом, отсутствие теоретической базы, эмпирических данных и институционального интереса к теме в советский период привело к тому, что в постсоветской России формирование исследовательских подходов к анализу сберегательного поведения домохозяйств началось практически «с нуля», при этом долгое время оставалось на периферии научной повестки.

Ограниченное количество отечественных исследований в области сберегательного поведения домохозяйств подчеркивает научную новизну и практическую значимость данного направления в современной российской экономике, особенно в контексте её трансформации – углубления рыночных механизмов, роста разнообразия форм занятости, расширения линейки финансовых продуктов и услуг, демографического старения населения и нестабильности внешней среды.

Не случайно в последние десятилетия в российском научном пространстве наблюдается значительный рост публикационной активности в области сберегательного поведения домохозяйств в целом и финансовой грамотности в частности. В данном контексте особого внимания заслуживают работы В.З. Баликоева, Г.В. Белеховой, С.А. Белозерова, Р.С. Екшембиева, О.Е. Кузиной, В.В. Литвин, Т.А. Поповой, Т.В. Сабетовой, В.А. Слепова, А.И. Шмыревой [23; 22; 32; 35; 62; 72; 122; 123; 135; 134; 150].

Активный исследовательский интерес также вызывает вопрос систематизации детерминант сберегательного поведения домохозяйств. Подходы к классификации факторов сберегательного поведения домохозяйств встречаются в работах А.И. Зотовой, И.Г. Давыденко, Н.В. Аликперовой, Т. Киумара, Е.Ю. Сушко [18; 19; 67; 155; 199].

Так, А.И. Зотова и И.Г. Давыденко разделяют факторы на объективные и субъективные. К числу первых при этом относят макроэкономические переменные (уровень доходов, тенденции развития финансовых институтов). Вторую группу составляют экономико-психологические характеристики (уровень доверия

финансовым институтам, рыночные ожидания) [67].

Т. Киумара предлагает классифицировать факторы по источнику происхождения на внутренние и внешние [199]. Первые охватывают финансовую грамотность, возраст, пол, внимание к финансовым вопросам, когнитивные способности, структуру домохозяйства (кто является главой), психологические особенности, состояние здоровья. Вторые объединяют культуру, религию, стереотипы, степень неопределенности будущего дохода, доступность финансовых услуг, демографические тенденции (старение населения, миграция), уровень развития финансовой системы, экономические условия [199].

Н.В. Аликперова делит факторы на три группы: средовые (инфраструктура, законодательство, общественные институты, социальная политика, экономические факторы, политическая обстановка), ресурсные (доход, доверие, мотивация, окружение, информация, финансовая грамотность, здоровье) и личностные (цели, мотивы, опыт, культура, способности и навыки, образ жизни, неопределенность, ожидания, когнитивные особенности, темперамент, демографические характеристики) [18; 19].

Е.Ю. Сушко разграничивает личностные (финансовая грамотность и социально-демографические характеристики) и внешние (инфраструктурные, географические и финансовые возможности) факторы [155].

Таким образом, в научной экономической литературе подходы к типологизации факторов сберегательного поведения домохозяйств строятся на основании одного или двух классификационных признаков. Это позволяет выделить отдельные группы факторов, но не обеспечивает целостной системы детерминации, необходимой для анализа причин, ограничивающих формирование сбережений и, напротив, способствующих их росту.

Признавая научную значимость и методологическую ценность представленных выше разработок, автор настоящего исследования предлагает собственную типологию факторов сберегательного поведения домохозяйств (рис. 5).

Рисунок 5 – Многокритериальная типология факторов сберегательного поведения домохозяйств. Составлено автором [146].

Как следует из рис. 5, авторская типология включает пять логически независимых оснований.

1. по содержанию, в зависимости от сущностной природы, выделены экономические, институциональные, социально-культурные, социально-демографические, личностно-психологические и поведенческие факторы.

2. по уровню формирования факторы дифференцированы исходя из того, на каком уровне социально-экономической системы они возникают и оказывают воздействие: на глобальном, макро-, мезо- и микроуровне.

3. по отношению к домохозяйству разграничены эндогенные факторы, обусловленные внутренними характеристиками самого домохозяйства, и экзогенные, определяемые внешней средой.

4. по характеру восприятия факторы разделены в зависимости от способа их репрезентации в сознании членов домохозяйств на объективные, доступные прямому измерению, и субъективные, опосредованные личным восприятием.

5. по темпоральности влияния произведена группировка на структурные, оказывающие долгосрочное воздействие; конъюнктурные, проявляющиеся в среднесрочном периоде, и шоковые, связанные с краткосрочными резкими изменениями внутренней или внешней среды [146].

Данная типология нашла отражение в статье автора, опубликованной в научном издании, рекомендованном ВАК РФ [146]. Её отличительная особенность состоит в том, что она не ограничивается одномерным, дихотомическим делением факторов, а формирует многокритериальную систему, позволяющую рассматривать один и тот же фактор одновременно в нескольких измерениях. Так, например, ключевая ставка может быть охарактеризована как экономический фактор по содержанию, макроуровневый по уровню формирования, экзогенный по отношению к домохозяйству, объективный по характеру восприятия, поскольку поддается прямому количественному измерению, и конъюнктурный по темпоральности, так как отражает изменение параметров денежно-кредитной политики в среднесрочном периоде.

Аналогичным образом автором произведена типологизация сорока факторов сберегательного поведения домохозяйств. Результаты представлены в Приложении А.

С прикладной точки зрения, предложенная типология демонстрирует, какие именно аспекты природы и генезиса факторов подлежат учету при анализе сберегательного поведения домохозяйств, что позволяет сформировать целостное представление о структуре его детерминант, необходимое для перехода от теоретического уровня анализа к практическому – формализации эконометрических моделей [146].

Выводы по главе 1

Проведенный анализ теоретических, методических и эмпирических основ сберегательного поведения домохозяйств позволил автору достичь следующих результатов:

1. Определена роль домохозяйств в системе экономических отношений как поставщиков факторов производства и потребителей произведенных благ, отмечена трансформация данной роли в условиях постиндустриального общества. Приведены специфические особенности домохозяйств как экономических агентов, такие как неоднородность, принятие решений на основе ограниченной информации, под воздействием поведенческих факторов и социокультурных норм, а также опора на человеческий капитал. Описаны ключевые функции финансов домохозяйств: распределительная, регулирующая, контрольная, инвестиционная, ресурсообразующая, воспроизводственная, консолидирующая. Обоснована необходимость выделения социальной функции. Идентифицированы и систематизированы финансовые риски домохозяйств. Проанализирована взаимосвязь финансового поведения домохозяйств и денежно-кредитной политики.

2. Уточнено определение «финансового поведения домохозяйств» как совокупности широкого спектра потребительских, сберегательных, инвестиционных, кредитных, страховых решений и действий, которые принимают члены

домохозяйства в процессе управления финансовыми ресурсами с целью достижения личных и общих финансовых целей и удовлетворения материальных потребностей.

3. Предложено авторское определение «сберегательного поведения домохозяйств» как динамического комплекса адаптивных межвременных решений и действий, направленных на перераспределение располагаемого дохода между текущим и будущим потреблением посредством выбора объема, структуры (инструментов), периодичности и временного горизонта сбережений в целях поддержания благосостояния, исполнения будущих обязательств, достижения долгосрочных финансовых целей (в том числе обеспечения после выхода на пенсию по старости) и реагирования на неопределенность внешней среды.

4. Проанализирована эволюция развития экономических теорий и моделей сберегательного поведения домохозяйств – от традиционных до современных. На основе критического анализа существующих концептуальных основ и теоретических подходов, определены их предпосылки, ограничения и эмпирическая недостаточность в объяснении сберегательного поведения домохозяйств в условиях изменяющейся социально-экономической среды.

5. Приведена и расширена типология мотивов сберегательного поведения домохозяйств. Обосновано выделение дополнительных мотивов – целевого и репутационного. На основе анализа теоретических и эмпирических исследований сберегательного поведения домохозяйств выявлены детерминирующие его факторы, описано их влияние.

6. Разработана многокритериальная типология факторов сберегательного поведения домохозяйств, включающая пять логически независимых классификационных оснований: содержание, уровень формирования, отношение к домохозяйству, характер восприятия и темпоральность. В отличие от существующих типологий, авторский подход обеспечивает более строгую и непротиворечивую систематизацию детерминант сберегательного поведения.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

2.1. Этапы развития сберегательного поведения российских домохозяйств: от советского периода к современной России

Формирование сберегательного поведения домохозяйств представляет собой длительный исторический процесс, в ходе которого поведенческие установки складываются под влиянием институциональной среды, экономической политики, социального окружения и накопленного опыта взаимодействия с финансовыми посредниками. Сберегательное поведение, в отличие от иных форм финансового поведения, характеризуется высокой чувствительностью к событиям прошлого, которые оказывают долговременное воздействие на структуру предпочтений, горизонт планирования и выбор инструментов. В связи с этим реконструкция этапов формирования сберегательного поведения приобретает исследовательскую значимость не только как элемент историко-экономического анализа, но и как необходимое условие для понимания и интерпретации его современных моделей.

В советский период сберегательное поведение домохозяйств формировалось в условиях командно-административной экономики, централизованного финансового планирования и институциональной монополии государства на привлечение свободных средств населения. В отличие от рыночной и смешанной моделей, в рамках которых домохозяйства осуществляют выбор между альтернативными финансовыми инструментами, в СССР сбережения носили в значительной степени вынужденный и идеологически опосредованный характер [157].

Первым этапом институционализации сбережений в РСФСР стало учреждение сберегательных касс в 1922 году и создание в 1925 году сети Государственных трудовых сберегательных касс (ГТСК), подчиненных Народному комиссариату финансов СССР (позднее Министерству финансов СССР) [68]. Основным инструментом в тот период выступала сберегательная книжка, служившая как документальным подтверждением вклада, так и символом участия в строительстве

социалистического государства [68].

В целях стимулирования вкладов в 1926-1930 гг. проводились «двухнедельники сбережений» – масштабные кампании финансовой мобилизации, в рамках которых сбор вкладов сопровождался агитационными выступлениями [20].

Наряду с депозитами через сберкассы, с середины 1920-х годов государство активно применяло механизм государственных выигрышных займов [125]. Первоначально эти займы выпускались в форме облигаций с розыгрышем выигрышей и формально добровольной подпиской, но вскоре, как отмечает Е.Д. Твердюкова, «был реализован способ принудительной коллективной подписки с вычетом соответствующих сумм из зарплаты рядовых граждан» [157]. Кроме того, начиная с 1950-х годов сроки погашения выигрышных займов неоднократно откладывались, а последний заём, выпущенный в 1982 году, так и не был выплачен полностью [64]. Таким образом, данная система выполнила краткосрочную мобилизационную функцию, но не смогла сформировать устойчивые механизмы накоплений.

Структурные изменения в банковской системе начались с реформы 1987 года, в рамках которой Государственные трудовые сберегательные кассы СССР были реорганизованы в Сберегательный банк СССР, а также были созданы специализированные банки (Агропромбанк, Промстройбанк, Жилсоцбанк) [71]. Однако, с точки зрения домохозяйств, доступ к новым финансовым инструментам по-прежнему отсутствовал, и основная масса сбережений продолжала аккумулироваться в Сбербанке СССР.

Кульминацией подрыва советской сберегательной модели стала «Павловская» денежная реформа 1991 года, в рамках которой были изъяты из обращения купюры старого образца номиналом 50 и 100 рублей и введены временные ограничения на выдачу наличных денег со вкладов граждан [133]. В результате данной реформы резко снизилось доверие населения к государственным финансовым институтам и сформировались установки на сохранение сбережений в наличной и материальной форме.

На основании вышеизложенного автор приходит к выводу о том, что до 1990-х годов сберегательное поведение советских домохозяйств характеризовалось:

– монополией государства на институциональные формы накоплений;

– ограниченным выбором инструментов: депозитами в сберкассах и облигациями выигрышных займов;

– низкой реальной доходностью сбережений;

– высокой степенью идеологизации и патернализма в вопросах сбережений;

– падением доверия к банковской системе и переходом к теневым или альтернативным формам хранения денежных средств в 1990-е годы.

Исторический анализ данного периода позволяет утверждать, что поведенческие установки, сформированные в условиях административной мобилизации и последующей конфискации, сохраняют влияние на финансовое поведение российских домохозяйств и в постсоветский период.

Вследствие распада СССР произошла радикальная трансформация экономической системы России. Переход от командно-административной к смешанной модели сопровождался утратой монополии государства в сфере финансов, либерализацией цен, приватизацией активов и стихийной институционализацией новых рыночных механизмов. В условиях макроэкономической нестабильности, гиперинфляции (в 1992 году она составила 2508,8%), обесценения накопленных средств, сокращения реальных доходов и кризиса ликвидности классические каналы трансформации сбережений, в первую очередь банковская система, оказались дискредитированными [158].

Распространенной формой хранения сбережений в 1990-е годы стала покупка иностранной валюты, прежде всего долларов США [118]. Также население вкладывало средства в материальные активы – недвижимость (в том числе в рамках приватизации жилья), драгметаллы, ювелирные изделия, которые обеспечивали частичную защиту от инфляционных шоков [89].

Попытки домохозяйств использовать новые финансовые инструменты в большинстве случаев заканчивались утратой накоплений вследствие участия в массовых схемах мошенничества. Так, крах МММ в 1994 году, затронувший около 15 миллионов граждан, вызвал недоверие населения к инвестиционным продуктам в отсутствие их прозрачности, регулирования и надзора [77; 78].

Значимым сдвигом в данном контексте стало создание Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг в 1993 году, которая просуществовала до 2004 года [47]. Вместе с тем до 1996 года в России отсутствовала правовая база, регулирующая рынок ценных бумаг. Фондовый рынок, начавший функционировать на базе ММВБ, оставался закрытым и недоступным для большинства частных инвесторов. Только с принятием Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ началось формирование правовых рамок инвестиционной деятельности [3]. Позднее был также принят Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 №41-ФЗ, обеспечивающий регулирование рынка драгметаллов [10].

Период 2000-х годов, начавшийся на фоне относительной стабилизации макроэкономической ситуации, сопровождаемой ростом ВВП, снижением инфляции (с 20% в 2000 году до 9% в 2009 году), укреплением национальной валюты и увеличением реальных располагаемых доходов, способствовал возвращению интереса населения к формальным инструментам сбережений [156]. Существенную роль в этих изменениях сыграла активизация государственной политики в сфере защиты прав вкладчиков и модернизация финансовой инфраструктуры.

Так, ключевым институциональным изменением стало внедрение системы страхования банковских вкладов. Принятие Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 №177-ФЗ и последующее создание Агентства по страхованию вкладов (АСВ) в 2004 году заложили основы для повышения доверия населения к банковскому сектору [6].

Важным элементом государственной политики стало развитие системы

негосударственного пенсионного обеспечения. Пенсионная реформа 2002 года предусматривала переход от распределительной к распределительно-накопительной модели, что было закреплено в Федеральном законе «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» от 24.07.2002 №111-ФЗ [8]. Однако практическая реализация накопительного компонента столкнулась с рядом проблем [260].

В течение 2000-х годов также активизировалось развитие коллективного инвестирования. Принятый в 2001 году Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 №156-ФЗ стал нормативной основой для функционирования паевых инвестиционных фондов [7; цит. по: 63]. Параллельно формировалась законодательная и технологическая база фондового рынка. Создание единой торговой площадки ММВБ-РТС и принятие поправок к Федеральному закону «О рынке ценных бумаг» ФЗ №39-ФЗ обеспечили юридическую поддержку брокерских услуг [3].

По данным мониторинга финансовой активности населения (проект «МФАН»), в период 2000-2007 гг. сохранялись и традиционные формы сбережений, прежде всего, в форме наличных накоплений в национальной и иностранной валюте [52, с. 27-29].

Таким образом, в 2000-е гг. сформировалась смешанная структура финансового поведения. С одной стороны, укрепилась институциональная база, появились гарантии и инструменты для сбережений и инвестиций. С другой – сохранилось доминирование краткосрочных, консервативных, «защитных» стратегий, свойственных посткризисному типу поведения. Это обусловило накопление сберегательного потенциала, который начал реализовываться только в следующем десятилетии.

На макроэкономическом уровне 2010-е годы начались с восстановления после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. Рост ВВП в 2010-2012 гг. находился в пределах 3,5-4,5% в год, инфляция демонстрировала тенденцию к снижению, достигнув в 2017 году минимального исторического значения – 2,5% [156]. С 2014

года макроэкономическая стабильность была нарушена комплексом шоков: введением международных санкций, обвалом нефтяных цен, девальвацией рубля, ростом инфляции и, как следствие, снижением реальных располагаемых доходов. Эти факторы вновь поставили домохозяйства перед необходимостью поиска защитных финансовых стратегий [162].

Негативное влияние на общество также оказал мораторий на формирование накопительной части пенсии с 2014 года, в результате которого 6% обязательных пенсионных взносов были перенаправлены в распределительную часть. Подробнее этот вопрос обсуждался в ранее опубликованной автором статье в соавторстве с Т.В. Никитиной, М.А. Никитиным [260]. Напротив, положительным нововведением стал запуск индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС) в 2015 году в результате поправок к Федеральному закону №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [3]. Введение ИИС стало одной из первых попыток создать институциональные стимулы для долгосрочного накопления через рынок капиталов за счет налоговых льгот. Согласно статистике Банка России, с конца 2016 года по 2020 год количество открытых ИИС увеличилось в 18 раз – с 195 тыс. до 3,5 млн [106]. В то же время число физических лиц с брокерскими счетами увеличилось с 1,9 млн в 2017 году до 10 млн в 2020 году, а совокупный объем активов под управлением – с 1,2 до 5,0 трлн руб. соответственно [106].

Одним из важнейших факторов снижения барьеров участия домохозяйств в финансовом секторе стала цифровизация, о которой более подробно пойдет речь в следующем параграфе. Банки, брокеры и страховые компании начали постепенно внедрять дистанционные каналы обслуживания [148].

В условиях снижения ключевой ставки Банка России (с 17% в 2014 году до 4,25% в 2020 году) и, как следствие, доходности по депозитам, наблюдался перераспределительный эффект в сторону более доходных инструментов [107]. На этом фоне усилился интерес к облигациям федерального займа, особенно после запуска в 2017 году розничных выпусков ОФЗ-н, ориентированных на физических лиц

[51].

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и статью 3 Федерального закона «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 20.12.2017 №397-ФЗ закрепил правовой статус инвестиционного советника, что способствовало привлечению на финансовый рынок неквалифицированных инвесторов.

Следующий период, 2020-е гг. (по состоянию на 2025 год), представляет собой этап сдвига парадигмы в сберегательном поведении российских домохозяйств под воздействием экзогенных шоков: пандемии COVID-19, обострения внешнеполитической конфронтации и введения санкций.

Первый системный шок – пандемия COVID-19 – привел к увеличению нормы сбережений. Согласно данным Росстата, в 2020 году доля сбережений в располагаемых доходах домохозяйств выросла до 14,2% (против 9,6% в 2019 году) [21]. Этот всплеск сберегательной активности был краткосрочным и имел вынужденный характер, связанный с ограничениями потребления в условиях локдауна. Одновременно резко усилилась роль дистанционных сервисов: по данным Банка России, в 2020 году 87% граждан использовали онлайн-банкинг [148].

В 2022 г. в ответ на отключение ряда банков от SWIFT, заморозку золотовалютных резервов ЦБ, ограничение операций с иностранными брокерами и резкое падение фондового рынка (24 февраля 2022 г. индекс МосБиржи упал на 33%) домохозяйства пересмотрели сберегательные стратегии [142]. По данным Банка России, в первом полугодии 2022 г. физические лица вывели более 1 трлн руб. со своих брокерских счетов и переключились на краткосрочные депозиты и наличные деньги [107].

Возобновление интереса к депозитам сопровождалось рекордным (на тот момент) повышением ключевой ставки до 20% 28 февраля 2022 г., что сделало краткосрочные банковские продукты вновь конкурентоспособными [142]. Однако эффект носил временный характер: уже к концу 2022 г. ставка была снижена до 7,5%,

и население вновь оказалось перед выбором между низкодоходными депозитами и ограниченным доступом к инвестиционным инструментам [142]. Существенную роль в этом контексте сыграли новые валютные ограничения, фактически исключившие доступ неквалифицированных инвесторов к зарубежным активам [90].

Государственная политика в этот период сконцентрировалась на развитии рублевых форм накоплений. В феврале 2022 г. был размещен новый выпуск ОФЗ-н («народных» облигаций), но привлекательность этих инструментов оказалась ограниченной вследствие инфляционного давления и неопределенности в отношении будущей доходности. Интерес к инвестициям в недвижимость и рост спроса на жилье, напротив, усилился в первую очередь за счет введения программы льготной ипотеки в 2020 году.

В тот же период в сферу сбережений начали проникать цифровые финансовые активы, выпуск которых был узаконен Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ [14]. По содержанию они представляют собой цифровой аналог традиционных активов, таких как облигации, акции, драгоценные металлы, недвижимость, по форме – цифровые права, выпуск которых происходит в виде токенов в распределенном реестре [148]. На текущий момент спрос на ЦФА со стороны населения остается ограниченным из-за низкой ликвидности и недостаточно развитой инфраструктуры. По состоянию на конец 2 квартала 2025 года количество зарегистрированных пользователей (физических лиц) составляет 416 тыс. человек, из них активных пользователей – 97 тыс. человек [170]. На взгляд автора, цифровые финансовые активы являются перспективным инструментом для привлечения инвестиций в экономику.

Систематизация законодательного регулирования форм сбережений представлена в Приложении Б.

Резюмируя вышеизложенное, автор приходит к выводу о том, что сберегательное поведение российских домохозяйств является результатом

длительной адаптации к изменяющимся институциональным, экономическим, геополитическим и социально-демографическим условиям. Его эволюция на протяжении XX века и начала XXI века не носила поступательного характера, а отражала реакцию на чередующиеся фазы централизации и либерализации.

Анализ этапов этого процесса позволяет интерпретировать современные поведенческие установки, выявить их исторически обусловленные ограничения и тем самым приблизиться к пониманию тех условий, при которых возможно устойчивое финансовое поведение домохозяйств, ориентированное на долгосрочные формы сбережений.

2.2. Глобальные трансформационные процессы в экономике и их влияние на сберегательное поведение домохозяйств

На основании ретроспективного анализа, проведенного в предыдущем параграфе, установлено, что сберегательное поведение домохозяйств формируется в условиях динамично изменяющейся внешней среды.

Под внешней средой в широком смысле автор понимает совокупность экзогенных по отношению к домохозяйству факторов социокультурного, институционального, макроэкономического, а также глобального характера, детерминирующих условия принятия финансовых решений в целом и сберегательных в частности. В более узком смысле изменяющаяся внешняя среда в контексте сберегательного поведения рассматривается как постоянно трансформирующийся комплекс условий, в которых домохозяйства принимают решения о сбережениях, осуществляя выбор их нормы и структуры.

Так, социокультурная среда отражает принятые в обществе нормы, ценности и модели сберегательного поведения. Институциональная среда включает уровень развития финансовой системы, доступность инструментов сбережения и инвестирования, степень цифровизации финансового сектора. Также к институциональной среде можно отнести нормативно-правовое регулирование

сбережений. Макроэкономическая среда характеризуется динамикой валового внутреннего продукта, уровнем инфляции и занятости, значением ключевой ставки и обменного курса национальной валюты.

Отличительной особенностью авторского подхода является выделение глобальных трансформационных процессов, формирующих общий контекст функционирования экономики и общества, в отдельный уровень внешней среды. Анализ влияния этих процессов на сберегательное поведение домохозяйств будет представлен далее.

Схематически многоуровневая модель внешней среды, оказывающей влияние на сберегательное поведение домохозяйств, представлена на рис. 6. При этом характеристики домохозяйств показаны отдельно как внутренний уровень, через который внешние условия преломляются в конкретные сберегательные решения.

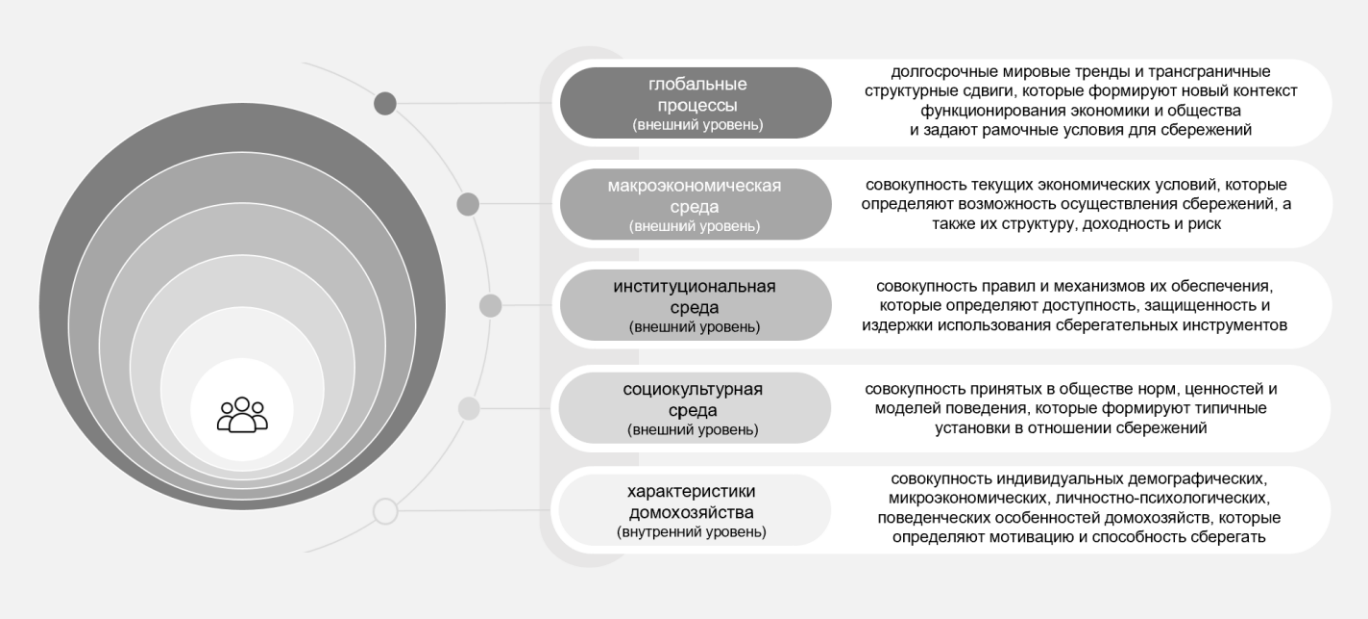

Рисунок 6 – Концентрическая схема уровней внешней среды, влияющей на сберегательное поведение домохозяйств (построено автором)

Важным элементом внешней среды выступает финансовый сектор, который подвержен воздействию структурных преобразований, происходящих в глобальной и национальной экономике. Трансформация экономической парадигмы и изменения в геополитической обстановке находят отражение в деятельности финансовых

посредников, вынужденных адаптироваться к новым реалиям.

Теория финансового посредничества получила развитие в работах Г.Н. Белоглазовой, И.Г. Зайцевой, Т.В. Никитиной, О.Ю. Орловой, Е.М. Поповой, Н.П. Радковской, С.Ю. Яновой [34; 98; 119; 127; 128; 165; 164; 175; 177]. В последние годы исследования указанных авторов в значительной степени сосредоточены на анализе трансформационных процессов в финансовом секторе, обусловленных структурной трансформацией экономики, изменениями глобального финансово-экономического порядка, усилением геоэкономической фрагментации. В частности, можно выделить работы, посвященные таким актуальным темам, как влияние экономических кризисов на устойчивость финансовой системы, последствия пандемии COVID-19 для банковского сектора, воздействие западных санкций на деятельность финансово-кредитных институтов, цифровая трансформация финансового сектора, а также проблема демографического старения населения и её влияние на пенсионную систему.

В результате анализа научных статей перечисленных авторов, а также трудов С.А. Дятлова, Л.А. Миэринь, В.А. Плотникова, Г.Ф. Фейгина, А.В. Харламова автором настоящего исследования были выделены ключевые трансформационные процессы в экономике, оказывающие системное воздействие на деятельность финансово-кредитных институтов и, как следствие, опосредованно на сберегательное поведение домохозяйств [59; 61; 87; 116; 117; 161; 167; 168]. К ним относятся: глобализация, деглобализация (геоэкономическая фрагментация), глокализация; цифровизация финансового сектора; демографическое старение населения. Наряду с этими фундаментальными процессами автор выделяет экзогенные шоки: пандемию COVID-19 и западные санкции. Далее проанализируем каждый фактор в отдельности.

1. Глобализация, деглобализация и глокализация

Процесс глобализации как явление институционального, экономического и социокультурного характера приобрел особую значимость во второй половине XX века, хотя его истоки прослеживаются значительно раньше [161]. В научной

литературе принято выделять несколько исторических этапов (волн) глобализации, отражающих эволюцию трансграничной экономической интеграции.

Первая волна (XIX в. – начало XX в.) была связана с индустриализацией, расширением международной торговли, развитием транспортной и финансовой инфраструктуры, а также становлением международной валютной системы на базе золотого стандарта [261]. Вторая волна, последовавшая после Второй мировой войны, ознаменовалась институционализацией международного экономического порядка через создание Бреттон-Вудской системы, формирование многосторонних торговых соглашений и развитие глобальных финансовых организаций [190].

Современный этап (третья волна глобализации) получил развитие с начала 1980-х годов и связан с либерализацией движения капитала, дерегулированием финансовых рынков, цифровизацией и ростом транснациональных корпораций. Именно в этот период термин «глобализация» вошел в широкий научный оборот. Его популяризация связывается с публикацией статьи Т. Левитта “The globalization of markets” в 1983 г., в которой отмечается тенденция к унификации потребительских предпочтений и конвергенции рынков [178]. В социологическом и культурно-теоретическом контексте значительный вклад в концептуализацию феномена глобализации внес Р. Робертсон, рассматривавший её как процесс «сжатия мира и интенсивное осознание мира как целого» [цит. по: 69, с. 115; 272].

Совокупность исследований подтверждает, что глобализация оказывает амбивалентное воздействие на финансовый сектор. С одной стороны, она способствует институциональному развитию, снижению барьеров и технологическому прогрессу. С другой – усиливает макроэкономические дисбалансы, повышает риски возникновения кризисных событий и снижает устойчивость национальных экономик.

По мнению Т.В. Никитиной, к положительным аспектам глобализации в финансово-экономическом контексте можно отнести либерализацию внешнеэкономических связей, транснационализацию капитала и производства, а

также интернационализацию хозяйственной жизни [95]. М. Обстфельд и А. Тэйлор считают, что глобализация способствует снижению трансакционных издержек, расширяет доступ к международным рынкам капитала [262]. С. Клаессенс и Л. Лаевен отмечают такой положительный эффект глобализации, как усиление конкуренции финансово-кредитных институтов, которая способствует расширению спектра услуг и повышению клиентоориентированности [200].

В ряде исследований приводятся негативные эффекты глобализации. Например, Д. Родрик выдвигает тезис о том, что чрезмерная глобализация подрывает собственные институциональные основы и ограничивает возможности государств в проведении независимой макроэкономической политики [274]. Д. Родрик также сформулировал так называемый «парадокс (трилемму) глобализации», согласно которому невозможно совместить экономическую глобализацию, демократию и национальную автономию [274].

Пик глобализационной динамики приходится на 1990-2000-е годы, когда под влиянием геополитических сдвигов, распада СССР, расширения ВТО и активного развития информационно-коммуникационных технологий сформировалась устойчивая архитектура глобального экономического порядка. Этот этап характеризовался интеграцией финансовых рынков, транснационализацией банковских структур, стандартизацией наднационального регулирования и развитием глобальных цепочек создания стоимости [95].

Однако начиная с 2010-х годов, особенно после 2020 г., на фоне усиливающейся геоэкономической турбулентности и политических кризисов в научной повестке всё чаще обозначаются тенденции деструкции глобализационного порядка, требующие отдельного рассмотрения.

Процессом, противоположным глобализации, является деглобализация. Данный феномен характеризуется ослаблением трансграничной взаимозависимости, переориентацией национальных экономик на внутренние ресурсы, стратегическим стремлением государств к укреплению суверенитета, усилением протекционистских

мер, фрагментацией глобальных цепочек добавленной стоимости и ростом геоэкономической напряженности. В финансовой сфере это выражается в росте ограничений на трансграничные потоки капитала, выходе отдельных стран из соглашений о взаимном доступе к рынкам, формировании национальных платежных систем и ослаблении роли универсальных наднациональных регуляторов. Для домохозяйств сужается доступ к широкому спектру зарубежных сберегательных и инвестиционных инструментов, вследствие чего ограничивается возможность международной диверсификации активов и усиливается зависимость от стабильности национальной финансовой системы [94].

При этом научная дискуссия остается открытой: наблюдаемые сегодня признаки деглобализации не всегда интерпретируются как слом глобального порядка. Так, например, Г.Ф. Фейгин указывает на возможность перехода к гибридным формам транснационального взаимодействия, сочетающим элементы глобальной интеграции с усилением локальной институциональной автономии [161].

В табл. 3 представлены термины, используемые для описания глобальных экономических тенденций в современной литературе и отчетах международных финансовых организаций.

Таблица 3 – Термины, используемые для описания глобальных экономических процессов (составлено автором)

Термин	***Содержание***
Геоэкономическая фрагментация (geoeconomic fragmentation)	Используется международными организациями (МВФ, ВТО) и исследователями для обозначения разрыва в глобальной экономической интеграции, вызванного усилением политических, экономических и нормативных барьеров между странами [228].
Замедленная глобализация (slowbalization)	Обозначает не отказ от глобализации, а её структурное замедление, переориентацию и регионализацию (МВФ) [227].
Экономическое разъединение (economic decoupling)	Описывает разрыв экономических связей между странами (используется в исследованиях взаимоотношений США и Китая) [287].
Институциональная бифуркация (institutional bifurcation)	Указывает расхождение экономик на две различные, часто противоречащие друг другу системы (используется в исследованиях взаимоотношений Китая и Европы) [224].

Еще одним термином, заслуживающим внимания в данном контексте, является

глокализация – концепция, введенная уже упомянутым выше Р. Робертсоном для описания диалектического сопряжения глобального и локального, универсального и контекстуального [273]. В финансовой плоскости глокализация выражается, например, в том, что транснациональные институты адаптируют свои модели к требованиям национальных регуляторов, в результате чего глобальные процессы сосуществуют с их локальными институциональными формами.

На основании проведенного анализа автор настоящего исследования приходит к выводу о том, что современный этап эволюции глобальной финансовой архитектуры не характеризуется полной деглобализацией, но отражает перестройку в сторону геоэкономической фрагментации. Описанные процессы усиливают мотив предосторожности, обуславливающий формирование «буферных» сбережений, и вынуждают домохозяйства адаптироваться к особенностям внутреннего финансового рынка.

2. Цифровизация

Следующей глобальной тенденцией является цифровизация финансового сектора, влияние которой на сберегательное поведение домохозяйств описано в ряде работ автора, в том числе в издании, рекомендованном ВАК РФ [98; 138; 147; 148; 258].

Развитие ИТ-технологий послужило толчком к трансформации банковских бизнес-моделей [138; 182]. Так, на смену традиционной модели банка, предполагающей взаимодействие сотрудников и клиентов в офисе, сначала пришла транзитивная модель, характеризующаяся формированием дистанционных каналов банковского обслуживания, а затем цифровая [138]. Последняя, согласно Б. Кингу, предполагает использование современных информационных технологий и цифровых инструментов для предоставления финансовых услуг клиентам [138; 234; 235].

Драйверами развития цифровой модели банковского обслуживания являются современные информационные технологии, обеспечивающие доступ клиентов к широкому спектру финансовых услуг в любое время и в любом месте [98; 138].

Наиболее значимые из них, по результатам исследования НИУ ВШЭ, представлены на рис. 7 [45; 138; 258].

Рисунок 7 – Цифровые технологии в финансовом секторе.

Составлено автором [45; 138; 258].

Внедрение перечисленных технологий приводит к трансформации потребительского поведения [138]. В частности, по мнению Ю.И. Коробова, к наиболее важным изменениям в поведении потребителей финансовых услуг, вызванных цифровизацией экономики, относятся:

1. актуализация финансовых потребностей;
2. повышение независимости потребителей финансовых услуг;
3. изменение модели потребительского поведения [цит. по: 138, с. 26; 237].

Первый пункт связан с повышением доступности финансовых продуктов и услуг за счет предоставления через цифровые каналы. Второй обусловлен возможностью самостоятельного выбора и сравнения финансовых продуктов онлайн, без необходимости посещения банковских отделений. Третий пункт, согласно Ю.И. Коробову, проявляется в том, что раньше клиент сначала выбирал банк, а затем продукт [10; 138]. Сейчас же это происходит наоборот, поскольку обилие информации в Интернете позволяет выбрать из множества предложений то, которое для конкретного клиента будет наиболее подходящим [138; 237].

К важному выводу относительно влияния цифровизации на финансовое поведение населения приходят Ю.А. Варламова, Н.И. Ларионова, Л.Ф. Зульфакарова:

«цифровые технологии являются одним из ключевых инструментов, способных активизировать процесс сбережений и обеспечить финансовую доступность для всех слоев населения» [цит. по: 138, с. 26; 296, с. 1661].

Изменение финансового поведения населения под влиянием цифровизации банковского сектора также подтверждают результаты статистических опросов, проведенных аналитическими агентствами. По данным НАФИ, с 2018 года в России существенно выросло число пользователей цифровыми банковскими продуктами и услугами [54]. В частности, доля пользователей мобильного банкинга за 5 лет увеличилась в 2 раза и достигла 70% [54]. Кроме того, за это время в 2,5 раза до 43% выросла доля россиян, использующих интернет-банкинг [54].

Более того, в рамках проведенного автором опроса в 2023 году, в котором приняло участие 247 студентов и выпускников вузов Санкт-Петербурга и городов Германии, 70% из немецкой подвыборки и 49% из российской подвыборки отметили, что на выбор банка влияет уровень цифровизации (рис. 8) [147; 259]. Результаты данного опроса описаны в статье автора, опубликованной в издании, рекомендованном ВАК РФ, а также представлены на конференции в Университете прикладных наук г. Зальцбург в сентябре 2023 года [147; 259].

Рисунок 8 – Роль цифровизации при выборе банка
(результаты опроса, проведенного автором) [147; 259]

Также более 75% респондентов в обеих подвыборках отметили скорее положительное воздействие цифровых финансовых технологий и инструментов на финансовое поведение (рис. 9) [147; 259].

Рисунок 9 – Влияние цифровых финансовых технологий на финансовое поведение (результаты опроса, проведенного автором) [147; 259]

Несмотря на многочисленные преимущества цифровизации, активное внедрение технологических решений в сферу личных финансов порождает новый спектр рисков, существенно отличающийся по природе от традиционных угроз, характерных для классической банковской системы, что требует от кредитных организаций дополнительных мер по обеспечению кибербезопасности, а от домохозяйств – повышения финансовой грамотности [126; 148; 177].

Таким образом, цифровая трансформация финансового сектора усиливает мотив межвременного замещения потребления за счет более широкого доступа к сберегательным и инвестиционным инструментам, одновременно повышая влияние поведенческих факторов, связанных с переоценкой доходности и недооценкой рисков.

3. Демографическое старение населения

Как было отмечено автором в ранее опубликованных статьях, в том числе издании, индексируемом Scopus, процесс старения населения является одной из

наиболее серьезных социально-демографических трансформаций двадцать первого века [91; 260].

Согласно отчету «Мировые демографические перспективы: пересмотренное издание 2019 года», к 2050 году каждый шестой человек в мире будет старше 65 лет, по сравнению с каждым 11-м в 2019 году [91; 293]. Одновременно с этим, по оценкам Всемирного банка, в настоящее время наблюдается сокращение численности трудоспособного населения, что неизбежно приводит к снижению коэффициента поддержки старшего поколения, демонстрирующего соотношение численности населения в возрасте 15-64 лет и населения 65 лет и старше [91]. Данную ситуацию наглядно отображает приведенный ниже график, построенный по официальным данным доклада ООН (рис. 10) [91; 294].

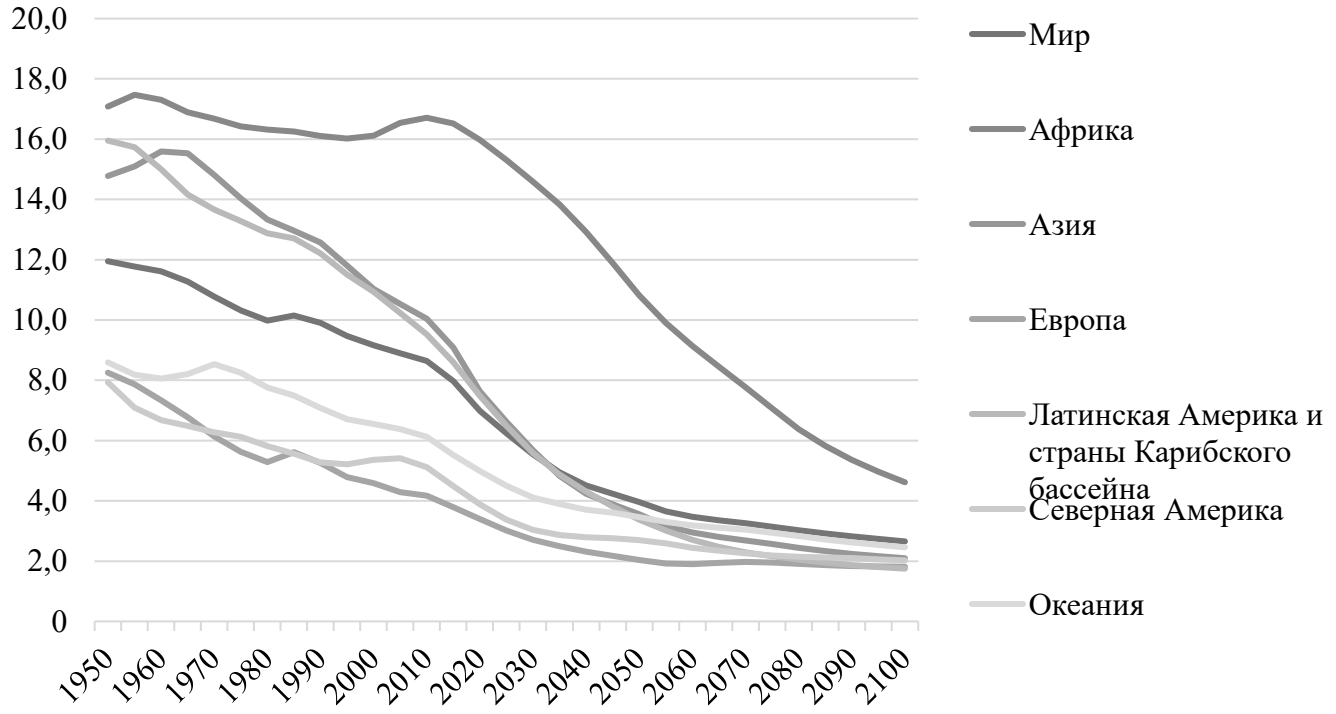

Рисунок 10 – Динамика коэффициента демографической поддержки в 1950-2019 гг. и прогноз на 2020-2100 гг. Источник: [91; 294]

Тенденция старения населения в значительной степени затронула и Россию [91; 260]. По данным Росстата, в настоящее время увеличение численности населения старше трудоспособного возраста происходит с одновременным снижением

численности трудоспособного населения (рис. 11).

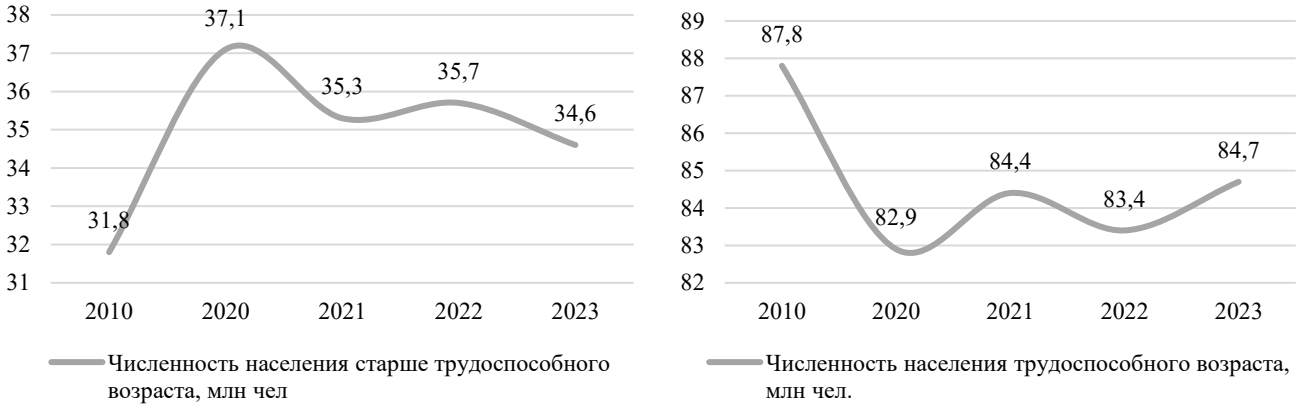

Рисунок 11 – Численность населения трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста. Источник: [159]

В данном контексте первостепенное значение приобретает вопрос пенсионного обеспечения. Пенсионная система России за годы своего существования претерпела значительные изменения. В настоящее время в ней выделяют три уровня (рис. 12).

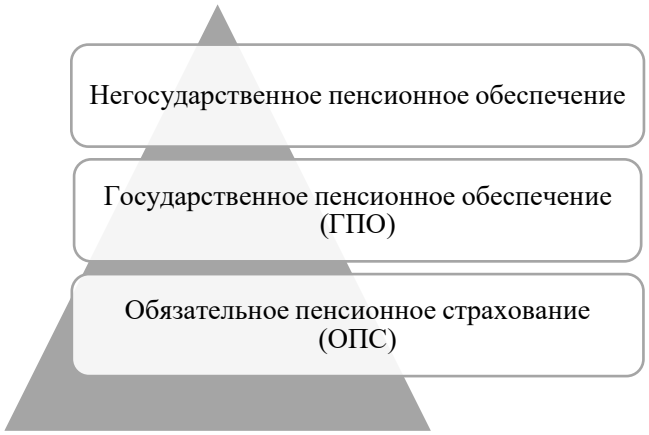

Рисунок 12 – Уровни пенсионной системы России. Источник: [260]

Необходимо отметить, что с 2015 года в России действует новый порядок формирования пенсии, в соответствии с которым в рамках государственных гарантий гражданин может получать страховую, государственную и накопительную пенсии. Формирование накопительной пенсии доступно гражданам 1967 года рождения и моложе, однако с 2014 г. действует мораторий – все взносы работодателя направляются на страховую часть, при этом накопления, сделанные до 2014 г.

сохраняются и инвестируются.

Кроме того, в 2012 году была утверждена «Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации», действие которой рассчитано до конца 2030 года. Особенностью этой концепции является внедрение модели пенсионного обеспечения, состоящей из трех звеньев (рис. 13).

Рисунок 13 – Трехуровневая модель пенсионной системы. Источник: [152]

В рамках данной системы основным элементом пенсионного обеспечения граждан, как и ранее, является государственная пенсия, формируемая за счет страховых взносов и межбюджетных трансфертов. В связи с этим наиболее интересными кажутся следующие два уровня, выделение которых соответствует мировым тенденциям достижения приемлемого уровня пенсии за счет участия граждан в корпоративных и частных пенсионных программах. Так, предполагалось, что трудовая (государственная) пенсия позволит обеспечить коэффициент замещения заработной платы в размере 40% [152].

Следует отметить, что в подобном подходе к выделению уровней пенсионной системы подспудно прослеживается международный опыт финансирования пенсионных выплат в условиях быстрого процесса демографического старения населения. В частности, трехступенчатая структура, предложенная в рамках «Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации», отчасти напоминает организацию пенсионного обеспечения в Германии.

Анализируя современные тенденции в области пенсионной политики

государств, можно выделить следующие направления реформирования пенсионных систем:

– ограничение объявленного ранее повышения пенсионного возраста и расширение возможностей досрочного выхода на пенсию (Италия, Нидерланды, Словакия);

– повышение мотивации труда (Бельгия, Канада и Дания);

– увеличение минимального размера пенсий (Австрия, Италия, Мексика, Словения и Франция);

– изменение правил налогообложения для пенсионеров (Швеция).

– балансировка размера государственных пенсионных пособий в соответствии с частными пенсионными программами (Норвегия);

– изменение ставок страховых отчислений (Венгрия, Исландия и Литва) [91].

Центральным предметом дискуссии на тему пенсионных реформ в последнее время является движение границ выхода на пенсию. Так, в последние годы некоторые страны приняли решение об изменении установленного законом пенсионного возраста (рис. 14).

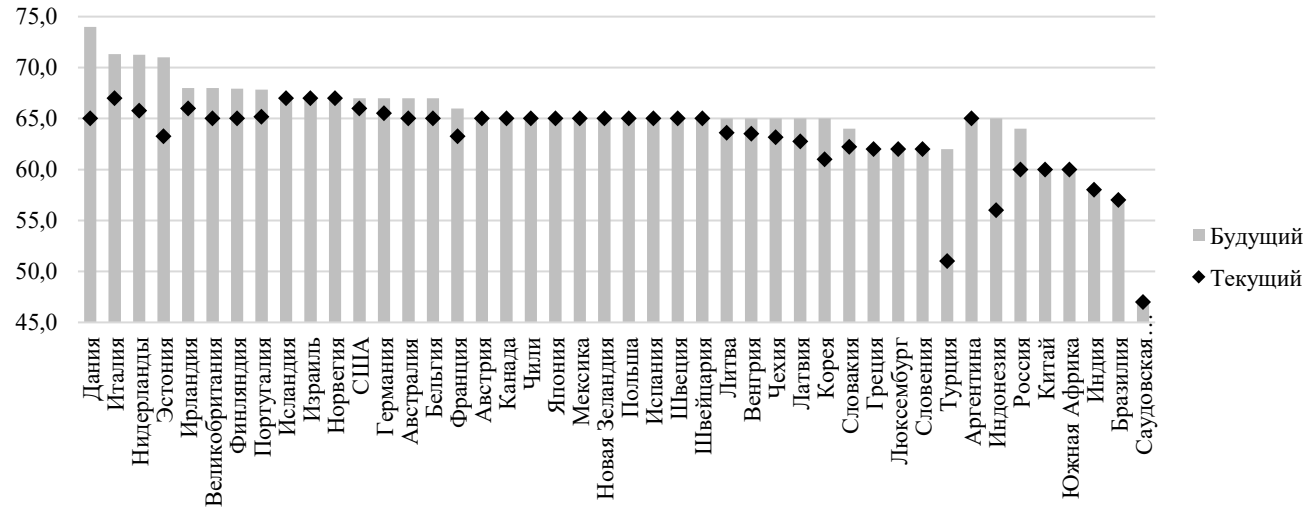

Рисунок 14 – Пенсионный возраст по состоянию на 2019 г. и будущий пенсионный возраст (по данным на 2019 г.) [91; 265]

В соответствии с Федеральным законом №350-ФЗ от 03.10.2018, в России происходит постепенное повышение возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости и пенсии по государственному обеспечению. В результате поэтапных изменений пенсионный возраст будет повышен на 5 лет и установлен на уровне 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин в 2028 году [15; 91].

Описанные тенденции демографического старения населения и связанные с ними изменения в пенсионной системе усиливают значение частных сбережений как одного из условий материальной стабильности домохозяйств после завершения трудовой деятельности, а также обуславливают актуальность разработки долгосрочных сберегательных продуктов. В отношении домохозяйств демографическое старение усиливает значимость мотива жизненного цикла как стимула для создания сбережений на период после завершения трудовой деятельности.

4. Экзогенные шоки

Помимо влияния фундаментальных трансформационных процессов на сберегательное поведение домохозяйств, автор настоящего исследования считает важным рассмотреть последствия экзогенных шоков: пандемии COVID-19 и антироссийских санкций.

4.1. Пандемия COVID-19

Подробный анализ последствий пандемии COVID-19 для финансово-кредитных институтов проведен в ранее опубликованной статье автора [241]. Ниже опишем влияние пандемии на финансовое поведение домохозяйств.

Пандемия COVID-19, начавшаяся в первом квартале 2020 года, стала беспрецедентным шоком для мировой и российской экономики. В условиях вынужденной изоляции и роста неопределенности произошло перераспределение финансов домохозяйств между сбережениями, инвестициями и кредитами.

В начале пандемии наблюдался значительный рост сбережений, обусловленный резким падением потребления, особенно в сегментах непродовольственных товаров и

услуг. Параллельно с этим Банк России начал цикл снижения ключевой ставки: с 6% в феврале 2020 года она была понижена до 4,25% в июле 2020 года, достигнув исторического минимума [51]. Это повлекло за собой удешевление заемных средств и рост спроса домохозяйств на ипотечное и потребительское кредитование, особенно с учетом программы господдержки ипотеки. Объем выданных ипотечных кредитов в 2020 году вырос на 35,7% по сравнению с 2019 годом, а совокупный объем задолженности физических лиц достиг 20,6 трлн руб. к концу 2020 года (против 17,5 трлн руб. годом ранее) [108].

Снижение ставок по вкладам усилило интерес населения к фондовому рынку как к альтернативному инструменту сохранения и приумножения капитала. По данным Московской биржи, число розничных инвесторов в 2020 году достигло 8,8 млн человек (по сравнению с 3,9 млн в 2019 году) [108]. Домохозяйства, ранее ориентированные на банковские депозиты, начали активно осваивать инвестиционные инструменты, чему также способствовало развитие дистанционных каналов обслуживания, мобильных приложений.

Таким образом, несмотря на общий негативный фон, последствия пандемии COVID-19 привнесли в финансовый сектор России отдельные положительные моменты:

– усиление роли цифровизации практически во всем финансовом секторе и развитие дистанционных каналов банковского обслуживания;

– усиление темпов кредитования за счет снижения ключевой ставки и проводимых фискальных мер поддержки;

– увеличение интереса населения к инвестиционным инструментам и, как следствие, развитие финансового рынка;

– добровольный и принудительный уход с рынка отдельных участников, финансовые показатели которых не были способны обеспечить стабильность в кризисных ситуациях [241].

4.2. Западные санкции в отношении Российской Федерации

Санкционное давление на Россию со стороны западных стран оказывается с 2014 года, однако начиная с 2022 года масштаб санкций приобрел беспрецедентный характер. О том, какие меры были приняты Россией в целях смягчения оказанного давления, подробно написано в опубликованной ранее статье автора [90]. Далее проанализируем последствия санкций для домохозяйств.

Одним из ключевых факторов, определивших финансовое поведение домохозяйств в первые месяцы 2022 года, стала высокая макроэкономическая и геополитическая неопределенность, сопровождавшаяся резким скачком инфляционных ожиданий и волатильностью валютного курса [114].

По данным Банка России, «в феврале россияне забрали из банков рекордную с 2008 года сумму – 1,2 трлн рублей», но оперативная реакция мегарегулятора в виде повышения ключевой ставки до 20% вскоре способствовала обратному притоку денег [102; 109]. Однако уже в мае-июне 2022 года на фоне стабилизации финансового рынка и укрепления курса рубля Банк России начал поэтапное снижение ключевой ставки – к декабрю 2022 года она составила 7,5%, при этом доля депозитов в структуре финансовых активов домохозяйств по сравнению с предыдущим годом существенно не изменилась [51]. Вместе с тем наблюдался рост накоплений в наличной форме. По данным Банка России, в 2022 году объем наличных денег вне банковской системы увеличился на более чем 2,3 трлн руб. и в совокупности составил 16,4 трлн руб. [48].

Нарастающая финансовая изоляция также привела к трансформации инвестиционного поведения населения. На фоне ограничений, введенных против зарубежных эмитентов, резиденты начали активно выводить средства с иностранных площадок. К концу 2022 года Банк России зафиксировал резкое сокращение вложений физических лиц в иностранные ценные бумаги – с 1,7 трлн руб. в 2021 году до менее чем 0,5 трлн руб. в 2022 году [107]. Одновременно усилился интерес населения к облигациям федерального займа и корпоративным облигациям российских эмитентов. Вырос спрос на драгметаллы (в частности, после обнуления НДС на

покупку физического золота в марте 2022 года) и недвижимость с учетом действующей до 1 июля 2024 года программы льготной ипотеки на строящееся жилье [114].

Таким образом, глобальные трансформационные процессы в экономике и экзогенные шоки, описанные выше, оказывают существенное влияние на сберегательное поведение домохозяйств через изменение мотивов сбережений. Геоэкономическая фрагментация усиливает мотив предосторожности. Демографическое старение населения повышает значимость мотива жизненного цикла. Цифровая трансформация финансового сектора активизирует мотив межвременного выбора.

2.3. Динамика сберегательного поведения российских домохозяйств на современном этапе

Результаты исследования сберегательного поведения домохозяйств в России до 2022 года представлены автором настоящего исследования в ранее опубликованной статье [93]. С учетом существенных изменений тенденций с того времени ниже проведем анализ, опираясь на доступные актуальные данные.

Одним из основных источников информации о финансовом поведении домохозяйств в России является баланс денежных доходов и расходов населения, публикуемый Федеральной службой государственной статистики (Росстат) [21]. По состоянию на сентябрь 2025 г. последний из них был опубликован 28.12.2024 г. и содержит данные за 2013-2023 гг. Данный баланс, подобно бухгалтерскому, состоит из трех разделов и позволяет провести анализ результатов экономической деятельности домохозяйств, а также выявить финансовые риски, которым подвержен этот сектор [93].

Первый раздел баланса содержит информацию о доходах. Доходная часть охватывает совокупность поступлений, формирующих финансовую базу домохозяйства. Ключевыми источниками выступают трудовые доходы (заработная

плата, доходы от предпринимательской деятельности), трансфертные платежи (пенсии, социальные пособия, алименты), доходы от собственности (проценты, дивиденды, арендные платежи), а также иные формы регулярных и нерегулярных поступлений. Совокупный доход представляет собой первичный элемент, определяющий возможности потребления, сбережения и инвестирования.

Как показано на рис. 15, в период с 2013 по 2023 г. они последовательно увеличивались в номинальном выражении и на конец 2023 г. достигли 94,06 трлн руб. [21]. Среднегодовой темп прироста доходов за 10 лет в номинальном выражении составил 7,9%, тогда как наиболее резкий рост наблюдался с 2020 г.

Рисунок 15 – Доходы (номинальные) домохозяйств Российской Федерации (трлн руб.), 2013-2023 гг. Построено по данным [21].

В то же время в реальном выражении значительного роста доходов за рассматриваемый период не наблюдалось – за вычетом инфляции среднегодовой темп прироста в период с 2013 по 2023 г. составил 0,9% (рис. 16) [21].

Рисунок 16 – Доходы (реальные) домохозяйств Российской Федерации (трлн руб.), 2013-2023 гг. Построено по данным [21].

В течение рассматриваемого периода структура доходов домохозяйств оставалась практически неизменной (рис. 17). Главным источником их формирования была оплата труда наемных работников. Вторыми по значимости являлись социальные выплаты.

Рисунок 17 – Структура денежных доходов домохозяйств по источникам поступления (%), 2013-2023 гг. Построено по данным [21].

Расходная составляющая охватывает все направления использования финансовых ресурсов, включая потребительские расходы (покупка товаров и оплата услуг), обязательные платежи (налоги и сборы, платежи по страхованию, проценты по кредитам) и разнообразные взносы (взносы в общественные и кооперативные организации) и прочие расходы [21].

Динамика расходов домохозяйств в номинальном выражении, по данным Росстата, представлена на рис. 18. На конец 2023 г. совокупный объем расходов домохозяйств достиг 86,27 трлн руб., среднегодовой темп прироста составил 7,5% [21].

Рисунок 18 – Расходы (номинальные) домохозяйств Российской Федерации (трлн руб.), 2013-2023 гг. Построено по данным [21].

Анализируя расходы в реальном выражении, следует отметить их существенное сокращение в 2015-2016 гг. и 2020 г (рис. 19).

Рисунок 19 – Расходы (реальные) домохозяйств Российской Федерации (трлн руб.), 2013-2020 гг. Построено по данным [21].

В 2015 г. снижение расходов было обусловлено комплексом внешнеэкономических факторов. Резкое падение цен на нефть, введение экономических санкций и последовавшая за этим девальвация рубля вызвали ускорение инфляции, рост стоимости импортных и импортозависимых товаров, а также снижение реальных располагаемых доходов населения. Ужесточение денежно-кредитной политики в условиях нестабильности (в частности, резкое повышение ключевой ставки Банком России в декабре 2014 года) ограничило доступ к потребительскому кредитованию. В этих условиях домохозяйства были вынуждены сократить потребление.

Схожий по характеру, но иной по природе шок произошел в 2020 году. Расходы домохозяйств сократились в результате кризиса, связанного с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) и введением ограничительных мер. Падение экономической активности, приостановка работы целых отраслей, рост безработицы и снижение доходов населения усилили неопределенность и способствовали сокращению потребления. Описанные тенденции закономерным образом привели к увеличению сбережений в 2015-2016 гг. и 2020 г. Тогда как прирост сбережений в 2023 г. главным образом связан с ростом реальных доходов (рис. 20).

Рисунок 20 – Прирост сбережений домохозяйств Российской Федерации (трлн руб.), 2013-2023 гг. Построено по данным [21].

Сбережения домохозяйств выступают ключевым источником внутреннего фондирования и одновременно отражают поведенческие установки населения в отношении будущего потребления и накоплений. Их значение в экономике определяется не только объемом, но и структурой размещения активов, а также каналами трансформации в ресурсы для банковского сектора, финансового рынка, строительной отрасли и государственного бюджета.

Статистические данные об объеме и структуре финансовых активов домохозяйств содержатся в отчетах Банка России, далее проведем их анализ.

Внутренний инвестиционный потенциал экономики в терминологии системы национальных счетов формируется как совокупность ресурсов, которые могут быть мобилизованы для финансирования валового накопления основного капитала и

покрытия дефицита бюджета. Домохозяйства как субъекты экономики выступают нетто-кредиторами: по данным Банка России, на 1 апреля 2025 г. их финансовые активы составляли 174,5 трлн руб., что эквивалентно примерно 85% ВВП [31]. В их структуре 39,2% приходилось на банковские депозиты, 33,1% – на акции и паи инвестиционных фондов, 13,3% – наличные деньги (рис. 21). При этом финансовые обязательства домохозяйств составляли 44,6 трлн руб. [31].

Рисунок 21 – Структура финансовых активов домохозяйств Российской Федерации (трлн руб.), 2018-2025 гг. Построено по данным [31].

На 1 апреля 2025 г. депозиты физических лиц составляют 68,4 трлн руб. (34,1% ВВП), являясь крупнейшим компонентом финансовых активов домохозяйств [31]. Их вклад в инвестиционный потенциал реализуется через банковский мультипликатор: средства вкладчиков формируют ресурсную базу для кредитования реального сектора. Так, в 2024 году средства населения в банках выросли на 26,1%, что обеспечило прирост ресурсной базы и снизило зависимость банков от внешних источников фондирования. В то же время высокая ключевая ставка сдерживала рост кредитного портфеля: в начале 2025 года годовые темпы роста ипотечного

кредитования замедлились до 7,9% г/г против 10,4% в 2024 году [31]. Это подтверждает, что депозиты физических лиц поддерживают устойчивость банковской системы, но при определенных макроэкономических условиях ограничивают кредитный импульс. Кроме того, высокая доля краткосрочных депозитов ограничивает возможности банков по предоставлению «длинных» кредитов, что снижает эффективность данного канала.

Спрос на депозиты в первую очередь обусловлен стремлением домохозяйств минимизировать негативное воздействие инфляции [94; 143]. Еще одним важным моментом в отношении вкладов является страхование. Так, согласно ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 №177-ФЗ, «обязательное страхование вкладов распространяется на сумму 1,4 млн рублей» (ст. 11, п.3), а с 1 октября 2020 г. в отдельных случаях банк может возместить до 10 млн руб. [6].

Динамика изменения объемов вкладов физических лиц, привлеченных банками в 2012-2025 гг., представлена на рис. 22.

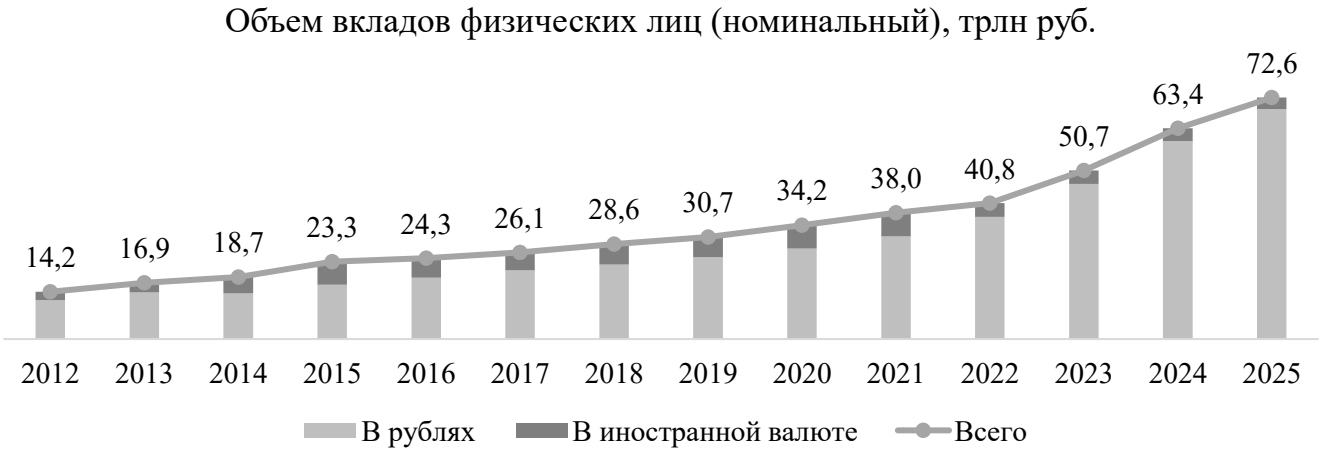

Рисунок 22 – Объем вкладов физических лиц (трлн руб.), 2012-2025 гг.

Построено по данным [109].

По данным Банка России, на конец 2025 года общий объем средств на депозитах составил 72,6 трлн руб., что на 15% больше по сравнению с 2024 годом [109]. В то же время, анализируя данные в реальном выражении, можно заметить отток средств в

2022 г., произошедший на фоне обострения геополитического конфликта (рис. 23).

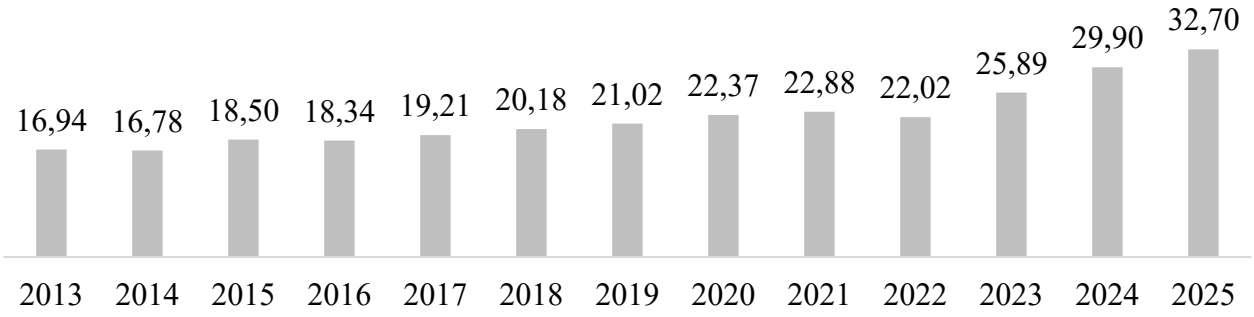

Рисунок 23 – Объем вкладов физических лиц в ценах 2013 г. (трлн руб.), 2013-2025 гг. Построено по данным [109].

Существенную долю в структуре сбережений занимает наличная валюта – на неё приходится 23,2 трлн руб. (11,4% ВВП) по состоянию на апрель 2025 г. (рис. 24) [31]. Эта форма сбережений практически не трансформируется во внутренний инвестиционный ресурс. Более того, высокий удельный вес наличных снижает скорость обращения капитала. Таким образом, данный компонент формирует «замороженную ликвидность» и снижает совокупный инвестиционный потенциал.

Рисунок 24 – Объем наличной валюты (трлн руб.), 2018-2025 гг. Построено по данным [31].

Акции, облигации и паи фондов по состоянию на апрель 2025 г. составляют 62,6 трлн руб. (30,8% ВВП), как показано на рис. 25 [31]. В отличие от наличных, эти инструменты имеют прямую связь с финансированием корпоративного и

государственного секторов.

Рисунок 25 – Акции, паи и облигации (трлн руб.), 2018-2025 гг.

Построено по данным [31].

На фоне сокращения участия нерезидентов в финансировании российского долга (доля в ОФЗ снизилась до 7,2% в 2024 г.), именно внутренние инвесторы стали играть ключевую роль в покрытии бюджетного дефицита и поддержании ликвидности долгового рынка. К концу 3 квартала 2025 года число физических лиц на брокерском обслуживании достигло 53 млн, однако, как отмечает Банк России, темпы роста количества институциональных клиентов брокеров оказались выше (рис. 26).

Рисунок 26 – Количество физических лиц на брокерском обслуживании (млн ед.), 2019-2025 гг. Построено по данным [26].

Анализируя предпочтения физических лиц на рынке ценных бумаг, можно заметить, что, несмотря на высокий риск и волатильность, приоритет отдается акциям

и прочим формам участия в капитале. Они составили 33% в структуре финансовых активов домашних хозяйств в апреле 2025 г. [31]. В целом за последние 7 лет объем средств физических лиц на брокерском обслуживании увеличился почти в 10 раз и по состоянию на 3 квартал 2025 г. достиг 11,8 трлн руб. (рис. 27) [103]. При этом средний размер счета физических лиц (резидентов) на брокерском обслуживании по итогам 2025 г. составил 2,2 млн руб. без учета небольших счетов. В то же время у 63% клиентов брокеров счета остаются пустыми [103].

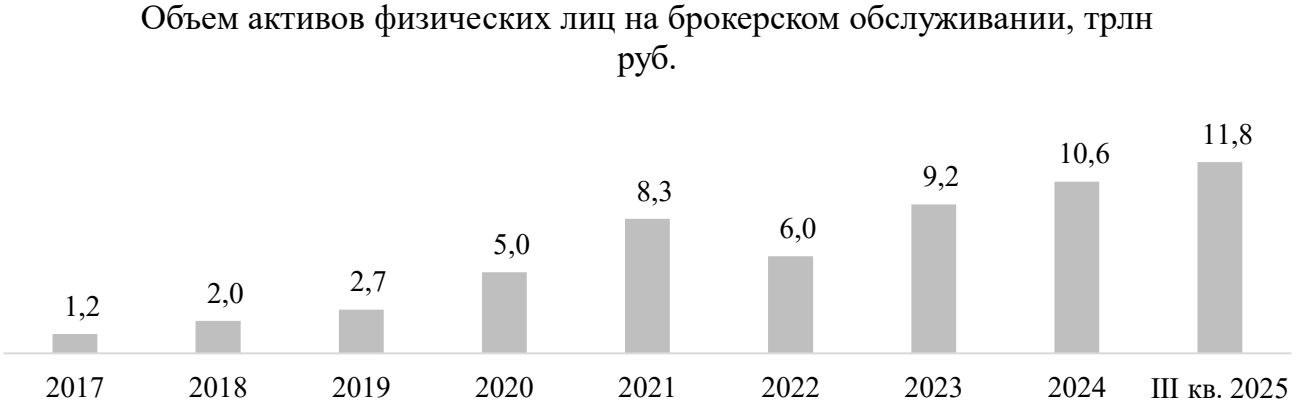

Рисунок 27 – Объем активов физических лиц на брокерском обслуживании (трлн руб.), 2017-2025 гг. Построено по данным [103].

В течение 2024 г. инвесторы постепенно осваивали индивидуальные инвестиционные счета (ИИС) третьего типа, отличительной чертой которых является более продолжительный горизонт вложений, необходимый для получения налоговых преференций, по сравнению с предыдущими модификациями инструмента. По итогам 2024 г. совокупное количество ИИС достигло 6,1 млн, однако прирост составил лишь 56 тыс. счетов – минимальное значение с момента запуска инструмента в 2015 году [106]. В целях повышения интереса к ИИС в 2024 г. были реализованы меры, направленные на повышение гибкости инструмента и усиление защиты инвестированных средств. В частности, инвесторам предоставлена возможность направлять дивидендные выплаты по акциям, учтенным на ИИС, на иные счета. Объем средств на ИИС по итогам 2025 г. составил 888,3 млрд руб. (рис. 28) [106].

Рисунок 28 – Активы ИИС (млрд руб.), 2020-2025 гг. Построено по данным [106]

Наряду с инвестициями физических лиц на брокерских и индивидуальных инвестиционных счетах, следует отметить доверительное управление, наиболее распространенной формой которого являются паевые инвестиционные фонды [119]. В 2025 г. объем активов физических лиц в доверительном управлении, по данным Банка России, составил 2,2 трлн руб., увеличившись более чем в 2 раза по сравнению с 2020 г. (рис. 29) [105].

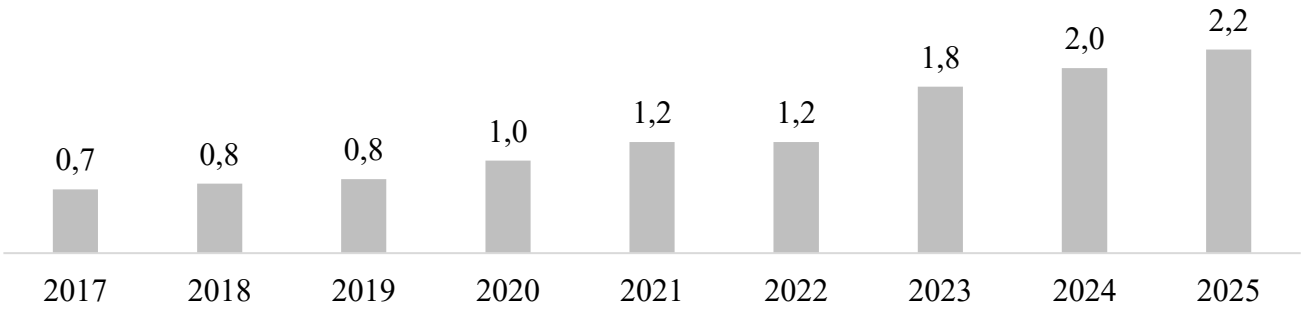

Рисунок 29 – Активы физических лиц в доверительном управлении (трлн руб.), 2017-2025 гг. Построено по данным [105].

Еще одной возможностью вложения сбережений для домохозяйств являются негосударственные пенсионные фонды. По состоянию на 2025 г. объем пенсионных средств в НПФ достиг 6,6 трлн руб. (рис. 30) [104]. Востребованность негосударственного пенсионного страхования обусловлена низким уровнем страховой пенсии по старости, средний размер которой в 2025 г. составил 24 тыс. руб. [172]. Однако вклад средств НПФ в инвестиционный потенциал ограничен: в отличие

от стран ОЭСР, где пенсионные активы достигают 90-150% ВВП и являются главным источником «длинных» денег, в России этот канал развит относительно слабо [91].

Объем пенсионных средств НПФ, трлн руб.

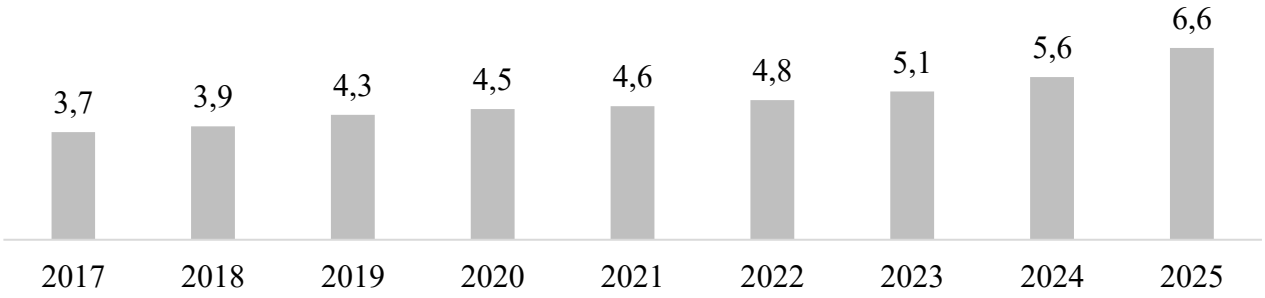

Рисунок 30 – Объем пенсионных средств НПФ (трлн руб.), 2017-2025 гг.

Построено по данным [104].

Альтернативой негосударственному пенсионному страхованию является накопительное, инвестиционное, а также с 2025 г. долевое страхование жизни. По мнению агентства «Эксперт РА», «значительный рост страхования жизни в 2024 году связан с увеличением продаж коротких продуктов НСЖ и ИСЖ». В результате по состоянию на 2024 г. объемы страхования жизни составили 2,0 трлн руб., из которых 71% приходится на накопительное и 25% на инвестиционное страхование жизни (рис. 31) [176].

Динамика страхования жизни, млрд руб.

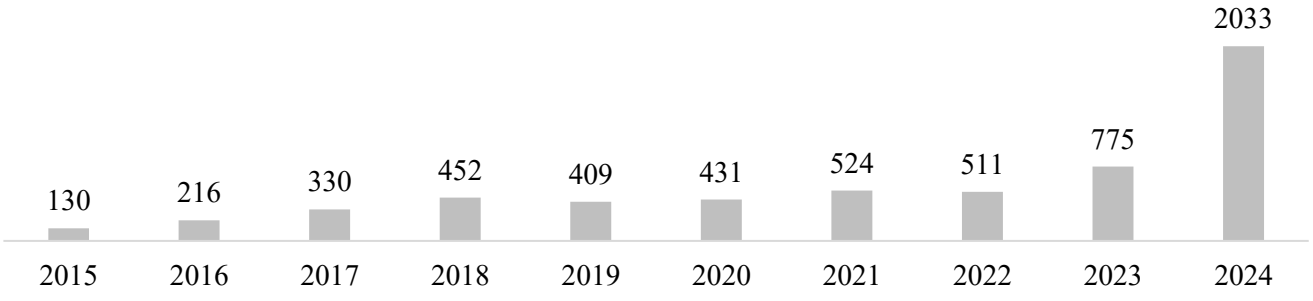

Рисунок 31 – Объем рынка страхования жизни (млрд руб.), 2015-2024 гг.

Построено по данным [176].

В сравнении со страховыми взносами прирост страховых резервов по страхованию жизни по итогам 2024 г. был значительно ниже, что, как отмечает

«Эксперт РА», может свидетельствовать о техническом характере увеличения премий, в то время как реальный прирост примерно в 4 раза ниже [176].

Финансовые активы домохозяйств также включают средства на счетах эскроу. Согласно отчету Банка России, на конец 1 квартала 2025 г. остатки на эскроу-счетах составили 6,5 трлн руб., общий объем кредитного портфеля достиг 20,6 трлн руб. [30]. Этот сегмент является уникальной особенностью российской модели, при которой сбережения населения напрямую стимулируют инвестиции в строительство и инфраструктуру. Эскроу-счета обеспечивают девелоперам ресурс для финансирования проектов, а ипотека – спрос на жилье.

Проведенный анализ официальных статистических данных показывает, что вклад отдельных инструментов в формирование внутреннего инвестиционного потенциала различен:

1. Депозиты обеспечивают устойчивость банковской системы, но ограниченно трансформируются в долгосрочные инвестиции.
2. Наличные практически не участвуют в финансировании экономического роста, представляя собой «инертные» накопления.
3. Финансовый рынок позволяет трансформировать сбережения домохозяйств в инвестиции в корпоративный и государственный секторы, что укрепляет их финансовую устойчивость в условиях снижения роли нерезидентов.
4. Пенсионные и страховые продукты пока занимают незначительную долю в структуре финансовых активов российских домохозяйств, но обладают стратегическим потенциалом.
5. Счета эскроу являются специфическим каналом, обеспечивающим значимый вклад в инвестиции в строительство.

Таким образом, каналы влияния финансовых активов домохозяйств на экономическое развитие страны многообразны – через расширение кредитного мультипликатора и снижение стоимости фондирования банков, участие в финансировании государственного долга и корпоративных облигаций, приобретение

долей в капитале компаний через акции, прямое стимулирование строительства посредством эскроу-счетов и ипотеки.

Вместе с тем, сопоставляя описанные тенденции с зарубежными странами, автор настоящего исследования приходит к выводу, что сберегательный потенциал российских домохозяйств раскрыт не в полной мере. По данным Frank Media, к концу 2024 года общее богатство американских домохозяйств составило около 148 трлн долларов, а капитализация фондового рынка значительно превышает ВВП [216]. По оценкам Немецкого федерального банка, в Германии на конец 2024 года финансовые активы домохозяйств достигли 9 трлн евро, при этом значительная их часть приходится на страховые и пенсионные резервы, что формирует устойчивую базу для финансирования экономики [204]. В России же структура сбережений остается смещенной в сторону депозитов, что снижает их потенциал как драйвера долгосрочного экономического роста, но одновременно делает их важными для поддержания ликвидности банковской системы.

Таким образом, сбережения домохозяйств в России обеспечивают стабильность финансовой системы, поддерживая ресурсную базу и кредитный мультипликатор коммерческих банков, но на данном этапе ограниченно используются в качестве внутреннего ресурса финансирования экономики.

Выводы по главе 2

Проведенный анализ тенденций развития сберегательного поведения российских домохозяйств позволил автору достичь следующих результатов:

1. С опорой на историко-экономический анализ систематизированы ключевые этапы эволюции сберегательного поведения российских домохозяйств. Сделан вывод о том, что в советский период поведение домохозяйств в сфере сбережений определялось ограниченным выбором инструментов, директивным характером экономической политики и идеологически обусловленным отношением к накоплению. В постсоветское время, несмотря на расширение спектра доступных

инструментов, сберегательное поведение во многом сохранило реактивный характер: оно остается чувствительным к внешним шокам, макроэкономической нестабильности и институциональным рискам.

2. Обосновано выделение глобальных трансформационных процессов в экономике, а также экзогенных шоков в отдельный блок внешних факторов, определяющих сберегательное поведение домохозяйств. Установлено, что данные процессы имеют трансграничный характер и определяют конфигурацию финансовой среды (в частности, открытость финансовых рынков, доступность инструментов), в которой принимаются сберегательные решения. Выделение указанного блока факторов позволяет методологически разграничить глобальные структурные сдвиги и конъюнктурные изменения макроэкономических условий.

3. В рамках анализа трансформационных процессов в экономике охарактеризовано влияние цифровизации, финансовой глобализации и деглобализации (геоэкономической фрагментации), демографического старения населения, а также экзогенных шоков, таких как пандемия COVID-19 и западные санкции, на сберегательное поведение домохозяйств. Установлено, что последние десятилетия характеризуются высокой степенью неопределенности, что препятствует формированию долгосрочных сбережений.

4. На основе описательной статистики выявлены ключевые тенденции сберегательного поведения российских домохозяйств на современном этапе. Показано, что периоды макроэкономической нестабильности (2015 г., 2020 г., 2022 г.) сопровождались сокращением расходов и ростом сбережений в ликвидной форме. Подтверждена сохраняющаяся зависимость поведенческих стратегий от инфляционных ожиданий, а также доминирование мотива предосторожности. Полученные результаты обладают практической значимостью для интерпретации современного финансового поведения домохозяйств и проектирования механизмов стимулирования долгосрочных сбережений.

ГЛАВА 3. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ

3.1. Эконометрическое моделирование сберегательного поведения российских домохозяйств: макроэкономический и поведенческий аспект

В соответствии с методологической логикой диссертационного исследования, построенной на принципе движения от теоретического анализа к эмпирической верификации, в первой главе автором были рассмотрены теоретические модели сберегательного поведения домохозяйств и на основе критического осмысления научной литературы выделен спектр факторов, детерминирующих сбережения. Вторая глава была посвящена анализу исторического контекста и актуальных тенденций. Настоящий параграф представляет собой синтез и продолжение предыдущих разделов.

В целях количественной оценки силы и направленности воздействия потенциальных факторов на динамику сбережений автором настоящего исследования применен инструментарий корреляционно-регрессионного анализа, который позволяет перейти к формализованной модели.

На данном этапе проводится проверка статистических взаимосвязей между сбережениями и рядом объективных макроэкономических индикаторов, таких как уровень дохода, ключевая ставка, уровень инфляции, безработицы, обменный курс национальной валюты, а также субъективных детерминант, в том числе индекса потребительской уверенности и оценки благоприятности условий для формирования сбережений. Помимо перечисленных переменных, автором настоящего исследования включены в анализ фиктивные бинарные переменные, отражающие наступление кризисных событий. Решение о добавлении данного фактора обусловлено тем, что влияние экзогенных шоков, таких как валютно-финансовый кризис 2015 г., пандемия COVID-19 2020 г. и введение санкций в 2022-2023 гг., не всегда возможно адекватно объяснить количественными переменными – они требуют фиксации самого события,

которое радикально изменило контекст.

Полный перечень факторов, потенциально оказывающих влияние на объем сбережений, представлен в табл. 4.

Таблица 4 – Факторы, потенциально оказывающие влияние на объем сбережений (составлено автором)

Фактор	***Ожидаемое влияние***	***Обоснование***
Среднегодовой объем доходов в расчете на одного члена домохозяйства в месяц (Росстат), далее – объем доходов	Положительное	Согласно гипотезе абсолютного дохода (Дж. М. Кейнс), с ростом доходов растет и объем сбережений. При этом предельная склонность к сбережению увеличивается медленнее, чем доход. Теория жизненного цикла (Ф. Модильяни) и перманентного дохода (М. Фридмен) также предполагают, что сбережения растут при увеличении доходов.
Ключевая ставка (Банк России)	В краткосрочном периоде положительное, в долгосрочном – неопределенное	Повышение ключевой ставки увеличивает доходность сберегательных инструментов, стимулируя сбережения (эффект замены). Однако может также снизить потребительскую активность и доходы из-за удорожания заимствований (эффект дохода). Влияние зависит от чувствительности домохозяйств к изменению процентных ставок.
Уровень инфляции (Росстат)	Неопределенное (может быть как положительное, так и отрицательное)	Высокая инфляция снижает реальную доходность сбережений, особенно в наличной форме и на депозитах, что демотивирует их накопление. Кроме того, инфляция усиливает неопределенность, стимулируя краткосрочное потребление.
Уровень безработицы (Росстат)	Отрицательное (в среднем), положительное (в рамках мотива «предосторожности»)	При высоком уровне безработицы снижаются текущие доходы, как следствие, и возможности для сбережений. Однако при этом может усиливаться мотив предосторожности, особенно среди занятых домохозяйств.
Индекс потребительской уверенности (Росстат)	Отрицательное	Более высокий уровень уверенности в экономике повышает склонность к потреблению и снижает мотивацию к сбережениям. Низкая уверенность, наоборот, усиливает сберегательное поведение (мотив предосторожности).
Оценка благоприятности условий для формирования сбережений (Росстат)	Положительное	Позитивная оценка условий (высокие ставки, доступные инструменты, стабильность) повышает мотивацию и готовность сберегать. Это субъективный фактор, но он отражает институциональную и макроэкономическую среду.

Продолжение таблицы 4.

Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств (Росстат)	Положительное	Доступ к сети Интернет расширяет финансовую инклюзию, делает доступными цифровые инструменты сбережений, упрощает сравнение и использование продуктов.
Обменный курс национальной валюты (Банк России)	Зависит от направления движения	Укрепление доллара относительно национальной валюты может стимулировать перевод сбережений в иностранную валюту. Резкое ослабление может вызвать сокращение сбережений и увеличение потребления.
Кризис (экзогенный шок)	Негативное (падение доходов); положительное (мотив предосторожности)	В условиях кризиса снижаются доходы и занятость, что ограничивает возможности для сбережений. В то же время кризис может стимулировать сбережения в целях предосторожности.

Информационной базой для эмпирического анализа послужили открытые источники, в том числе сайты Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Банка России [21; 28; 159]. В качестве исходных данных для построения моделей используются временные ряды с 2013 по 2024 год (12 лет). Временные рамки анализа ограничены 2013 годом, поскольку именно в этом году Росстатом была скорректирована методика расчета доходов (как следствие, сбережений), в результате чего данные за предыдущие периоды несопоставимы, более того, на официальном сайте Росстата они не опубликованы. Исходные данные, используемые для расчетов, представлены в Приложении В (табл. В.1).

Корреляционно-регрессионный анализ с использованием программ Excel и Gretl осуществлялся в несколько этапов, что позволило обеспечить методологическую строгость и устойчивость интерпретации результатов.

На первом этапе, для того чтобы определить факторы, лучше всего объясняющие вариацию результата, а также исключить наличие «ложной корреляции», автором исследования были построены тренды и корреляционная матрица по остаткам (табл. В.2). Это позволило исключить переменные с явно слабой корреляцией, а также сформировать предварительное представление о наиболее

релевантных детерминантах. По результатам данного анализа было установлено, что наибольшей силой связи с результатом обладают следующие факторы:

- ключевая ставка;
- уровень инфляции;
- индекс потребительской уверенности;
- оценка благоприятности условий для формирования сбережений;
- фиктивная переменная, отражающая кризис.

Вместе с тем была обнаружена мультиколлинеарность между ключевой ставкой и уровнем инфляции, а также между индексом потребительской уверенности и оценкой благоприятности условий для формирования сбережений. На этом основании переменные, межфакторная связь которых оказалась выше связи с результатом (инфляция и оценка благоприятности условий), были исключены. Таким образом, первоначальная спецификация модели включала три фактора:

- ключевая ставка;
- индекс потребительской уверенности;
- фиктивная переменная, отражающая кризис.

На следующем этапе была построена множественная линейная регрессия, однако параметр при индексе потребительной уверенности оказался статистически незначим по t-критерию Стьюдента, что обусловило необходимость его исключения. В результате спецификация модели была скорректирована.

В итоговую модель вошли два фактора:

- ключевая ставка;
- фиктивная переменная, отражающая кризис (табл. 5, табл. В.3).

Таблица 5 – Корреляционная матрица отобранных факторов (составлено автором)

Переменная	***Объем сбережений (S)***	***Ключевая ставка (R)***	***Кризис (фиктивная переменная) (C)***
Объем сбережений (S)	1,00		
Ключевая ставка (R)	0,69	1,00	
Кризис (фиктивная переменная) (C)	0,69	0,09	1,00

Оценки параметров множественной линейной регрессии представлены в табл. 6. С вероятностью 0,95 можно утверждать, что коэффициенты регрессии статистически значимы по t-критерию Стьюдента.

Таблица 6 – Спецификация модели множественной линейной регрессии (составлено автором)

Переменная	***Коэффициент***	***Ст. ошибка***	***t-статистика***	***p-значение***	***Ур. значимости***
const	560,836	201,894	2,778	0,0215	**
R	109,143	20,6080	5,296	0,0005	***
C	777,817	147,010	5,291	0,0005	***
Примечание: ** и *** обозначают статистическую значимость на уровне 5% и 1% соответственно.					

Достоверность уравнения регрессии подтверждена с помощью F-критерия Фишера: $F_{\text{расч.}} = 30{,}68 > F_{\text{табл.}} = 4{,}26$, следовательно, с вероятностью 0,95 коэффициент детерминации значим: $R^2 = 0{,}87$, $R^2_{\text{норм}} = 0{,}84$. Исходя из этого, 87,20% вариации результирующего показателя объясняется влиянием факторов, включенных в состав модели.

Средняя ошибка аппроксимации $MAPE$ = 11,41 %. Данное значение ненамного превышает 10%, поэтому можно констатировать, что линия регрессии достаточно хорошо соответствует исходным данным.

На заключительном этапе была произведена проверка остатков модели на автокорреляцию, нормальность и гомоскедастичность.

Наличие автокорреляции в остатках было проверено с помощью критерия Дарбина-Уотсона и коэффициента автокорреляции первого порядка (рис. 32). С вероятностью 0,95 можно утверждать, что автокорреляция остатков отсутствует, остатки не зависят друг от друга.

```
LM тест на наличие автокорреляции до порядка 1 -
  Нулевая гипотеза: автокорреляция отсутствует
  Тестовая статистика: LMF = 1,41353
  p-значение = P(F(1, 8) > 1,41353) = 0,268562
```

Рисунок 32 – Результаты теста на наличие автокорреляции

(построено автором в программе Gretl)

Для проверки остатков на отсутствие гетероскедастичности были применены тесты Уайта и Бройша-Пэгана (рис. 33). Полученные уравнения оказались незначимыми с вероятностью 0,95. Исходя из этого, остатки гомоскедастичны.

```
Тест Вайта (White) на гетероскедастичность -
  Нулевая гипотеза: гетероскедастичность отсутствует
  Тестовая статистика: LM = 0,938865
  p-значение = P(Хи-квадрат(4) > 0,938865) = 0,91892

Тест Бройша-Пэгана (Breusch-Pagan) на гетероскедастичность -
  Нулевая гипотеза: гетероскедастичность отсутствует
  Тестовая статистика: LM = 0,166179
  p-значение = P(Хи-квадрат(2) > 0,166179) = 0,920269
```

Рисунок 33 – Результаты теста Уайта и теста Бройша-Пэгана

(построено автором в программе Gretl)

Проведенные тесты позволили сделать вывод о том, что остатки соответствуют классической нормальной линейной модели. Таким образом, полученная модель удовлетворяет всем требованиям классической нормальной линейной модели.

Уравнение регрессии принимает следующий вид ($R^2 = 0{,}87$):

$$S_t = 560{,}836 + 109{,}143 * R_t + 777{,}817 * C_t, \quad (1)$$

где: S_t – среднегодовой объем сбережений на одного члена домохозяйства в месяц в сопоставимых ценах в период t; R_t – значение ключевой ставки Банка России в период t; C_t – бинарная фиктивная переменная, принимающая значение 1 в кризисные годы и 0 в остальные периоды.

Результаты корреляционно-регрессионного анализа могут быть интерпретированы следующим образом: при повышении ключевой ставки на 1 процентный пункт, среднегодовой объем сбережений на одного члена домохозяйства в месяц в сопоставимых ценах в среднем увеличивается на 109,14 руб., при прочих неизменных факторах. При наступлении кризисного года, среднегодовой объем сбережений на одного члена домохозяйства в месяц в сопоставимых ценах в среднем

увеличивается на 777,82 руб., при прочих неизменных факторах.

Для оценки процентного изменения зависимой переменной построена показательная модель в линеаризованной форме ($R^2 = 0{,}82$):

$$lnS_t = 6{,}746 + 0{,}061 * R_t + 0{,}445 * C_t, \quad (2)$$

где: S_t – среднегодовой объем сбережений на одного члена домохозяйства в месяц в сопоставимых ценах в период t; R_t – значение ключевой ставки Банка России в период t; C_t – бинарная фиктивная переменная, принимающая значение 1 в кризисные годы и 0 в остальные периоды (табл. 7).

Таблица 7 – Спецификация модели линеаризованной показательной регрессии (составлено автором)

Переменная	***Коэффициент***	***Ст. ошибка***	***t-статистика***	***p-значение***	***Ур. значимости***
const	6,746	0,138	48,929	0,000	***
R	0,061	0,014	4,323	0,002	***
C	0,445	0,100	4,429	0,002	***
Примечание: *** обозначает статистическую значимость на уровне 1%.					

После потенцирования уравнение регрессии принимает вид:

$$S_t = e^{6{,}746} * (e^{0{,}061})^{R_t} * (e^{0{,}445})^{C_t} = 851 * 1{,}063^{R_t} * 1{,}560^{C_t} \quad (3)$$

где: S_t – среднегодовой объем сбережений на одного члена домохозяйства в месяц в сопоставимых ценах в период t; R_t – значение ключевой ставки Банка России в период t; C_t – бинарная фиктивная переменная, принимающая значение 1 в кризисные годы и 0 в остальные периоды.

Данная модель показывает, что повышение ключевой ставки на 1 процентный пункт приводит к увеличению среднегодовых ежемесячных сбережений на одного члена домохозяйств в сопоставимых ценах на 6%, при прочих неизменных факторах, а кризисные периоды приводят к росту сбережений на 56%, при прочих неизменных факторах.

На основании регрессионной модели рассчитаны прогнозные значения объема

сбережений на 2026-2028 гг. В качестве сценарных условий использованы значения ключевой ставки согласно макроэкономическому опросу Банка России, который отражает консенсус-прогноз аналитиков [27]. Фиктивная переменная, отражающая кризис, в прогнозном периоде принята равной нулю. Визуализация результатов эконометрического моделирования и прогнозирования представлена на рис. 34.

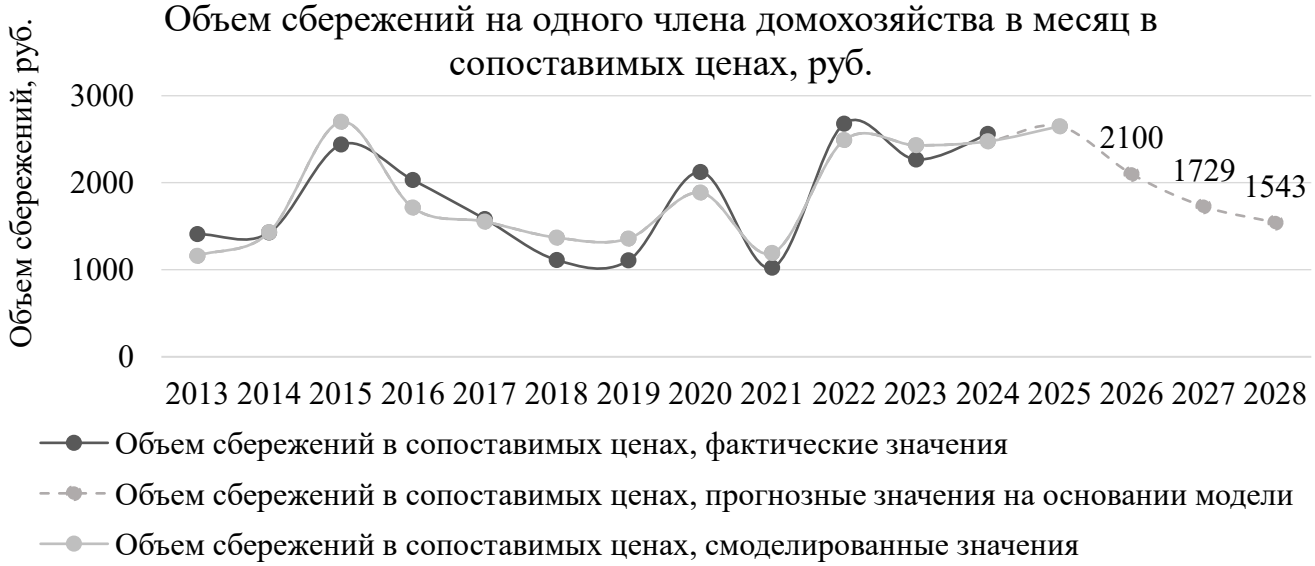

Рисунок 34 – Динамика объема сбережений на одного члена домохозяйств в месяц (фактические значения по данным Росстата [21]; смоделированные данные и прогноз – расчеты автора)

Вместе с тем исследовательский интерес представляет анализ влияния ключевой ставки не только на объем сбережений, но и на структуру финансовых активов домохозяйств.

С этой целью автором была построена эконометрическая модель, отражающая влияние ключевой ставки на долю депозитов в структуре финансовых активов. В качестве базы для анализа использованы квартальные данные за период с 1 квартала 2018 года по 1 квартал 2025 года, опубликованные Банком России [28; 31].

Результаты моделирования показали статистически значимую положительную связь между ключевой ставкой и долей депозитов: коэффициент при ключевой ставке составил 0,18. Это означает, что повышение ключевой ставки на 1 п.п. приводит к

увеличению доли депозитов в структуре финансовых активов домохозяйств в среднем на 0,18 п.п., при прочих равных условиях.

Полученные результаты подтверждают «переключение» домохозяйств в сторону более консервативных форм сбережений при ужесточении денежно-кредитной политики, однако объяснительная сила модели остается довольно низкой ($R^2 = 0{,}19$). Невысокое значение коэффициента детерминации может быть связано с тем, что принятие финансовых решений населением не происходит мгновенно и часто опаздывает по отношению к изменениям макроэкономических условий.

Для проверки данной гипотезы автором была построена модифицированная модель с временным лагом в 1 квартал. Коэффициент регрессии составил 0,24, а доля объясненной вариации выросла до 31%. Результаты моделирования свидетельствуют о том, что повышение ключевой ставки на 1 п.п. в предыдущем квартале приводит к увеличению доли депозитов в структуре активов на 0,24 п.п. в текущем квартале, то есть реакция домохозяйств на изменение стоимости денег проявляется с задержкой, и именно с учетом этой задержки модель демонстрирует более высокую объяснительную силу.

В целях более точного учета инерции домохозяйств автором была протестирована модель, в которой ключевая ставка включена с лагом в 2 квартала. Результаты моделирования подтвердили наличие устойчивой зависимости: коэффициент при ключевой ставке составил 0,30: повышение ключевой ставки на 1 п.п. приводит к росту доли депозитов в структуре активов домохозяйств на 0,30 п.п. через 2 квартала. Модель с двухквартальным лагом продемонстрировала большую объяснительную силу по сравнению с моделью с одноквартальным лагом: $R^2 = 0{,}37$.

Дополнительно автором была протестирована модель с временным лагом в 3 квартала. Данная модель показала наибольшую объяснительную силу ($R^2 = 0{,}43$), при этом коэффициент при ключевой ставке составил 0,36. Исходя из этого, лаг в 3 квартала дает наиболее точное количественное описание динамики влияния денежно-

кредитной политики на поведение домохозяйств в части выбора ликвидных форм сбережений.

На следующем этапе автором была построена модель линейной регрессии, оценивающая влияние ключевой ставки на поведение домохозяйств в части выбора инвестиционных активов. В качестве зависимой переменной выступала доля акций и иных форм участия в капитале в структуре финансовых активов домохозяйств, по данным Банка России [31]. Результаты анализа выявили статистически значимую отрицательную связь между уровнем ключевой ставки и долей акций: при росте ставки на 1 п.п. доля акций снижается в среднем на 0,21 п.п. Значение коэффициента детерминации $R^2 = 0{,}50$ указывает на то, что половина вариации доли акций объясняется изменением ключевой ставки. При этом сравнение моделей с текущим и отложенным значением ключевой ставки показало, что наибольшую объяснительную силу демонстрирует модель без временного лага.

Для оценки связи между уровнем ключевой ставки и перераспределением финансовых активов была построена регрессионная модель, в которой зависимой переменной выступала разность между долей акций и долей депозитов в совокупных финансовых активах домохозяйств. Оценка модели методом наименьших квадратов показала наличие статистически значимой обратной связи между уровнем ключевой ставки и рассматриваемым поведенческим индикатором. Повышение ключевой ставки на 1 п.п. сопровождается снижением разности долей акций и депозитов в среднем на 0,38 п.п. ($R^2 = 0{,}40$). Описанные выше модели представлены в табл. 8.

Таблица 8 – Спецификации эконометрических моделей (составлено автором)

№	*Модель (зависимая переменная)*	*Уравнение регрессии*	*R^2*	*Интерпретация результатов*
1	Доля депозитов в финансовых активах (*Dep*), п.п. (с лагом 3 квартала)	$Dep_t = 0{,}31 + 0{,}36 * R_t$	0,43	При повышении ключевой ставки на 1 п.п. доля депозитов увеличится в среднем на 0,36 п.п. через 3 квартала.
2	Доля акций и паев в финансовых активах (*Eq*), п.п.. (без лага)	$Eq_t = 0{,}37 - 0{,}21 * R_t$	0,50	При повышении ключевой ставки на 1 п.п. доля акций снизится в среднем на 0,21 п.п.

Продолжение таблицы 8.

3	Разность долей акций и депозитов (*Diff*), п.п.	$Diff_t = 0{,}04 - 0{,}38 * R_t$	0,40	При повышении ключевой ставки на 1 п.п., разность долей акций и депозитов снизится в среднем на 0,38 п.п. R=10% – расчетное значение «точки переключения» (на основании регрессии)

Последняя модель позволяет найти расчетное значение «точки переключения» домохозяйств с депозитов на финансовый рынок. Этот показатель, в авторской интерпретации, отражает степень предпочтения домохозяйствами рисковых инструментов (акций) по сравнению с традиционно более надежными и ликвидными формами (депозитами). Математически он определяется как значение ключевой ставки, при котором разность между долей акций и долей депозитов в структуре финансовых активов домохозяйств становится равной нулю. Значение ключевой ставки ниже данного порога может быть интерпретировано как один из стимулов к диверсификации портфеля в сторону акций и иных форм участия в капитале.

Рисунок 35 – Динамика ключевой ставки Банка России (левая ось) и разности долей акций и депозитов в структуре финансовых активов домохозяйств (правая ось) (по данным Банка России [28]); черным цветом выделены «точки переключения» с депозитов на финансовый рынок (и наоборот)

Далее автором была графически определена «точка переключения» домохозяйств с депозитов на финансовый рынок, наблюдаемая по фактическим данным. Исходя из рис. 35, она достигалась при значении ключевой ставки 8%. Отметим, что расчетное значение порога отличается от фактически наблюдаемого, поскольку регрессионная модель отражает усредненную линейную зависимость.

Проведенный автором эконометрический анализ позволил выявить существенные различия в реакции домохозяйств на изменения ключевой ставки в зависимости от выбранного инструмента сбережений. В частности, модели, описывающие изменение доли депозитов в структуре финансовых активов, продемонстрировали более высокую объяснительную способность при включении лагов. Иными словами, решения о перераспределении средств в пользу депозитов, как правило, принимаются с временной задержкой.

Подобная инерционность может быть обусловлена институциональной природой банковских вкладов (пролонгация на прежних условиях, система страхования), а также ограниченной осведомленностью населения о текущих изменениях денежно-кредитной политики и приверженностью к консервативным формам сбережения. Кроме того, психологические аспекты поведения, такие как избегание рисков, способствуют более медленной адаптации к новым экономическим условиям.

В отличие от этого, инвестиционные решения в отношении акций демонстрируют более высокую чувствительность к текущему уровню ключевой ставки, что подтверждается более высоким коэффициентом детерминации модели без лагов. Это позволяет предположить, что инвесторы, приобретающие акции, чаще относятся к более финансово грамотной группе населения, способной оперативно воспринимать и интерпретировать сигналы со стороны мегарегулятора.

Выявленная чувствительность сбережений к ключевой ставке и кризисным событиям согласуется с выводами кейнсианской и поведенческой моделей сберегательного поведения. Согласно кейнсианской теории предпочтения

ликвидности, в условиях роста процентных ставок снижается текущая склонность к потреблению, а активы с фиксированной доходностью становятся более привлекательными, что стимулирует рост сбережений. Вместе с тем, как показано в работах Ф. Модильяни, в рамках гипотезы жизненного цикла сберегательное поведение должно быть сравнительно устойчивым во времени и определяться фазами жизненного цикла. Однако построенная модель показывает, что в российской действительности поведение домохозяйств в большей степени обусловлено краткосрочными макроэкономическими колебаниями.

С позиции поведенческой экономики это может указывать на доминирование эффекта предосторожности, описанного К. Кэрролом, а также на влияние эвристик принятия решений в условиях неопределенности [196]. В работах Д. Канемана и А. Тверски отмечается, что в условиях кризиса домохозяйства склонны переоценивать риски и действовать иррационально, что выражается в резком сокращении расходов и увеличении склонности к сбережениям, вне зависимости от их долгосрочной эффективности [231].

Таким образом, проведенный эконометрический анализ позволяет автору подтвердить доминирование реактивной, а не стратегической модели сберегательного поведения в России: домохозяйства склонны увеличивать сбережения в ответ на внешние макроэкономические факторы, а не в силу долгосрочных стимулов.

В данном контексте автор считает важным отметить, что реактивная модель сберегательного поведения характерна не только для России, но и для ряда других стран. Так, в Турции, по данным Центрального банка страны (TCMB), более 50% активов домохозяйств сосредоточено в депозитах и валюте, при крайне низком участии в фондовом рынке [285]. Подобная структура финансовых активов домохозяйств наблюдается в Индии: согласно отчетам Резервного банка Индии, депозиты составляют около 35%, также существенная часть накоплений направляется в золото и недвижимость, что отражает предпочтение физических и малоликвидных форм сбережений [269]. В Аргентине наблюдается долларизация накоплений: из-за

инфляционной нестабильности значительная часть сбережений аккумулируется в форме наличной иностранной валюты вне национальной банковской системы [211].

Противоположный тип сберегательной модели формируется в странах с высокой институциональной зрелостью и устойчивой макроэкономической средой. Так, по данным EFAMA и ОЭСР, в Дании, Нидерландах и Швеции депозиты составляют менее 30% финансовых активов домохозяйств, в то время как активы пенсионных фондов в этих странах нередко превышают 100% ВВП, формируя основу для долгосрочных инвестиций [266].

Межстрановой анализ позволяет установить закономерность: реактивная модель преобладает в странах с развивающимися финансовыми рынками, ограниченным доступом к инвестиционным продуктам и высоким уровнем макроэкономической нестабильности (Турция, Индия, Аргентина). В условиях высокой инфляции и девальвации, как например, в Аргентине или Турции, даже при наличии финансовых инструментов домохозяйства предпочитают защитные формы накоплений: долларовые сбережения вне банковской системы, золото, недвижимость. Напротив, в странах с устойчивой макроэкономической средой и надежными механизмами долгосрочного сбережения (Дания, Швеция, Нидерланды) преобладает проактивная модель, при которой домохозяйства готовы использовать инструменты с отложенной доходностью, такие как пенсионные фонды, страхование жизни, ценные бумаги.

Описанные наблюдения дают основание утверждать, что стратегическое сберегательное поведение возможно лишь в условиях социальной и макроэкономической стабильности, умеренной инфляции, а также при высоком уровне развития национальных финансовых рынков. Следовательно, в странах с преобладанием реактивной модели необходим комплекс мер, направленных не только на институциональное развитие и стимулирование долгосрочных продуктов, но и на обеспечение макроэкономической стабильности как ключевого условия формирования устойчивого сберегательного поведения.

Реактивная модель сберегательного поведения, в свою очередь, порождает значительные институциональные и макроэкономические риски.

Во-первых, реактивная природа сберегательного поведения усиливает волатильность совокупного спроса. Домохозяйства увеличивают сбережения в периоды макроэкономической нестабильности, одновременно сокращая текущие расходы, что приводит к снижению потребления и усугублению фаз спада. В условиях макроэкономического оживления, наоборот, наблюдается снижение склонности к сбережениям и временный рост потребительской активности. Эта проциклическая динамика усложняет задачу проведения эффективной контрциклической фискальной и денежно-кредитной политики.

Во-вторых, в условиях высокой зависимости сберегательного поведения от краткосрочных ожиданий и макроэкономических индикаторов финансовые ресурсы, формируемые домохозяйствами, аккумулируются в консервативных инструментах, что ограничивает возможности финансирования реального сектора экономики.

В-третьих, краткосрочные поведенческие реакции на изменение макроэкономической конъюнктуры сдерживают развитие контрактных форм сбережений – пенсионных программ, страхования жизни.

Учитывая выявленные тенденции, представляется необходимым формирование институциональной среды, способной сместить мотивацию домохозяйств от реактивной модели сбережения в целях предосторожности к стратегической модели финансового планирования. Важнейшим направлением политики в данном контексте выступает развитие финансовой культуры, в том числе навыков ведения бюджета доходов и расходов, оценки рисков, понимания сложных финансовых продуктов и применения их на практике.

Одним из главных элементов финансовой культуры, как было отмечено ранее в параграфе 1.3, является финансовая грамотность. В целях подтверждения тезиса о значимости финансовой грамотности автором настоящего исследования был проведен дополнительный эмпирический анализ на данных одномоментного опроса,

который позволил количественно подтвердить наличие положительной связи между уровнем финансовой грамотности и вероятностью наличия сбережений. Теоретические рамки, методология, а также результаты анализа были представлены на IV Международной конференции «Цифровая трансформация и устойчивость глобальной финансовой экономики» в Международном университете г. Мюнхен в сентябре 2024 года и опубликованы в одноименной рецензируемой монографии [259].

Эмпирическая часть данного исследования основана на авторской анкете, охватывающей три блока: социально-демографические характеристики, поведенческие установки (субъективная оценка финансовой грамотности, интерес к финансовым темам, склонность к сбережению, наличие сбережений и инвестиций) и тестовую диагностику финансовой грамотности, которая оценивалась по трем направлениям:

1. арифметика (проценты, дроби, вероятности);
2. базовые вопросы (сложные проценты, инфляция, стоимость денег во времени);
3. профильные вопросы (фондовый рынок, риски, диверсификация).

Блок анкеты, посвященный анализу финансовой грамотности, был составлен на основе международно признанных опросников из работ М. ван Роджи, Х. Бейтмана, А. Лусарди, О. Митчелл, Э. Гаара, Р. Алесси, а также PISA-исследований OECD [186; 218; 295; 250]. Вопросы анкеты содержатся в Приложении Г.

Базой исследования выступили результаты онлайн-опроса, проведенного автором в мае 2022 года среди жителей Санкт-Петербурга с использованием Google-формы. Объем выборки составил 310 респондентов, в том числе 200 женщин (64,5%) и 110 мужчин (35,5%). Возрастной диапазон участников варьировался от 15 до 80 лет, с преобладанием возрастной группы 20-40 лет, что соответствует демографическому профилю экономически активного населения. Результаты опроса представлены в Приложении Д.

Автор считает важным отметить, что выборка не претендует на статистическую

репрезентативность для всей совокупности домохозяйств Российской Федерации. Во-первых, она ограничена территориально и отражает особенности финансового поведения населения мегаполиса с высоким уровнем цифровизации и доступом к банковской инфраструктуре. Во-вторых, использование онлайн-анкеты закономерно привело к смещению выборки в сторону более молодых респондентов, что снижает представленность старших когорт. С учетом этих ограничений полученные результаты не подлежат прямой экстраполяции на другие регионы, а сам опрос целесообразно рассматривать как исследование конкретного случая.

Сравнительный анализ результатов, полученных в рамках настоящего опроса, с проведенными ранее международными исследованиями, представлен в табл. 9.

Таблица 9 – Сравнение результатов проведенного опроса с международными исследованиями (дополнено автором [186; 218])

Блок вопросов	*Базовые вопросы*					*Профильные вопросы*			
Вопрос, №	*b1 (%)*	*b2 (%)*	*b3 (%)*	*b4 (%)*	*b5 (%)*	*s5 (%)*	*s6 (%)*	*s7 (%)*	*s8 (%)*
Австралия, 2010[1]	88	72	78	55	87	64	55	77	73
США, 2017[2]	92	69	87	74	78	80	62	88	75
США, 2011[3]	65	-	64	-	-	-	-	-	-
Новая Зеландия, 2009[4]	86	-	81	-	-	-	-	-	-
Германия, 2009[5]	82	-	78	-	-	-	-	-	-
Нидерланды, 2011[6]	85	-	77	-	-	-	-	-	-
СПбГЭУ, 2020[7]	90	58	77	62	85	67	38	72	80
ТУ Дармштадт, 2020[7]	99	92	95	86	85	75	68	79	95
Санкт-Петербург, 2022[8]	***84***	***60***	***78***	***65***	***78***	***67***	***41***	***54***	***82***

Примечания:
В таблице показан процент респондентов, правильно ответивших на вопросы.
Базовые вопросы: b1 – арифметические навыки; b2 – сложные проценты; b3 – инфляция; b4 – временная стоимость денег; b5 – денежная иллюзия.
Профильные вопросы: s5 – высокорисковые активы; s6 – долгосрочная доходность; s7 – волатильность; s8 – диверсификация.
Результаты предыдущих исследований (сноски 1-7) содержатся в статьях Х. Бейтмана (2012) и Э. Гаара (2020): [1]CenSoc-UNSW, 2010; [2]American Life Panel, 2017 (А. Лусарди, О. Митчелл); [3]National Financial Capability Study, 2011 (А. Лусарди); [4]ANZ-New Zealand Retirement Commission Financial Knowledge Survey, 2009; [5]SAVE, 2011 (Т. Бухер-Кёнен, А. Лусарди); [6] Dutch Central Bank Household Survey, 2011 (Р. Алесси); [7]Исследование финансовой грамотности студентов Технического университета г. Дармштадт и Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2020 (Э. Гаар, Д. Ширек, Т.В. Никитина, М.П. Скалабан, В.С. Дембинскайте); [8]Результаты, полученные в рамках настоящего диссертационного исследования.

Оценка индекса финансовой грамотности вычислялась посредством подсчета правильных ответов по каждому разделу вопросов и их стандартизации с использованием выборочных средних и стандартных отклонений. Данный подход впервые был предложен в работе Х. Бейтмана и С. Экерта, проводивших анализ финансовой грамотности в Австралии [186]. Таким образом, было получено три показателя (оценки) для каждого респондента.

На рис. 36 показаны гистограммы их распределения.

Рисунок 36 – Распределение стандартизованных оценок (баллов)

(построено автором)

На основе данных опроса также был проведен корреляционно-регрессионный анализ, цель которого состояла в выявлении факторов, оказывающих наибольшее влияние на наличие сбережений. В число независимых переменных, потенциально имеющих связь с результатом, входили пол, возраст, уровень общего и профильного образования (в том числе наличие высшего финансового образования), уровень дохода, субъективная оценка склонности к сбережению, интерес к финансовой информации, регулярность ведения бюджета, а также уровень финансовой грамотности, оцененный по результатам опроса.

Для того чтобы понять, какие факторы оказывают наибольшее влияние на наличие сбережений, была построена корреляционная матрица (табл. Д.4 в Приложении Д). Результаты анализа показали, что вариация вероятности наличия сбережений главным образом объясняется за счет субъективной оценки склонности к

сбережению и уровня финансовой грамотности, определенного на основе корректных ответов на профильные вопросы анкеты. Эти факторы были включены в модель бинарной логистической регрессии (логит-модель):

$$P(Y_i = 1) = f(z_i) = \frac{1}{1+e^{-z_i}}, \quad (4)$$

$$z_i = \beta_0 + \beta_1 SFL_i + \beta_2 PS_i, \quad (5)$$

где: $P(Y_i = 1)$ – вероятность наличия сбережений у *i*-го респондента; $f(z_i)$ – логистическая функция, преобразующая значение линейного индекса z_i в вероятность наличия сбережений; z_i – линейный индекс логит-модели, отражающий совокупное влияние факторов на вероятность наличия сбережений; Y_i – бинарная зависимая переменная, характеризующая наличие или отсутствие сбережений у *i-го* респондента; β_0 – свободный член модели; β_1, β_2 – оцениваемые коэффициенты уравнения регрессии, e – экспонента; i – номер наблюдения (респондента); SFL_i – уровень финансовой грамотности *i*-го респондента, рассчитанный на основании корректных ответов на профильные вопросы по результатам опроса; PS_i – самооценка склонности *i*-го респондента к сбережениям по результатам опроса.

Спецификация модели бинарной логистической регрессии и предельные эффекты представлены в табл. 10. Точность модели составила 88% (все параметры регрессии значимы по t-критерию Стьюдента с вероятностью 0,99).

Таблица 10 – Спецификация бинарной логистической регрессии и предельные эффекты (составлено автором)

Переменная	***Коэффициент***	***Ст. ошибка***	***p-значение***	***Ур. значимости***	***f(Z) ср.***	***β*f(Z)***
const	-3,036	0,593	<0,0001	***	0,097	-0,295
S.F.L.	1,624	0,585	0,0055	***	0,097	0,158
P.S.	0,872	0,132	<0,0001	***	0,097	0,085

Графики функции распределения и плотность распределения вероятностей представлены на рис. 37.

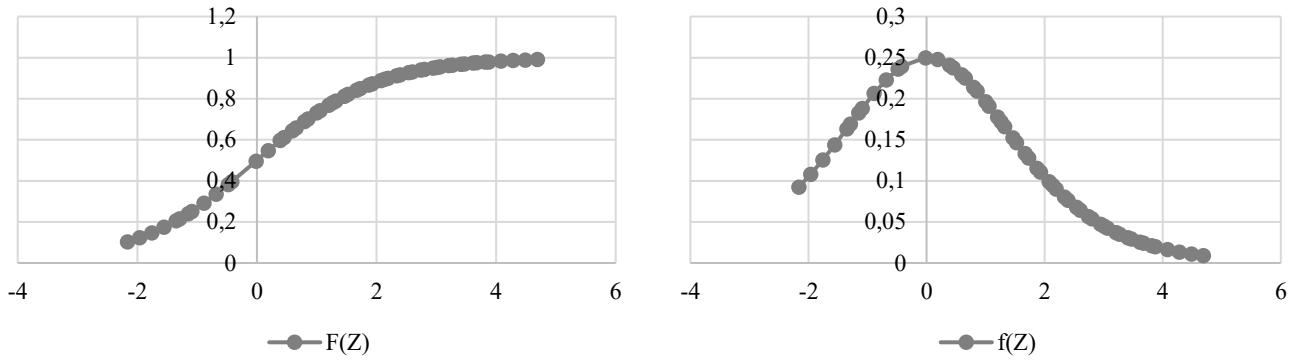

Рисунок 37 – Графики функции распределения и функции плотности (построено автором)

Результаты эконометрического моделирования позволяют сделать вывод о том, что при увеличении уровня финансовой грамотности на 1 единицу вероятность наличия сбережений в среднем увеличивается на 15,8 процентного пункта.

Остальные переменные, включая пол, возраст, доход, наличие высшего образования, значимой линейной связи не показали. Тем не менее, дополнительные тесты выявили, что эффект возраста может быть нелинейным и описываться полиномом четвертой степени, что соответствует гипотезе жизненного цикла Ф. Модильяни.

На следующем этапе был проведен корреляционно-регрессионный анализ, направленный на выявление детерминант финансовой грамотности. Ими оказались: профильное финансовое образование, уровень дохода и интерес к финансовой информации. Модель множественной линейной регрессии с категориальными фиктивными переменными показала достаточно высокую объясняющую способность ($R^2 = 0{,}52$) и подтвердила статистическую значимость всех ключевых регрессоров (по t-критерию Стьюдента) и уравнения в целом (по F-критерию Фишера) [259]. Остатки модели распределены нормально, являются независимыми, стационарными, гомоскедастичными. Иными словами, удовлетворяют всем требованиям классической нормальной линейной модели.

Таким образом, применение эконометрического инструментария позволило

эмпирически валидировать предположение о детерминирующей роли финансовой грамотности в формировании сберегательного поведения. Проведенное исследование вносит вклад в развитие поведенческой экономики, уточняя механизмы воздействия финансовых компетенций на сберегательное поведение домохозяйств в условиях изменяющейся внешней среды. Несмотря на ограниченную репрезентативность выборки, данное исследование можно рассматривать как исследование конкретного случая (кейс-стади), которое задает методологические рамки для последующих масштабных лонгитюдных исследований на региональном и национальном уровне.

3.2. Механизмы стимулирования сберегательного поведения домохозяйств: зарубежный и отечественный опыт

Реактивная модель сберегательного поведения российских домохозяйств, выявленная в результате применения эконометрического инструментария, слабо способствует формированию долгосрочных сбережений, необходимых для повышения финансовой стабильности домохозяйств и развития внутреннего инвестиционного потенциала страны.

В связи с этим особую актуальность приобретает анализ уже действующих в России и за рубежом механизмов, способствующих формированию и поддержанию сберегательного поведения. По мнению автора, такие механизмы могут быть разделены на три группы в зависимости от объекта воздействия: государства, финансово-кредитных институтов и самих домохозяйств. Далее рассмотрим каждую из групп в отдельности.

Государственная политика в области сбережений и инвестиций в России реализуется главным образом через действия Министерства финансов РФ, Банка России и Пенсионного фонда РФ. Отметим, что Банк России не является органом государственной власти, но его полномочия по своей правовой природе относятся к её функциям.

В условиях нестабильности глобальных финансовых рынков и цикличности

экономического роста государственные инструменты поддержки играют ключевую роль в стимулировании долгосрочных сбережений и инвестиций.

Одним из таких инструментов являются налоговые льготы. Фискальные стимулы, включающие вычеты на доходы от инвестиционной деятельности, широко применяются в мировой практике. Так, в США действует программа 401(k), предоставляющая налоговые льготы при формировании пенсионных накоплений, что способствует увеличению доли домохозяйств, инвестирующих в фондовый рынок. Вложения в 401(k) уменьшают налогооблагаемый доход. При этом дивиденды и прирост капитала не облагаются налогами на этапе внесения средств, налогообложение происходит только при изъятии средств после выхода на пенсию [цит. по: 154, с. 722]. В Великобритании и Канаде аналогичные налоговые стимулы применяются в рамках пенсионных планов Personal Pension Plans (PPP) и Registered Retirement Savings Plan (RRSP) соответственно [220; 221]. В Германии функционирует программа Riester Rente, которая с 2027 г. будет заменена на новую модель частного пенсионного обеспечения [205].

В некоторых странах также действуют налоговые льготы на долгосрочные инвестиции в ценные бумаги. В Великобритании используются Individual Savings Account (ISA), которые освобождают доходы от инвестиций в акции, облигации и фонды от налогообложения [219]. В Японии реализована программа Nippon Individual Savings Account (NISA), аналогичная британской ISA, которая освобождает от налогов на прирост капитала и дивиденды [229]. В Канаде существует система Tax-Free Savings Account (TFSA), позволяющая гражданам старше 18 лет накапливать инвестиционный доход с полным освобождением от налога на прибыль при изъятии средств [222]. Во Франции действует программа «План сбережений в акциях» (Le plan d'épargne en actions, PEA), предоставляющая налоговые льготы на инвестиции в компании, зарегистрированные в ЕС [270].

В России применяется несколько механизмов налогового стимулирования, направленных на увеличение доли частных инвестиций. Некоторые из них были

проанализированы в ранее опубликованной статье автора [140].

Так, с 2015 года действует система индивидуальных инвестиционных счетов (ИИС), которая предоставляет налоговые льготы для частных инвесторов. До конца 2023 года существовало два типа ИИС: первый (ИИС-тип А) позволял получить налоговый вычет в размере 13% от внесенной суммы (но не более 52 тыс. руб. в год), второй (ИИС-тип Б) освобождал доходы от инвестиций от налогообложения при условии, что средства находились на счете не менее трех лет. В 2024 году был введен ИИС-3, который дает возможность получить оба вида налоговых преференций. Денежные средства, внесенные на ИИС-3, учитываются в составе вычета на долгосрочные сбережения граждан в пределах совокупного лимита 400 тыс. руб. за налоговый период. Положительный финансовый результат до 30 млн руб. освобождается от налогообложения [2]. Кроме того, ограничения на сумму пополнений ИИС-3 отсутствуют, а минимальный срок владения счетом увеличен до 5-10 лет (в зависимости от года открытия) [140].

Важным нововведением 2024 года, направленным на привлечение «длинных» денег в экономику, стала программа долгосрочных сбережений граждан (ПДС). Её цель – обеспечить формирование индивидуальных пенсионных накоплений в добровольном порядке на условиях софинансирования со стороны государства (до 36 тыс. руб. в год в течение первых трех лет) [140]. Для участия в программе необходимо заключить договор с негосударственным пенсионным фондом и регулярно производить отчисления, которые фонд будет инвестировать. Преимущество данной программы, помимо государственного софинансирования, состоит в возможности получить налоговый вычет на взносы. При этом такие вложения считаются сравнительно безопасными: средства вкладчиков застрахованы на сумму до 2,8 млн руб. [140]. По данным Банка России, число участников ПДС на конец 2025 г. составило 9,0 млн человек [104].

В 2024 г. взносы по договорам негосударственного пенсионного обеспечения учитывались в составе социального налогового вычета с общим лимитом 150 тыс. руб.

в год. С 1 января 2025 г. взносы по договорам НПО учитываются в рамках налогового вычета на долгосрочные сбережения граждан. Данный вычет также распространяется на взносы по договорам долгосрочных сбережений и денежные средства на ИИС. Его совокупный лимит составляет 400 тыс. руб. [2].

В отношении добровольного страхования жизни действует переходный порядок. Ранее по договорам инвестиционного и накопительного страхования жизни, заключенным на срок не менее пяти лет, граждане могли получить налоговый вычет в пределах общего лимита 150 тыс. руб. в год [140]. С 1 сентября 2026 г. взносы по договорам добровольного страхования жизни будут учитываться в составе налогового вычета на долгосрочные сбережения граждан. Для взносов, уплаченных в 2025 г., предусмотрена возможность выбрать прежний социальный вычет [2].

Другим значимым инструментом являлось льготное налогообложение долгосрочных вложений в ценные бумаги. До 2023 года существовала льгота, позволяющая освободить от налогообложения доход от продажи ценных бумаг, если они находились в собственности более трех лет. Однако с 2024 года в рамках налоговой реформы этот механизм был отменен [140].

Помимо фискальной политики, важное место в формировании сберегательного и инвестиционного поведения домохозяйств занимает денежно-кредитная политика. Как отмечалось ранее, центральные банки стран, регулируя стоимость заимствований и доходность депозитных инструментов, создают макроэкономические условия, влияющие на выбор между потреблением и сбережением.

Дополнительно используются инструменты защиты сбережений, такие как механизмы страхования депозитов. Например, в странах Европейского союза действует единая система гарантирования вкладов (DGS), предусматривающая возврат до 100 тыс. евро в случае банкротства кредитной организации. В России аналогичный механизм реализуется через Агентство по страхованию вкладов, обеспечивающее защиту частных накоплений в пределах 1,4 млн руб., в особых случаях до 10 млн руб. [140]. Эти меры направлены на укрепление доверия к

банковскому сектору и снижение риска массового оттока депозитов в кризисные периоды.

В целях защиты прав вкладчиков и розничных инвесторов во многих странах применяются меры по обеспечению прозрачности финансовых рынков. В США действует закон Dodd-Frank Act (закон Додда-Франка), который ввел более строгие требования к финансовым организациям, а также защитные механизмы для розничных инвесторов [208]. В Евросоюзе действует директива MiFID II, регулирующая доступ домохозяйств к финансовым продуктам и защищающая их от мошеннических схем в сфере инвестиций [207].

В России в последние годы был значительно упрощен доступ физических лиц к фондовому рынку: брокеры предлагают удобные мобильные приложения, а Московская и Санкт-Петербургская биржи расширяют линейки доступных инструментов [112]. В целях повышения безопасности розничных инвесторов с 2023 года Банк России ввел механизм тестирования неквалифицированных инвесторов, направленный на защиту граждан от высокорисковых вложений [24].

Во многих странах также действуют государственные программы, направленные на развитие финансовой культуры. В Австралии, США и Новой Зеландии реализуется национальная стратегия финансовой грамотности (National Financial Capability Strategy), включающая образовательные инициативы для различных возрастных групп, направленные на обучение граждан основам инвестирования, рискам фондового рынка и стратегиям управления капиталом [183]. В США действует государственная программа MyMoney.gov, обеспечивающая доступ населения к информации по управлению личными финансами [257]. В Великобритании создан государственный сервис MoneyHelper, предоставляющий консультационные услуги по вопросам ведения бюджета, инвестиций и долгосрочного финансового планирования [256]. Банк России и Министерство финансов РФ реализуют программы повышения финансовой грамотности, включающие образовательные проекты в школах и университетах, а также

информационные кампании для взрослого населения [96]. Однако уровень знаний о фондовом рынке и инвестиционных инструментах среди населения в среднем по-прежнему остается недостаточным [259].

Важным вызовом для стимулирования инвестиций в России является невысокий уровень доверия к новым инструментам финансового рынка. Опыт кризисов, описанный в параграфе 2.1, заставляет граждан отдавать предпочтение традиционным видам сбережений, таким как банковские депозиты и недвижимость [49].

Эффективность государственного регулирования сбережений определяется соответствием его инструментов текущим экономическим реалиям. Современные тенденции мировой финансовой системы требуют адаптации существующих механизмов к новым вызовам, среди которых автор выделяет цифровизацию финансовых услуг и связанные с ней киберриски, геоэкономическую фрагментацию и демографическое старение населения. Кроме того, государственные программы поддержки сбережений должны учитывать потребности различных социальных групп, обеспечивать баланс между стимулированием сбережений и поддержанием платежеспособного спроса, а также создавать условия для роста финансовых активов домохозяйств.

В данном контексте формирование комплексной сберегательной политики, включающей фискальные стимулы, денежно-кредитное регулирование, гарантии сохранности сбережений и образовательные инициативы, является необходимым условием повышения финансовой устойчивости населения и долгосрочной стабильности экономической системы.

Наряду с государством определяющую роль в стимулировании сберегательного и инвестиционного поведения домохозяйств играют финансово-кредитные институты [237]. Исходя из выводов параграфа 2.2, современные тенденции развития финансового сектора демонстрируют возрастающее значение цифровых технологий в процессе формирования сбережений [65]. Развитие мобильных банковских сервисов значительно упростило управление личными финансами, обеспечив пользователям

удобные механизмы для открытия депозитов, анализа расходов и автоматического распределения средств между различными сберегательными инструментами. Использование робоэдвайзеров позволяет клиентам получать персонализированные инвестиционные стратегии, основанные на анализе их финансового поведения. Искусственный интеллект и машинное обучение позволяют банкам и финтех-компаниям адаптировать свои продукты под индивидуальные предпочтения клиентов, прогнозировать их поведенческие модели и предлагать алгоритмизированные стратегии накопления [148]. Последствия цифровой трансформации финансового сектора для сберегательного поведения домохозяйств затрагивались в параграфе 2.2 и неоднократно обсуждались в статьях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК РФ [138; 147; 148; 258].

Финансовые посредники также играют важную роль в развитии механизмов долгосрочных пенсионных накоплений. Негосударственные пенсионные фонды позволяют диверсифицировать источники доходов граждан в период после завершения трудовой деятельности, что особенно актуально в условиях увеличения продолжительности жизни и изменения демографической структуры общества [260]. Коммерческие банки являются агентами Программы долгосрочных сбережений (ПДС), о которой шла речь выше.

Вместе с тем, как отмечалось ранее в параграфе 1.3, сберегательное поведение зависит не только от внешних стимулов, но и от внутренних характеристик самих домохозяйств: когнитивных способностей, убеждений, предпочтений, ожиданий, опыта.

Современные исследования в области поведенческой экономики Д. Канемана, Р. Талера, А. Тверски доказывают, что принятие финансовых решений во многом обусловлено иррациональными установками и субъективным восприятием риска [231; 292; 286].

Одной из значимых концепций поведенческой экономики, применимой к анализу сберегательного поведения, является гиперболическое дисконтирование.

Данный феномен отражает склонность индивидов к предпочтению немедленного потребления перед долгосрочными сбережениями. Как отмечает Р. Талер, особенно отчетливо это проявляется при формировании пенсионных резервов, поскольку предполагаемые выгоды имеют отложенный характер [251]. В качестве инструмента, позволяющего частично компенсировать описанный поведенческий эффект, во многих странах применяются корпоративные пенсионные программы с автоматическим подключением работников и возможностью последующего отказа от участия [251].

Существенное влияние на поведение домохозяйств в сфере сбережений также оказывают социальные нормы. Исследования А. Лусарди и О. Митчелл подтверждают, что уровень сбережений возрастает благодаря эффекту социального сравнения, когда домохозяйства осведомлены о соответствующем поведении в своем окружении [249]. В ряде стран реализуются программы, в рамках которых гражданам предоставляется информация о средних показателях сбережений среди схожих социальных и профессиональных групп, что стимулирует их адаптацию к референтным нормам накоплений. К подобным инициативам относятся механизмы кооперативных сбережений, такие как сберегательно-кредитные группы (ROSCA), популярные в странах с менее развитой финансовой системой, а также коллективные пенсионные программы, внедренные в ряде государств Европейского союза [243; 299].

Кроме традиционных поведенческих механизмов, в последние годы все большую роль в стимулировании сбережений играют технологии геймификации. Например, в Великобритании и США реализуются программы Prize-Linked Savings, в рамках которых клиенты, регулярно пополняющие свои сберегательные счета, получают возможность выиграть денежные призы [202]. В терминологии поведенческой экономики такой подход позволяет компенсировать психологическое восприятие ограничений, связанных со сбережениями, и переводит процесс накопления в формат «положительного подкрепления» [286].

Аналогичные механизмы реализуются в мобильных банковских приложениях, которые используют игровые элементы и соревновательный фактор для формирования устойчивых финансовых привычек. Другим примером использования геймификации является «Международная биржевая игра» – проект, реализованный в результате российско-немецкого сотрудничества Международного центра научных исследований актуальных проблем финансовых рынков (МЦИФР) СПбГЭУ под руководством д.э.н., профессора Т.В. Никитиной и Союза сберегательных касс Баварии под руководством профессора Р. Фальтермайера [151]. Формат учебного тренинга, проводимого на биржевых симуляторах, позволяет студентам попробовать свои силы в биржевой торговле в режиме реального времени.

Финансово-кредитные институты также активно внедряют элементы поведенческой экономики в свои сберегательные продукты, адаптируя их под потребности различных демографических групп.

Таким образом, выше были проанализированы существующие механизмы стимулирования сбережений и их трансформации в инвестиции со стороны государства, финансово-кредитных институтов и самих домохозяйств. Вместе с тем современная экономическая среда, характеризующаяся гетерогенностью и изменчивостью потребительских предпочтений, обуславливает необходимость совершенствования существующих и внедрения новых, более гибких и инновационных инструментов долгосрочной сберегательной политики.

3.3. Перспективы развития инструментов долгосрочной сберегательной политики в России

С учетом анализа мирового опыта, а также выявленных в предыдущем параграфе ограничений действующих в России механизмов стимулирования сбережений, перспективным направлением представляется переход от фрагментарных решений к единой архитектуре долгосрочной сберегательной политики, выраженной в системе взаимодополняемых институциональных,

фискальных, технологических и поведенческих мер, которые в совокупности должны обеспечить трансформацию реактивной модели сберегательного поведения российских домохозяйств в проактивную, долгосрочную, стратегическую.

В этой связи становится актуальной задача разработки и реализации комплексной государственной сберегательной политики, непосредственно сопряженной с задачами обеспечения экономического суверенитета, устойчивого роста и формирования долгосрочного инвестиционного ресурса за счет внутренних источников. Цель такой политики состоит в создании устойчивой институциональной среды, обеспечивающей перераспределение высвобождаемых ресурсов в пользу долгосрочных приоритетов развития национальной экономики.

Разработка и реализация сберегательной политики предполагает участие широкого круга акторов, ключевую роль при этом играют:

– Министерство финансов Российской Федерации – в части разработки основных направлений бюджетной и налоговой политики;

– Банк России – как мегарегулятор, ответственный за монетарную стабильность, развитие банковской системы и финансовой инфраструктуры;

– Министерство экономического развития РФ – как координатор стратегического планирования и инвестиционного развития;

– Пенсионный фонд РФ и негосударственные пенсионные фонды в сегменте обязательных и добровольных накоплений;

– государственные и частные финансовые посредники – как инфраструктурные субъекты, обеспечивающие доступ к сберегательным инструментам.

Институциональный каркас сберегательной политики должен включать:

1. Нормативно-правовое обеспечение: стабильные и прозрачные правила функционирования сберегательных инструментов, правовые гарантии и защиту интересов вкладчиков и инвесторов;

2. Координационные механизмы межведомственного взаимодействия между Министерством финансов РФ, Банком России, институтами развития, обеспечивающие синхронизацию фискальной, денежно-кредитной и социальной политики;

3. Финансовую инфраструктуру, предоставляющую равный доступ к широкому спектру сберегательных и инвестиционных продуктов;

4. Комплекс стимулирующих инструментов, интегрирующий элементы поведенческой экономики, фискального стимулирования, цифровой финансовой инфраструктуры и учитывающий гетерогенность поведенческих характеристик домохозяйств.

Кроме того, как было отмечено в параграфе 3.1, необходимым условием эффективности сберегательной политики является макроэкономическая стабильность, выражающаяся в предсказуемости ключевых параметров: инфляции, ключевой ставки, валютного курса и занятости.

Далее рассмотрим направления совершенствования долгосрочных сберегательных инструментов, а также новые инструменты, предлагаемые автором.

1. Корпоративные пенсионные программы с автоматическим подключением

В соответствии с видением автора, одним их таких инструментов могут стать корпоративные пенсионные программы с автоматическим подключением «по умолчанию», активируемые при открытии зарплатной карты.

Теоретическую основу данного подхода составляет эффект «сохранения статуса-кво» (status quo bias), описанный в исследованиях В. Самуэльсона и Р. Зекхаузера и упомянутый в параграфе 2.2 [276]. В экономической литературе данный феномен отражает склонность индивидов сохранять текущее положение, даже если альтернативные варианты могут быть предпочтительнее. Он является частным проявлением более широкой когнитивной установки – предпочтения бездействия (omission bias), при которой активные действия, предполагающие выбор,

воспринимаются как более рискованные, чем сохранение существующего положения [271].

В контексте пенсионных накоплений это приводит к следующему: при наличии выбора между добровольным вступлением в накопительную программу (опция “opt-in”) и автоматическим подключением с возможностью отказа (опция “opt-out”), значительно большее число работников остается в системе при использовании последней.

Дополнительным стимулом сбережений в этом контексте может стать принцип “Save More Tomorrow”, разработанный Р. Талером и Ш. Бенарци, суть которого заключается в увеличении ставки пенсионного взноса пропорционально росту заработной платы [286].

Международный опыт подтверждает эффективность данных инструментов. Эмпирические исследования, в частности работа Б. Мадриан и Д. Ши, доказывают, что внедрение автоматического подключения к пенсионным планам в США привело к увеличению доли вовлеченных работников с 37% до 86% [251]. Программа KiwiSaver в Новой Зеландии, основанная на модели автоматического подключения с возможностью добровольного отказа в течение восьми недель, демонстрирует аналогичные результаты: охват превышает 75% трудоспособного населения [236].

Целесообразность применения данного подхода в России положительно оценена ПАО «Газпром нефть» (подтверждено документально).

2. Дифференциация предельного размера налогового вычета на долгосрочные сбережения в рамках статьи 219.2 НК РФ

Не менее важным элементом стимулирования долгосрочного сберегательного поведения, как отмечалось выше, является фискальная политика.

Согласно действующей редакции ст. 219.2 Налогового кодекса Российской Федерации, налогоплательщик вправе уменьшить налоговую базу по НДФЛ на сумму фактически уплаченных взносов в рамках долгосрочных сбережений [2]. К ним относятся пенсионные взносы по договорам НПО, сберегательные взносы по

договорам ПДС, а также денежные средства, внесенные на ИИС (открытый с 1 января 2024 года). Для вычета по взносам установлен единый годовой порог: в совокупности учитывается не более 400 тыс. руб. за налоговый период [2].

Автор предлагает рассмотреть возможность дифференциации предельного размера налогового вычета в зависимости от дохода налогоплательщика в связи с тем, что по мере роста дохода увеличиваются налоговые платежи и расширяется потенциальная способность налогоплательщика направлять средства в долгосрочные инструменты. На практике такая дифференциация может быть реализована за счет шкалы лимитов, соотнесенной с порогами прогрессивной ставки НДФЛ.

Данное предложение соотносится с положениями поведенческой экономики, в частности, с концепциями временных предпочтений и ограниченной самодисциплины [286]. Согласно этим концепциям, индивиды склонны систематически переоценивать краткосрочные издержки и недооценивать выгоды, возникающие в отдаленной перспективе. В подобных условиях внешние стимулы, в том числе налоговые, выполняют функцию поведенческих якорей, компенсирующих склонность к краткосрочному потреблению. Их внедрение позволяет согласовать индивидуальные предпочтения с целями государственной политики, стимулировать рост долгосрочных сбережений и создать дополнительный источник устойчивого финансирования экономики.

В то же время необходимо учитывать и потенциальные риски фискальных стимулов. Наиболее существенным из них является вероятность перераспределения налоговых выгод в пользу более обеспеченных домохозяйств. С целью нейтрализации этого эффекта возможно введение дополнительных компенсационных мер, ориентированных на домохозяйства с низкими доходами.

Реализация данного предложения возможна после количественного анализа востребованности действующего механизма налогового вычета, оценки эффекта увеличения долгосрочных сбережений и расчета выпадающих доходов бюджета.

3. Софинансирование целевых накоплений на приобретение жилой

недвижимости для молодых домохозяйств без иных льгот

В действующей практике государственная поддержка улучшения жилищных условий в основном реализуется за счет льготных ипотечных режимов («семейная ипотека», «ИТ-ипотека», «сельская ипотека» и др.) и адресных субсидий для отдельных категорий граждан (выплата до 450 тыс. руб. на погашение ипотеки многодетным семьям, социальная выплата по программе «Молодая семья» и др.).

В дополнение к указанным мерам предлагается рассмотреть возможность введения механизма софинансирования накоплений на первоначальный взнос для молодых домохозяйств, которые не имеют права на перечисленные льготы. Механизм может предусматривать перечисление участниками программы средств на отдельный целевой счет и их софинансирование государством в пределах годового лимита. Источниками финансирования выступают собственные накопления домохозяйств и ограниченные средства федерального или регионального бюджета. Ожидаемый эффект состоит в росте объема долгосрочных целевых сбережений. Реализация меры на начальном этапе возможна в формате адресного пилотного проекта в отдельных регионах.

4. Единовременные выплаты (премии) при достижении крупных накопительных целей

Наряду с описанными инструментами значимым стимулом может стать механизм единовременных выплат, предоставляемых государством или финансово-кредитными институтами при достижении домохозяйством определенных накопительных целей.

Данный инструмент сочетает в себе поведенческие и институциональные стимулы. С одной стороны, он формирует у домохозяйств дополнительную мотивацию осуществлять сбережения, так как достижение установленного целевого уровня сопровождается материальным вознаграждением. С другой стороны, позволяет государству и финансово-кредитным организациям направлять сбережения граждан в стратегически приоритетные сферы.

Международная практика подтверждает эффективность подобных мер. Например, в Канаде в рамках Registered Education Savings Plan (RESP) государство выплачивает бонусы (гранты) при накоплении средств на образование детей [221]. В Великобритании программа Help to Buy ISA предусматривала государственные доплаты при накоплении средств на первоначальный ипотечный взнос [219]. Данные примеры демонстрируют способность механизма премирования ускорять достижение финансовых целей домохозяйств.

В российском контексте внедрение единовременных выплат может быть интегрировано в существующую программу долгосрочных сбережений (ПДС). Так, при достижении определенного порога накоплений на пенсионном счете государство могло бы предоставлять дополнительную выплату, увеличивающую базу будущих пенсионных выплат.

5. Депозитный продукт «Долгосрочный банковский вклад с возможностью пополнения и премией за регулярность пополнений»

В соответствии с ФЗ №395-1 «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 года (в последней редакции), процентная ставка по банковскому вкладу определяется условиями договора. Анализ процентных ставок коммерческих банков показывает, что для вкладов свыше 1 года ставка обычно ниже, чем для краткосрочных вкладов, что снижает привлекательность долгосрочных вкладов.

Предлагается разработать специальный тип долгосрочного вклада, в котором ставка фиксируется в договоре как двухкомпонентная величина: минимальная гарантированная ставка и надбавка (премия) за соблюдение установленного графика пополнений. При этом размер надбавки определяется заранее в виде фиксированной величины (в процентных пунктах) или в виде дифференцированных условий (в зависимости от суммы и периодичности пополнений). Описанный продукт может предлагаться отдельным категориям клиентов в рамках персонализированного предложения. Практическая значимость данного предложения отмечена АО «Банк Синара» (подтверждено документально).

6. Модификация параметров Программы долгосрочных сбережений (ПДС)

Согласно ФЗ №75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 с учетом положений ФЗ №299-ФЗ от 10.07.2023 и ФЗ №555-ФЗ от 28.12.2022, программа долгосрочных сбережений предполагает заключение гражданином договора долгосрочных сбережений с НПФ, внесение личных сберегательных взносов, получение государственного софинансирования и налоговых льгот, а также последующие выплаты по истечении 15 лет действия договора или при достижении установленного возраста. При этом взносы в рамках ПДС и инвестиционный доход по ним застрахованы в объеме 2,8 млн руб.

В целях повышения привлекательности ПДС для молодежи предлагается рассмотреть возможность дифференциации условий государственного софинансирования не только по уровню дохода участника, но и по возрасту вступления в Программу. Для участников, заключающих договор в молодом возрасте, в первые годы могут действовать условия, позволяющие получить софинансирование при меньшем размере регулярных взносов. Кроме того, в целях усиления долгосрочного характера ПДС рекомендуется также дополнить возрастной критерий получения средств требованием к минимальной продолжительности участия в программе.

7. Персонализированные сберегательные стратегии, формируемые с помощью современных цифровых технологий и искусственного интеллекта

Заключительным предложением автора в области долгосрочной сберегательной политики является формирование индивидуальных сберегательных стратегий.

В российском контексте предпосылки для внедрения данного инструмента связаны с высокой степенью цифровизации банковского сектора, развитием платформенных решений и наличием больших массивов пользовательских данных. Так, на основе данных о финансовом положении, риск-профиле, целях и предпочтениях клиента, цифровой сервис (ИИ-агент) может рекомендовать сумму, периодичность пополнений и подходящий набор инструментов.

Например, для групп с высокой потребностью в ликвидности и низкой склонностью к финансовому планированию оптимальными являются продукты с регулярными промежуточными выплатами и возможностью частичного досрочного изъятия средств. Напротив, домохозяйствам с высокой степенью самоконтроля и ориентацией на долгосрочную цель можно предложить инвестиционные решения с отложенным доступом, фиксированным горизонтом удержания средств и встроенными поощрительными механизмами. При этом за клиентом должно сохраняться право изменять предложенные параметры.

Практическая значимость данной рекомендации отмечена ПАО «Сбербанк России» и АО «Банк Синара» (подтверждено документально).

8. Развитие финансовой культуры

Необходимо обратить особое внимание на то, что даже при наличии новых сберегательных инструментов, их практическое применение будет оставаться ограниченным, если домохозяйства не обладают достаточными знаниями и навыками в области долгосрочного финансового планирования, сопоставления альтернативных форм размещения средств и оценки сопряженных рисков. В этой связи важным условием стимулирования долгосрочных сбережений и их трансформации в инвестиции является развитие финансовой культуры, которое следует рассматривать как отдельное направление сберегательной политики.

С учетом того, что в рамках авторского опроса на тему финансовой грамотности наихудшие результаты показали респонденты в возрасте до 20 лет и опрошенные, образование которых никак не связано с финансами, в первую очередь требуется обратить внимание на лиц подросткового и юношеского возраста. Прежде всего, для этого следует разработать единые стандарты финансового образования для школьников с 1 по 11 класс. В начальной школе элементы финансовой грамотности могут быть интегрированы в математику, в средней – необходимо ввести отдельный обязательный предмет, в старших классах занятия могут проходить в форме факультатива или специального курса. Наряду с отдельными обязательными или

факультативными занятиями, необходимо повышать интерес школьников к финансовым вопросам в рамках существующих дисциплин. Так, например, на уроках литературы можно анализировать героев произведений сквозь призму их финансового поведения.

Следует отметить, что методика довузовского экономического образования уже была разработана к.э.н., доцентом Санкт-Петербургского государственного экономического университета В.В. Амосовой, однако в настоящий момент она применяется лишь в нескольких школах Санкт-Петербурга.

Таким образом, выше были сформулированы авторские рекомендации по стимулированию долгосрочного сберегательного поведения домохозяйств. В краткой форме они представлены в Приложении Е. Завершая раздел, целесообразно обосновать, как предложенные рекомендации коррелируют с результатами эконометрического анализа, проведенного в параграфе 3.1.

В построенной эконометрической модели доминирующее влияние на уровень сбережений оказывают два макроэкономических фактора: ключевая ставка и наличие кризисных событий. Повышение ставки коррелирует с ростом сбережений. Аналогично, фиктивные переменные, отражающие периоды экономической нестабильности, вызывают рост сбережений, что указывает на преобладание проциклической модели и мотива предосторожности. Предложенные автором рекомендации направлены на снижение чувствительности сберегательного поведения к экзогенным факторам, их можно рассматривать как корректирующие механизмы выявленных в модели зависимостей.

В совокупности предложенные меры формируют концептуальные основы для совершенствования сберегательной политики, ориентированной на переход от реактивной модели сберегательного поведения домохозяйств, подверженной влиянию кризисов и колебаний ключевой ставки, к устойчивой, проактивной модели. В рамках этой парадигмы сбережения становятся не следствием внешних импульсов, а результатом внутренне заданной системы норм и стимулов.

Выводы по главе 3

Главные результаты, полученные автором в рамках 3 главы, состоят в следующем:

1. Проведен эконометрический анализ официальных статистических данных, на основании которого определено, что в условиях российской экономики сбережения домохозяйств демонстрируют значительную проциклическую чувствительность к изменениям ключевой ставки и наступлению кризисных периодов. Повышение ключевой ставки на 1 п.п. приводит к увеличению среднегодовых ежемесячных сбережений на одного члена домохозяйств в сопоставимых ценах на 6%, при прочих неизменных факторах, а кризисные периоды приводят к росту сбережений на 56%, при прочих неизменных факторах. Сделан вывод о доминировании реактивной модели сберегательного поведения российских домохозяйств. Рассчитаны прогнозные значения объема сбережений на 2026-2028 гг.

2. Разработан и проведен опрос, обеспечивающий сбор данных для количественной оценки влияния поведенческих факторов на сберегательное поведение домохозяйств. Произведена оценка уровня финансовой грамотности респондентов. На основании регрессионного анализа данных опроса установлено, что уровень финансовой грамотности выступает статистически значимым предиктором наличия сбережений у российских домохозяйств. Данный вывод дополняет существующие поведенческие модели сберегательного поведения и обуславливает необходимость развития финансовой культуры в качестве одной из важнейших предпосылок для формирования долгосрочных сбережений.

3. Сформулированы практические рекомендации по совершенствованию политики стимулирования сбережений, интегрирующие элементы поведенческой экономики, фискального стимулирования, цифровой финансовой инфраструктуры. Их применение позволит сформировать условия для перехода от реактивной к устойчивой модели сберегательного поведения, обеспечивающей развитие национальной экономики.

Заключение

В рамках проведенного исследования автором осуществлен комплексный анализ сберегательного поведения домохозяйств в условиях изменяющейся внешней среды, который позволил достичь следующих результатов:

1. Определена роль домохозяйств в системе современных экономических отношений как уникальных экономических агентов, выступающих в качестве производителей и потребителей, носителей человеческого капитала, а также субъектов принятия финансовых решений. Выявлены ключевые функции финансов домохозяйств: распределительная, регулирующая, контрольная, инвестиционная, ресурсообразующая, воспроизводственная, консолидирующая. Обоснована необходимость выделения социальной функции, выражающейся в поддержании уровня жизни, заботе о нетрудоспособных членах домохозяйства, перераспределении ресурсов между поколениями.

2. Уточнен и дополнен понятийно-категориальный аппарат, лежащий в основе анализа сберегательного поведения домохозяйств. В частности, сформулировано определение финансового поведения домохозяйств как совокупности широкого спектра потребительских, сберегательных, инвестиционных, кредитных, страховых решений, стратегий и действий, которые принимают члены домохозяйства в процессе управления финансовыми ресурсами с целью достижения личных и общих финансовых целей и удовлетворения материальных потребностей. Предложено авторское определение сберегательного поведения домохозяйств как динамического комплекса адаптивных межвременных решений и действий, направленных на перераспределение располагаемого дохода между текущим и будущим потреблением посредством выбора объема, структуры (инструментов), периодичности и временного горизонта сбережений в целях поддержания благосостояния, исполнения будущих обязательств, достижения долгосрочных финансовых целей (в том числе обеспечения после выхода на пенсию по старости) и реагирования на неопределенность внешней среды.

3. Представлена эволюция научных подходов к анализу сбережений: от классических и неоклассических моделей к современным институциональным и поведенческим концепциям. Проведен критический анализ эмпирической недостаточности теоретических моделей в условиях изменяющейся внешней среды. Сделан вывод о том, что они не в полной мере описывают современное сберегательное поведение домохозяйств.

4. Расширена типология мотивов сбережения, обосновано выделение целевого (ориентированного на реализацию конкретных финансовых целей) и репутационного (связанного с социальным капиталом) мотивов.

5. Определены факторы сберегательного поведения домохозяйств. Предложена авторская типология, учитывающая пять классификационных признаков: содержание, уровень формирования, отношение к домохозяйству, характер восприятия и темпоральность влияния. Данная типология обеспечивает системный подход к исследованию детерминант сберегательного поведения и может служить основой для построения комплексных эконометрических моделей.

6. На основании историко-экономического анализа реконструирована траектория сберегательного поведения российских домохозяйств, выделены ключевые этапы эволюции начиная с советского периода. Установлено, что, несмотря на институциональные изменения и формальное расширение спектра финансовых инструментов, на современном этапе поведенческие паттерны сохраняют преемственность и характеризуются высокой реактивностью, особенно в периоды кризисов, отличаясь чувствительностью к денежно-кредитной политике.

7. Дано определение внешней среды как совокупности экзогенных по отношению к домохозяйству факторов социокультурного, институционального, макроэкономического, а также глобального характера, детерминирующих условия принятия финансовых решений в целом и сберегательных в частности. Расширен теоретико-методический подход к анализу её влияния на сберегательное поведение домохозяйств, отличающийся выделением глобальных трансформационных

процессов в экономике (цифровизации, финансовой глобализации и геоэкономической фрагментации, демографического старения населения) и экзогенных шоков (пандемии COVID-19 и западных санкций). Отмечено, что последние десятилетия характеризуются высокой степенью неопределенности, препятствующей формированию долгосрочных сбережений.

8. На основе анализа официальных статистических данных выявлены ключевые тенденции сберегательного поведения домохозяйств на современном этапе. Показано, что периоды макроэкономической нестабильности (2015, 2020, 2022 гг.) сопровождаются сокращением расходов и ростом накоплений в ликвидной форме. Установлено, что сберегательный потенциал российских домохозяйств раскрыт не полностью: сбережения домохозяйств в России поддерживают депозитную базу банков, но при этом ограниченно способствуют развитию долгосрочного инвестирования.

9. Произведена количественная оценка чувствительности сбережений российских домохозяйств к изменению параметров денежно-кредитной политики и шокам внешней среды, рассчитаны прогнозные значения объема сбережений. Проанализировано влияние ключевой ставки на структуру финансовых активов домохозяйств. Разработанные автором эконометрические модели могут быть использованы мегарегулятором при планировании денежно-кредитной политики и оценке её последствий для сберегательного поведения домохозяйств.

10. В рамках эмпирического исследования подтверждена статистическая значимость уровня финансовой грамотности как предиктора наличия сбережений. В отличие от моделей, предполагающих определяющую роль дохода, автор показывает, что глубокое понимание механизмов функционирования финансовых рынков повышает вероятность формирования сбережений даже при ограниченных финансовых ресурсах.

11. Предложен комплексный подход к формированию долгосрочной сберегательной политики, включающий фискальные и поведенческие стимулы.

Данный подход предполагает использование таких инструментов, как корпоративные пенсионные программы с автоматическим подключением; дифференциация предельного размера налогового вычета на долгосрочные сбережения; софинансирование целевых накоплений на приобретение жилой недвижимости; модификация параметров ПДС в целях привлечения молодежи; депозитный продукт с премией за регулярность пополнений; персонализированные сберегательные стратегии, формируемые с помощью современных цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Результаты, полученные автором, формируют основу для дальнейших исследований и прикладных решений в области разработки эффективной сберегательной политики, ориентированной на повышение финансовой устойчивости сектора домашних хозяйств и сбалансированное развитие национальной экономики.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.04.2025)

2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 №117-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 30.03.2026)

3. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 20.04.2025)

4. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 №395-1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 20.04.2025)

5. Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 №75-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18626/ (дата обращения: 20.04.2025)

6. Федеральный закон «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» от 23.12.2003 №177-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 20.04.2025)

7. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 №156-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237/ (дата обращения:

20.04.2025)

8. Федеральный закон «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» от 24.07.2002 №111-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/ (дата обращения: 20.04.2025)

9. Федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 20.04.2025)

10. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 № 41-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/ (дата обращения: 20.04.2025)

11. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 10.07.2023 № 299-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451696/ (дата обращения: 20.04.2025)

12. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.12.2023 № 600-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464782/ (дата обращения: 20.04.2025)

13. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 25.12.2023 № 631-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465422/ (дата обращения:

20.04.2025)

14. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 20.04.2025)

15. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (посл. ред.) от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 20.04.2025)

16. Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 №2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годы» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278903/ (дата обращения: 20.04.2025)

17. Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 №2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460597/ (дата обращения: 20.04.2025)

18. Аликперова, Н.В. Микроэкономика личности и её роль в формировании финансово грамотного поведения / Н.В. Аликперова // Народонаселение, 2022. Т. 25. № 1. – С. 18-28.

19. Аликперова, Н.В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект 3Д / Н.В. Аликперова // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. – С. 165-175.

20. Аньшин, Д.В. Исторические этапы эволюции государственного

регулирования банковской деятельности в СССР: 1920-е - начало 1930-х годов / Д.В. Аньшин // Genesis: исторические исследования, №5, 2022. – С. 56-72.

21. Баланс доходов и расходов населения // Росстат [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 15.05.2025)

22. Баликоев, В. З. Оценка сберегательного потенциала домашних хозяйств Сибирского федерального округа / В. З. Баликоев, И. В. Маратканова, Ю. Г. Швецов. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2022. – 207 с. – ISBN 978-5-7014-1067-9.

23. Баликоев, В.З. Финансовая грамотность населения как фактор эффективности национальной экономики / В.З. Баликоев // Вестник НГУЭУ, №1, 2020. – С. 91-103.

24. Банк России. Банк России утвердил порядок тестирования неквалифицированных инвесторов [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/press/event/?id=11144 (дата обращения: 15.05.2024)

25. Банк России. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-po-potrebitel-skim-finansam/ (дата обращения: 15.04.2025)

26. Банк России. Динамические ряды основных показателей деятельности брокеров [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/rcb/broker_stat/ (дата обращения: 10.09.2025)

27. Банк России. Макроэкономический опрос [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 30.03.2026)

28. Банк России. Ключевая ставка [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/hd_base/keyrate/ (дата обращения: 20.08.2025)

29. Банк России. Обзор ключевых показателей негосударственных пенсионных фондов [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/rsci/activity_npf/rewiew_npf/ (дата обращения: 20.04.2025)

30. Банк России. О проектном финансировании строительства жилья в 1 квартале 2025 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55905/pf_2025_Q1.pdf (дата обращения: 20.06.2025)

31. Банк России. Финансовые активы и обязательства домашних хозяйств по отдельным финансовым инструментам [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/households/pkshouse2022/ (дата обращения: 07.09.2025)

32. Белехова, Г. В. Финансовая грамотность населения / Г.В. Белехова // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. №26. – С. 231-237.

33. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва: Academia, 1999. — CLXX, 783, [3] с.: ил., портр.: 21 см.; ISBN 5-87444-070-4.

34. Белоглазова, Г. Н. Глава 1. Банковский бизнес в эпоху глобализации / Г. Н. Белоглазова // Влияние финансовой глобализации на национальную кредитно-банковскую систему: Коллективная монография. – Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая организация высшего профессионального образования «Международный банковский институт», 2010. – С. 4-19.

35. Белозеров, С. А. Повышение финансовой грамотности населения как фактор развития национального финансового рынка (опыт Санкт-Петербургского государственного университета) / С. А. Белозеров, Е. В. Соколовская // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 3-1(141). – С. 144-149.

36. Белозеров, С. А. Сбережения домашних хозяйств: сущность, функции, организационные формы / С.А. Белозеров // Экономика и управление. 2013. №4 (90). – С. 55-61.

37. Белозеров, С. А. Сущность и функции финансов домашнего хозяйства / С.А. Белозеров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика, №3, 2006.

– С. 30-40.

38. Белозеров, С. А. Финансы домашнего хозяйства: инвестиционный аспект / С.А. Белозеров. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. - 194 с.

39. Белозеров, С. А. Финансы домашних хозяйств как элемент финансовой системы / С.А. Белозеров // Финансы и кредит. 2008. №1 (289). – С. 29-37.

40. Бессонова, Е. Демография и сбережения: исследование на основе данных опроса российских домохозяйств // Е. Бессонова, И. Денисова, Н. Иванова, А. Москалева [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/ec_research/ser/wp_135/ (дата обращения: 02.01.2025)

41. Богомолов, Е. В. Особенности финансового поведения российских домохозяйств / Е.В. Богомолов // Экономика. Налоги. Право. 2020. №1. – С. 49-59

42. Богомолова, Т. Ю. Финансовое поведение домохозяйств в России в середине 90-х годов / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // ЭНСР. 1998. №4. – С. 58-69.

43. Болдырева, Л.В. Финансовая система России: макроэкономический и региональный аспекты / Л.В. Болдырева, Л.Л. Игонина // М.: Русайнс, 2020 – 166 с.

44. Бураншина, Н. А. Человеческий капитал в современных междисциплинарных исследованиях / Н. А. Бураншина // Креативная экономика. – 2011. – Т. 5, № 10. – С. 74-79.

45. Быховский, К. Б. Топ-10 цифровых технологий в финансовом секторе / К. Б. Быховский, Ю.Я. Дранев // Высшая школа экономики [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/536263102.pdf (дата обращения: 01.05.2024)

46. Влияние пандемии на развитие финансового рынка: российский и международный опыт / А. В. Агеев, Н. В. Байдукова, Я. В. Богомолов [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – 107 с. – ISBN 978-5-7310-5596-3.

47. Гаджиев, Ю. Г. Этапы становления и развития рынка ценных бумаг в России / Ю.Г. Гаджиев // Экономика и социум, no. 2-1 (11), 2014, С. 1026-1031.

48. Годовой отчет Банка России // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cbr.ru/about_br/publ/god/ (дата обращения: 01.05.2024)

49. Гондик, Н. Ю. Финансовое поведение населения: теоретические аспекты / Н.Ю. Гондик // Master's Journal. 2014. № 1. С. 330–333

50. Горшкова, Н. В. Сберегательное поведение российских домохозяйств / Н.В. Горшкова, М.М. Гузев, Е.В. Логинова, Ю.К. Хижняк // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 12-2, 2023. С. 225-231.

51. Денежно-кредитная и финансовая статистика // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/ (дата обращения: 15.04.2024)

52. Динамика финансовой активности населения России 2000-2007. Аналитический доклад. МФАН, Москва, 2007, 73 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.zircon.ru/upload/iblock/e86/071031.pdf (дата обращения: 25.08.2025)

53. Добрынин, А. И., Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования // А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. – СПб.: Наука, 1999. 312 с.

54. Доля пользователей мобильным банком выросла до 70% / НАФИ [Электронный ресурс] – URL: https://nafi.ru/analytics/dolya-polzovateley-mobilnym-bankom-vyrosla-do-70/ (дата обращения: 01.05.2024)

55. Дубова, С. Е. Границы финансовой инклюзивности в контексте теории финансового развития / М. А. Абрамова, С. Е. Дубова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 3-1(141). – С. 13-17.

56. Дубова, С. Е. Инфраструктура обеспечения финансовой доступности / С. Е. Дубова, И. В. Балалаев // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 9. – С. 38-43.

57. Дубова, С. Е. Пандемия COVID-19 и экономические санкции: оценка их влияния на банковский сектор России как событий, провоцирующих кризисные

явления / С. Е. Дубова, И. П. Легкий // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 7. – С. 12-17.

58. Дубова, С. Е. Факторы финансовой инклюзивности в контексте теории финансового развития / С. Е. Дубова // Банковские услуги. – 2022. – № 8. – С. 25-30. – DOI 10.36992/2075-1915_2022_8_25.

59. Дятлов, С. А. Механизмы взаимодействия государства и рынка в условиях глобальной нестабильности / С.А. Дятлов, Д.Ю. Миропольский, В.А. Плотников // Известия СПбГЭУ, №2 (92), 2015. С. 142-146.

60. Дятлов, С. А. Теория человеческого капитала / С. А. Дятлов // Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 1996. – 141 с.

61. Дятлов, С. А. Факторы формирования инфраструктуры глобальной цифровой экономики / С. А. Дятлов, Г. Ф. Фейгин // Философия хозяйства. – 2018. – № 5(119). – С. 66-79.

62. Екшембиев, Р. С. Персональные финансы в финансовой системе государства / под ред. проф. В. А. Слепова. - М.: Магистр, 2008. - 302 с.

63. Желтоносов, В. М. Становление паевых инвестиционных фондов в России / В.М. Желтоносов, В.В. Филатова // Дайджест-финансы. 2004. №4 (112). С. 13-20.

64. Жмурко, И. М. Правовое регулирование оборота облигаций государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года / И. М. Жмурко // Право и государство: теория и практика, no. 6 (162), 2018 – С. 55-58.

65. Зайцева, И. Г. Цифровизация как фактор развития рынка розничных банковских услуг / И. Г. Зайцева, Е. Ю. Слепенчук // Цифровая экономика и финансы: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–15 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2024. – С. 540-544.

66. Земцов, А. А. Финансы домохозяйства / А.А. Земцов, Т.Ю. Осипова // Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 334 с.

67. Зотова, А. И., Компаративистский подход к исследованию финансового поведения домохозяйств / А.И. Зотова, И.Г. Давыденко // Пространство экономики. 2012. №1-2. – С. 58-61.

68. Карраск, М. А. Государственные сберегательные кассы в СССР в период 1917–1940 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, №11, 2012, С. 107-112.

69. Комар, Ю. И. Глобализация и культура (реферативный обзор) // Глобализация и афро-азиатский мир. Методология и теория, 2008 – С. 108-132.

70. Корищенко, К. Н. Структура и основные виды механизма денежной трансмиссии // Финансы и бизнес, №3, 2005. – С. 5-21.

71. Кротов, Н. И. История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Свидетельства очевидцев. Документы. Книга 1: Спецбанки. – Москва: Экономическая летопись, 2008. – 632 с.

72. Кузина, О. Е. Стратегии финансового поведения россиян: понятие, динамика, факторы / О. Е. Кузина, Д. В. Моисеева // Вопросы экономики. – 2021. – № 10. – С. 71-88.

73. Кузина, О. Е. Финансовая грамотность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, №4 (92), 2009. – С. 157-177.

74. Кузина, О. Е. Финансовая грамотность россиян: взаимосвязь с социально-демографическими и психологическими характеристиками / О. Е. Кузина, А. Я. Абдураманов, Д. В. Моисеева // Вопросы экономики. – 2024. – № 9. – С. 107-137.

75. Кузина, О. Е. Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи / О. Е. Кузина, А. Я. Абдураманов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 6(190). – С. 71-97.

76. Кузина, О. Е. Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения // Психология. Журнал ВШЭ. 2004. №3. – С. 83-105.

77. Лаптева, Е. В. Финансовая пирамида: феномен и исторические прецеденты // Актуальные проблемы российского права, №12 (73), 2016. – С. 25-31.

78. Липунова, Л. В. История эволюции российской банковской системы. Экономика и социум, №1-2 (10), 2014. – С. 149-152.

79. Литвин, В. В. «Длинные деньги» как источник устойчивого социально-экономического развития России / В. В. Литвин // Дискуссия. – 2024. – № 10(131). – С. 188-194.

80. Литвин, В. В. Доверие на финансовом рынке и стабильность Российского банковского сектора: механизм взаимовлияния / В. В. Литвин // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 6. – С. 102-111.

81. Литвин, В. В. Долгосрочные сбережения как источник инвестирования и устойчивого экономического роста / В. В. Литвин // Банковские услуги. – 2025. – № 12. – С. 10-20.

82. Литвин, В. В. Роль негосударственных пенсионных фондов в формировании инвестиционного потенциала национальной экономики и повышении благосостояния российских граждан / В. В. Литвин // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 5-1. – С. 518-535.

83. Литвин, В. В. Роль финансовых институтов в аккумулировании сбережений населения в условиях недостатка долгосрочных инвестиций / В. В. Литвин, Н. А. Ковалева // Банковское дело. – 2026. – № 1. – С. 6-15.

84. Литвин, В. В. Программа долгосрочных сбережений в механизме создания и приумножения длинных денег в российской экономике: результаты, проблемы и перспективы / О. А. Полякова, В. В. Литвин, А. С. Ложечко // Экономическое развитие России. – 2025. – Т. 32, № 11. – С. 295-299.

85. Мгерян, М. А. Домашнее хозяйство: страхование финансовых рисков как основной способ их минимизации // Финансовая аналитика: проблемы и решения, №43 (325), 2016, pp. 18-26.

86. Мгерян, М. А. Классификация финансовых рисков домохозяйств //

Дайджест-финансы. 2016. №3 (239). С. 49-60.

87. Миэринь, Л. А. Трансформационные процессы мирового и национального развития: взгляд современной политэкономии / Л. А. Миэринь // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6(138). – С. 22-29.

88. Мустафаева, З. А. Трансформация сферы услуг в постиндустриальном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, (3), 2007. – С. 66-73.

89. Назад в 1990-е: какие квартиры можно купить по цене машины // РБК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rbcrealty.ru/news/65d13da89a7947a9a1ce2f12 (дата обращения: 25.08.2025)

90. Никитина, Т. В. Влияние санкций на деятельность финансовых институтов в Российской Федерации в 2022 году / Т.В. Никитина, М.П. Скалабан // Сборник трудов II Национальной научно-практической конференции «Финсайдер 2023: финансовый рынок – новые грани возможного» (20 апреля 2023 г.) - Изд-во СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 2023 – С. 55-59.

91. Никитина, Т. В. Глобальные тенденции реформирования пенсионных систем / Т.В. Никитина, М.П. Скалабан // Архитектура финансов: вызовы новой реальности: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Под научной редакцией И.А. Максимцева, Е.А. Горбашко, В.Г. Шубаевой. Изд-во СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 2021. – С. 446-450.

92. Никитина, Т. В. Обзор зарубежных и отечественных исследований финансовой грамотности населения / Т.В. Никитина, М.П. Скалабан // Epomen. Global. 2022 №27. – С. 45-59.

93. Никитина, Т. В. Сберегательное поведение населения России в условиях экономической нестабильности / Т.В. Никитина, М.П. Скалабан // Epomen. Global. 2022, №25. – С. 12-34.

94. Никитина, Т. В. Сберегательно-инвестиционные стратегии домохозяйств

в трансформационной экономике / Т.В. Никитина, М.П. Скалабан // Финансовый рынок в условиях структурной трансформации экономики / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.Ю. Яновой, д-ра экон. наук, проф. Е.М. Поповой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 112-118.

95. Никитина, Т. В. Теория и методология банковского надзора в условиях финансовой глобализации: специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.14 «Мировая экономика»: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 409 с.

96. Никитина, Т. В. Финансовая грамотность и ее детерминанты / Т.В. Никитина, В.С. Дембинскайте, М.П. Скалабан // Известия СПбГЭУ 2020. № 5 (125). – С. 78-83.

97. Никитина, Т. В. Формирование сберегательных стратегий населения России в условиях финансовой нестабильности / Т. В. Никитина, Г. Ф. Фейгин, А. В. Репета-Турсунова // Финансы и бизнес. – 2015. – № 3. – С. 39-54.

98. Никитина, Т. В. Цифровая трансформация рынка финансовых услуг / Т.В. Никитина, М.П. Скалабан // Архитектура финансов: трансформация в условиях новой многополярности: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 10-13 апреля 2024 года / под науч. ред И.А. Максимцева, Е.А. Горбашко, О.А. Онуфриевой – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024 – С. 159-161.

99. НИУ ВШЭ. Проект «Экономическое поведение домашних хозяйств» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.hse.ru/hheb/barometer/2024 (дата обращения: 15.05.2025)

100. НИУ ВШЭ. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.hse.ru/rlms/#rlms (дата обращения: 20.04.2025)

101. Нугуманова, Л. Ф. Факторный анализ сберегательного поведения домашних хозяйств // ВЭПС. 2010. №4. С.29-33.

102. О развитии банковского сектора Российской Федерации в феврале 2022 года // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/40887/razv_bs_22_02.pdf (дата обращения: 15.04.2023)

103. Обзор ключевых показателей брокеров // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59712/review_broker_Q4_2025.pdf (дата обращения: 30.03.2026)

104. Обзор ключевых показателей негосударственных пенсионных фондов // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/60942/review_npf_25Q4.pdf (дата обращения: 30.03.2026)

105. Обзор ключевых показателей управляющих компаний // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59736/rewiew_uk_25Q4.pdf (дата обращения: 30.03.2026)

106. Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/ (дата обращения: 15.04.2023)

107. Обзор российского финансового сектора и финансовых инструментов // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43892/overview_2022.pdf (дата обращения: 15.04.2024)

108. Обзор финансовой стабильности за 2-3 кварталы 2020 года [Электронный ресурс] // Банк России. – Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31582/OFS_20-2.pdf (дата обращения: 01.05.2024)

109. Объем привлеченных вкладов // Банк России [Электронный ресурс] –

Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/bank_system/4-2-1a_18/ (дата обращения: 15.08.2025)

110. Орлова, О. Ю. Управление сбережениями в цифровой среде: от финансовой культуры к культуре финансовой безопасности // Банковские услуги, №3, 2025. – С. 29-37.

111. Осипов, А. В. Долговая детерминанта потребительской активности домохозяйств. Концепт, no. 7, 2017. – С. 60-66.

112. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации / Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения: 15.05.2025)

113. Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации. Президент призвал стимулировать приток в экономику долгосрочных сбережений [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.pnp.ru/politics/prezident-prizval-stimulirovat-pritok-v-ekonomiku-dolgosrochnykh-sberezheniy.html (дата обращения: 15.05.2025)

114. Переломный год для российской финансовой системы: итоги // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/perelomnyy-god-dlya-rossiyskoy-finansovoy-sistemy-itogi/ (дата обращения: 20.04.2024)

115. Петрикова, Е. М. Методический комплекс по теме «Финансы домашних хозяйств». М: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, 2015 – 47 с.

116. Плотников, В. А. Глобальные политико-экономические трансформации и изменения финансовых систем / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2025. – № 3(153). – С. 68-72.

117. Плотников, В. А. Развитие национальных экономических систем в условиях трансформации процессов глобализации и регионализации / В. А. Плотников, С. Н. Пшеничникова, В. А. Федотов // Известия Юго-Западного

государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 10-24.

118. Полищук, А. И. Распад денежно-кредитной системы СССР: двадцать лет спустя. Финансы и кредит, no. 47 (575), 2013. – С. 29-40.

119. Попова, Е. М. Актуальные тенденции на рынке коллективного инвестирования в сегменте паевых инвестиционных фондов / Е.М. Попова, Ю.Б. Максименко // Известия СПбГЭУ, №3-1 (141), 2023. С. 34-39.

120. Попова, Е. М. Банки и финансовые рынки - вызовы времени и новые возможности / Е. М. Попова, И. Г. Зайцева // Финансы, деньги, инвестиции. – 2017. – № 2(62). – С. 36-39.

121. Попова, Е. М. Перспективы развития паевых инвестиционных фондов в условиях меняющейся внешней среды / Е. М. Попова, Ю. Б. Максименко // Банковские услуги. – 2022. – № 11. – С. 22-27.

122. Попова, Т. А. Взаимосвязь образования и финансового поведения / Т. А. Попова, А. В. Ломоносов // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3-2. – С. 252-274.

123. Попова, Т. А. Влияние среднедушевых доходов на норму сбережений домохозяйств в Российской Федерации / Т. А. Попова // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 9. – С. 110-113.

124. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 17 января 2024 г. N 11 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений Комплексного наблюдения условий жизни населения» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408358225/ (дата обращения: 20.04.2024)

125. Примаченко, С. В. Опыт использования государственных ценных бумаг для финансирования бюджетных расходов в советский период / С.В. Примаченко, А.М. Хакова, В.В. Хамалинская // E-Scio, no. 5 (32), 2019. – С. 286-301.

126. Противоречия цифровизации / Эконс [Электронный ресурс] – URL: https://econs.online/articles/finansy/protivorechiya-tsifrovizatsii/ (дата обращения:

01.05.2024)

127. Радковская, Н. П. Российский финансовый рынок: институциональные особенности инфраструктуры в современных экономических условиях / Н. П. Радковская, Е. Н. Клочкова, Ю. Н. Львова // Финсайдер 2024: финансовый рынок и современная экономическая политика : Сборник материалов III Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–16 мая 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 34-40.

128. Радковская, Н. П. Цифровая трансформация российского финансового рынка как ключевая стратегия в постковидный период / Н. П. Радковская, Е. Н. Клочкова, Ю. Н. Львова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 3(129). – С. 48-53.

129. Регулирование стабильной финансовой среды: современные тренды и подходы / С. А. Абрамян, С. Б. Богоявленский, Я. В. Богомолов [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 175 с. – ISBN 978-5-7310-6438-5.

130. Российская экономика в условиях международных ограничений: ускоренная адаптация и перспективы развития / Е. А. Боркова, Л. В. Ватлина, М. А. Еловская [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 163 с. – ISBN 978-5-7310-6927-4.

131. Рубцов, Е. Г. Финансовая грамотность населения как элемент финансового поведения // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 3-2. – С. 255-256.

132. Рыжкова, М. В. Когнитивные искажения в поведении непрофессионального инвестора / М.В. Рыжкова, Э.Р. Кашапова, А.М. Дибров, А.Е. Костромина // Общественные науки и современность, 2023. №6. С-134-148.

133. Рызванова, А. Л. Денежная реформа 1991 года. Экономика и социум, no. 4 (35), 2017, С. 1175-1178.

134. Сабетова, Т. В. Пути повышения сберегательного потенциала домохозяйств в России / Т. В. Сабетова // Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление : Материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений, Воронеж, 23 мая 2019 года / Редакционная коллегия: А.А. Федченко, О.А. Колесникова. – Воронеж: Издательство Истоки, 2019. – С. 257-262.

135. Сабетова, Т. В. Финансовое поведение домохозяйств в современной России / Т. В. Сабетова // Управление инновационно-инвестиционной деятельностью: к 80-летнему юбилею профессора Юрия Петровича Анисимова : сборник материалов Всероссийской юбилейной научно-практической конференции, Воронеж, 21–23 мая 2019 года / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». Том Часть 1. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2019. – С. 127-131.

136. Семеко, Г. В. Финансовая грамотность в России: проблемы и пути их решения. Экономические и социальные проблемы России. – 2019 – №1. – С. 70-98.

137. Скалабан, М. П. Анализ методических подходов к оценке уровня финансовой грамотности населения // Наука и образование в условиях цифровой трансформации экономики и общества: Сборник лучших докладов X Национальной научно-практической конференция института магистратуры с международным участием. Издательство: Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург), Санкт-Петербург, 2021. – С. 255-259.

138. Скалабан, М. П. Влияние цифровизации банковского сектора на сберегательное поведение населения // Интеграционные процессы в науке, образовании и бизнесе: опыт и перспективы развития (к 300-летию с даты основания российской академии наук) – С. 23-27.

139. Скалабан, М. П. Оценка уровня финансовой грамотности населения по результатам опроса // XI Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: сборник научных трудов (Казань, 24–25 ноября 2022 г.) – Казань: Издательство Казанского университета, 2022 – С. 41-45.

140. Скалабан, М. П. Развитие инструментов долгосрочных сбережений и инвестиций для граждан. Сборник научных трудов материалов XI международной научно-практической конференции молодых ученых «Научные исследования молодых ученых: современные вызовы и тенденции развития российской науки» под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Е.А. Горбашко - СПб: Издательство СПбГЭУ, 2024. – С. 25-30.

141. Скалабан, М. П. Роль домохозяйств в системе экономических отношений // Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2022. – С. 13-15.

142. Скалабан, М. П. Сберегательно-инвестиционное поведение домохозяйств в условиях санкций // Повышение конкурентоспособности отечественной науки: развитие в условиях мировой нестабильности: материалы научной конференции аспирантов СПбГЭУ. Санкт-Петербург, 18 мая 2023 г. / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Е.А. Горбашко; редкол.: А.Г. Бездудная [и др.]. – СПб.: - Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 222-225.

143. Скалабан, М. П. Сберегательно-инвестиционное поведение населения и влияющие на него факторы // Архитектура финансов: устойчивое развитие и ответственное финансирование в эпоху глобальных изменений. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. - СПбГЭУ. Санкт-Петербург, 2022. – С. 432-435.

144. Скалабан, М. П. Способы минимизации финансовых рисков домохозяйств // В сборнике: Наука и просвещение: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2022. - С. 76-79.

145. Скалабан, М. П. Сущность и классификация финансовых рисков домохозяйств Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей LVIII Международной научно-

практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2022. – С. 139-142.

146. Скалабан, М. П. Типологизация и классификация факторов сберегательного поведения домохозяйств / М.П. Скалабан // Экономика и предпринимательство, №2 (187), 2026. – С. 173-176.

147. Скалабан, М. П. Финансовое поведение населения в условиях цифровизации рынка финансовых услуг // Известия СПбГЭУ, № 5 (143). – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 203-209.

148. Скалабан, М. П. Цифровизация финансового сектора как фактор трансформации сберегательного и инвестиционного поведения домохозяйств // Известия СПбГЭУ, №2 (152) – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. – С. 160-164.

149. Скалабан, М. П. Эволюция экономических теорий сберегательного поведения домохозяйств // Известия СПбГЭУ, №4 (148) – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. С. 179-186.

150. Слепов, В. А. Персональные финансы / В.А. Слепов, Р.С. Екшембиев // Финансы и кредит, №40 (280), 2007. – С. 2-7.

151. СПбГЭУ. Образовательный проект «Международная биржевая игра» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://unecon.ru/mezhdunarodnye-svyazi/mcifr/obrazovatelnyy-proekt-birzhevaya-igra/ (дата обращения: 20.05.2025)

152. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.12.2012 г. № 2524-р). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://base.garant.ru/70290226/#block_15 (дата обращения 05.05.2025).

153. Структурный дефицит/профицит ликвидности банковского сектора // Банк России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cbr.ru/hd_base/bliquidity/ (дата обращения: 20.04.2023)

154. Суслякова, О. Н. Долгосрочные инструменты формирования пенсионных накоплений граждан: зарубежный и отечественный опыт / О.Н. Суслякова, Л.Д.

Сангинова // Вестник Академии знаний, no. 3 (68), 2025. С. 720-726.

155. Сушко, Е. Ю. Финансовое поведение населения и его детерминанты Финансы и кредит, vol. 23, №12 (732), 2017. – С. 670-682.

156. Таблицы инфляции [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 25.05.2025)

157. Твердюкова, Е. Д. Добровольные займы в Советском союзе [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/finansovaya-udavka-dobrovolnye-zajmy-v-sssr.html (дата обращения: 25.08.2024)

158. Трансформация экономики России в 90-е годы и ее влияние на пенсионную систему // ВНИИ труда Минтруда России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vcot.info/blog/depopulacia-v-rossii-etapy-osobennosti-i-vozmoznosti-nejtralizacii-test (дата обращения: 25.08.2024)

159. Труд и занятость в России. 2025: Стат.сб. / Росстат – М., 2025 – 172с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 12.05.2025)

160. Фатихов, А. И. Проблемы социального управления финансовым поведением населения // Управление мегаполисом. 2010. - №4. - С. 143-146.

161. Фейгин, Г. Ф. Глобализация мировой экономики: тенденции и противоречия / Г. Ф. Фейгин // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 5-13.

162. Фейгин, Г. Ф. Формирование сберегательных стратегий населения России в условиях финансовой нестабильности / Г.Ф. Фейгин, Т.В. Никитина, А.В. Репета-Турсунова // Финансы и бизнес. № 3, 2015. – С. 39-54.

163. Финансовая культура – ключ к материальному благополучию и

стабильности [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://86.rospotrebnadzor.ru/news/finansovaya-kultura-klyuch-k-materialnomu-blagopoluchiyu-i-stabilnosti.html (дата обращения: 08.04.2025)

164. Финансовые рынки и финансовые институты: стратегии адаптации в условиях внешних экономических шоков и информационных диспропорций / О. Ю. Орлова, Е. Н. Клочкова, И. А. Башарин [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – 159 с. – ISBN 978-5-7310-6761-4.

165. Финансовый рынок в условиях структурной трансформации экономики: Монография / С. А. Абрамян, Я. В. Богомолов, С. Б. Богоявленский [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – 163 с. – ISBN 978-5-7310-6148-3.

166. Харламов, А. В. Институциональная модель человеческого капитала в логике технологического суверенитета России / А. В. Харламов, М. А. Бережных // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 6, № 7(160). – С. 136-144.

167. Харламов, А. В. Обеспечение устойчивости национальной экономики России в условиях глобальной нестабильности / А. В. Харламов, А. А. Мирошниченко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 3. – С. 37-42.

168. Харламов, А. В. Санкции как фактор усиления нестабильности современной мировой экономики / А. В. Харламов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 18-23.

169. Хижняк, Ю. К. Финансы домохозяйства: эволюция понятия, экономическая сущность и роль в финансовой системе РФ / Ю.К. Хижняк, П.С. Соколов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Том 12. № 12А. – С. 49-59.

170. ЦФА.рф [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://xn--80a3bf.xn--

p1ai/statistika-ois-2025-cb.html (дата обращения: 20.08.2025)

171. Чернова, М. В. Моделирование семейного бюджета. Финансы и кредит, no. 17 (449), 2011, С. 60-63.

172. Что такое страховая пенсия: размер в 2026 году и формула расчета // РБК [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rbc.ru/quote/news/article/66b60ba29a7947be30eacb18 (дата обращения: 20.05.2026)

173. Шишкина, Н. В. Сберегательное поведение как интегральный элемент экономического поведения индивида / Н. В. Шишкина, Т. В. Сабетова // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2022. – Т. 84, № 2(92). – С. 413-420.

174. Шмырева, А. И. Эволюция поведения частных инвесторов в России в эпоху цифровизации / А. И. Шмырева, Д. Н. Мышкина, В. В. Брюханов // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 3. – С. 53-55.

175. Шувалова, О. С. Цифровизация финансового рынка: вызовы и возможности / О. С. Шувалова, О. Ю. Орлова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2024. – № 3(147). – С. 46-49.

176. Эксперт РА. Итоги 2024 года на страховом рынке и прогноз на 2025-й: короткие продукты двигают рынок [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_2024a/ (дата обращения: 20.04.2025)

177. Янова, С. Ю. Цифровизация финансового сектора: новая форма или новое содержание? / С. Ю. Янова, Е. Н. Клочкова, Ю. А. Степкина // Финансовая культура: региональный аспект : Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции , Ульяновск, 10 ноября 2021 года – 10 2022 года. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2022. – С. 184-194.

178. Abdelal, R. Theodore Levitt’s “the Globalization of Markets”: An Evaluation after Two Decades / R. Abdelal, R.S. Tedlow // Working paper / Harvard Business School, Division of Research. - Boston, Mass, ISSN 0749-4610, ZDB-ID 261682-8. - Vol. 03,082,

2002.

179. Agarwal, S. Household Finance: A Functional Approach / S. Agarwal, W. Qian, R. Tan // Springer Singapore, 2020. – 371 p.

180. Agarwal, S. The age of reason: Financial decisions over the life cycle and implications for regulation / S. Agarwal, J.C. Driscoll, X. Gabaix, D. Laibson // Brookings Papers on Economic Activity, 2009(2). – P. 51-117.

181. Almenberg, J. Gender, stock market participation and financial literacy / J. Almenberg, A. Dreber // Economics Letters, Volume 137, 2015. – P. 140-142.

182. Auge-Dickhut, S., Koye, B., Liebetrau, A. Change Frameworks. Customer Value Generation in Banking: The Zurich Model of Customer-Centricity, 2016, P. 43-65.

183. Australian Government. National Financial Capability Strategy [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://files.moneysmart.gov.au/media/vyfbpg4x/national-financial-capability-strategy-2022.pdf (дата обращения: 25.04.2025)

184. Avery, R. B. Household Saving in the US / R.B. Avery, A.B. Kennickell // Rev. Income Wealth, Dec. 1991, 37(4). – P. 409-432.

185. Baldwin, R. The World Trade Organization and the Future of Multilateralism, The Journal of Economic Perspectives, Vol. 30, No., 2016. – P. 95-116.

186. Bateman, H. Financial competence and expectations formation: Evidence from Australia / H. Bateman, C. Eckert, J. Geweke, J. Louviere J., Thorp S., Satchell S. // Economic Record, 88 (280). – P. 39-63.

187. Baum, D.N. Consumption, Wealth and the Real Rate of Interest: A Reexamination. Journal of Macroeconomics 10 (1), 1988. – P. 83-102.

188. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Columbia University Press, New York, 1964.

189. Bernheim, B. The Strategic Bequest Motive / B. Bernheim, A. Shleifer, L.H. Summers // Journal of Political Economy 93, 1985. – P. 1045-1076.

190. Bird, G. Global Imbalances and the Lessons of Bretton Woods / G. Bird, T. Willett // World Economics. 9, 2008. – P. 229-234.

191. Bobasu, A-G. How have households adjusted their spending and saving behaviour to cope with high inflation? / A-G. Bobasu, E. Charalampakis, O. Kouvava // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/press/economic-bulletin/focus/2024/html/ecb.ebbox202402_03~289573ea78.en.html (дата обращения: 02.01.2024)

192. Bosworth, B.P. The Decline in Household Saving: What Can We Learn from Survey Data? / B.P. Bosworth, L. Bell // The Brookings Institution 27, 2005 – P. 1–31.

193. Browning, M. Household saving: micro theories and macro facts / M. Browning, A. Lusardi // Journal of Economic Literature, Vol. XXXIV (December 1996). – P. 1797-1855.

194. Campbell, C. Inflation and personal saving: an update / C. Campbell, J.M. Lovati // Federal Reserve Bank of St. Louis, vol. 61(Aug), 1979. – P. 3-9.

195. Carroll, C.D. Consumption Growth Parallels Income Growth: Some New Evidence / C.D. Carroll, L.H. Summers // NBER Chapters, in: National Saving and Economic Performance, National Bureau of Economic Research, Inc. 1991. – P. 305-348.

196. Carroll, C.D. The nature of precautionary wealth / C.D. Carroll, A. Samwick // Journal of Monetary Economics, 40, 1997. – P. 41-73.

197. Checherita-Westphal, C. D. Household Saving and Fiscal Policy: Evidence for the Euro Area from a Thick Modelling Perspective / C.D. Checherita-Westphal, M. Stechert, // December 1, 2021, ECB Working Paper No. 2021/2633. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2633~932d94509a.en.pdf (дата обращения: 25.04.2025)

198. Chen, H. Gender differences in personal financial literacy among college students / H. Chen, R.P. Volpe // Financial services review, 11(3), 2002. – P. 289-307.

199. Ciumara, T. Factors Influencing Individual Financial Decisions: A literature review. Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity, GIDNI, At Targu Mures, 2014, vol. 1. – P. 421–428.

200. Claessens, S. What Drives Bank Competition? Some International Evidence /

Claessens S., Laeven L. // Journal of Money, Credit and Banking, 36, 2004, P. 563-584.

201. Clark, J.W. Comparing the saving behaviors of women and men in DC plans // Vanguard [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://institutional.vanguard.com/content/dam/inst/iig-transformation/insights/pdf/2022/comparing-the-saving-behaviors-of-women-vs-men-in-dc-plans.pdf (дата обращения: 02.01.2025)

202. Commonwealth. Prize-Linked savings [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://buildcommonwealth.org/resource/prize-linked-savings/ (дата обращения: 20.04.2025)

203. Deaton, A. Consumption and permanent income. In Understanding Consumption. Oxford University Press UK, 1992.

204. Deutsche Bundesbank. Geldvermögensbildung und Außenfinanzierung in Deutschland im dritten Quartal 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.bundesbank.de/de/presse/pressenotizen/geldvermoegensbildung-und-aussenfinanzierung-in-deutschland-im-dritten-quartal-2024-945458 (дата обращения: 25.03.2025)

205. Deutsche Rentenversicherung. Riester Rente [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://riester.deutsche-rentenversicherung.de/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 25.04.2025)

206. Di Giannatale S. Formal saving in developing economies: barriers, interventions, and effects / S. Di Giannatale, M.J. Roa // IDB Publications (Working Papers) 8107, Inter-American Development Bank, 2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://publications.iadb.org/en/formal-saving-developing-economies-barriers-interventions-and-effects (дата обращения: 02.01.2024)

207. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU (recast) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/65/oj/eng (дата обращения: 25.04.2024)

208. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fdic.gov/system/files/2024-07/ar10doddfrank.pdf (дата обращения: 25.03.2025)

209. Duesenberry, J.S. Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior. Harvard University Press, Cambridge, 1949. – 128 p.

210. Dynan, K.E. The Importance of Bequests and Life-Cycle Saving in Capital Accumulation: A New Answer / K.E. Dynan, J. Skinner, S.P. Zeldes // American Economic Review 92 (2), 2002 – P. 274–278.

211. Everest Group. Argentina's Dollarization Dilemma – Assessing Potential Implications [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.everestgrp.com/argentinas-dollarization-dilemma-assessing-potential-implications-blog.html (дата обращения: 25.08.2025)

212. Ferreira, R.T. Household Excess Savings and the Transmission of Monetary Policy / R.T. Ferreira, N. Gornemann, J.L. Ortiz // International Finance Discussion Papers 1397, Board of Governors of the Federal Reserve System (U.S.), 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ideas.repec.org/p/fip/fedgif/1397.html (дата обращения: 25.05.2025)

213. Fisher, I. The Theory of Interest, as determined by Impatience to Spend Income and Opportunity to Invest it, New York: Macmillan, 1930. – 347 p.

214. Fisher, P. Gender differences in personal saving behaviors. Journal of financial counseling and planning, 21 (1), 2010 – P. 14-24.

215. Fisher, P.J. Relationship of Saving Motives to Saving Habits / Fisher P.J., Anong S. // Journal of Financial Counseling and Planning 23 (1), 2012 – P. 63–79.

216. Frank Media. Прирост богатства 19 американских семей за год обогнал ВВП Швейцарии [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://frankmedia.ru/199768 (дата обращения: 18.05.2025)

217. Friedman, M. The Permanent Income Hypothesis, Princeton University Press, 1957. – P. 20-37.

218. Gaar E. Multipliers of Financial Literacy in Germany and Russia / Gaar E., Dembinskaite V., Nikitina T., Schiereck D. // Journal of Accounting and Finance Vol. 20(8), 2020. – P. 148-175.

219. GOV.UK // Help to Buy ISA [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.uk/help-to-buy-isa (дата обращения: 25.03.2025)

220. GOV.UK // Personal pensions [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.uk/personal-pensions-your-rights (дата обращения: 25.03.2025)

221. Government of Canada. Registered Education Savings Plans and related benefits [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.canada.ca/en/services/benefits/education/education-savings.html (дата обращения: 25.03.2025)

222. Government of Canada. The Tax-Free Savings Account (TFSA) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.canada.ca/en/revenue-agency/services/tax/individuals/topics/tax-free-savings-account.html (дата обращения: 25.08.2025)

223. Gray, D. Does education improve financial behaviors? Quasi-experimental evidence from Britain / Gray D., Montagnoli A., Moro, M. // Journal of Economic Behavior & Organization, 183, 2021. – P. 481-507.

224. Greif, A. Cultural and Institutional Bifurcation: China and Europe Compared / A. Greif, G. Tabellini // American Economic Review 100 (2), 2010. – P. 135-140.

225. Hall, R. Stochastic Implications of the Life Cycle-Permanent Income Hypothesis: Theory and Evidence // Journal of Political Economy. 86 (6), 1978. – P. 971-987.

226. Hayashi, F. Why is Japan's Saving Rate so Apparently High? In NBER Macroeconomics Annual 1986, ed. Stanley Fischer, 147–210. Cambridge, MA: The MIT Press, 1986.

227. IMF Blog. Charting Globalization's Turn to Slowbalization After Global Financial Crisis / S. Aiyar, A. Ilyina, 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://www.imf.org/en/blogs/articles/2023/02/08/charting-globalizations-turn-to-slowbalization-after-global-financial-crisis (дата обращения: 25.03.2024)

228. IMF. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism, taff Discussion Notes 2023, 001, 2023 – 42 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.imf.org/en/publications/staff-discussion-notes/issues/2023/01/11/geo-economic-fragmentation-and-the-future-of-multilateralism-527266 (дата обращения: 25.08.2024)

229. Japan Securities Dealers Association. NISA: Japan's new tax exemption scheme for investment by individuals [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.jsda.or.jp/en/activities/research-studies/html/NISA.html (дата обращения: 25.03.2025)

230. Jappelli, T. The life-cycle hypothesis, fiscal policy, and social security. Workshop: Franco Modigliani: Economista tra teoria e impegno sociale. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 2005. – 21 p.

231. Kahneman, D. Prospect theory: An analysis of decision under risk / Kahneman D., Tversky A. // Econometrica. 1979. №47. – P. 263-291.

232. Katona, G. Psychological Economics. Oxford, England: Elsevier, 1975. – 438 p.

233. Keynes, J.M. The General Theory of Employment, Interest, and Money, London: Macmillan, 1936. – 414 p.

234. King, B. Bank 3.0: Why banking is no longer somewhere you go but something you do. John Wiley & Sons, 2012. – 402 p.

235. King, B. Bank 4.0: Banking everywhere, never at a bank. John Wiley & Sons, 2018. – 352 p.

236. KiwiSaver [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ird.govt.nz/kiwisaver (дата обращения: 25.03.2025)

237. Korobov, Y.I. Impact of digitalization on consumer behaviour and marketing activity in financial markets / SHS Web of Conferences 73, 010 (2020) [Электронный

ресурс] – Режим доступа: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2020/01/shsconf_ies_2019_01013.pdf (дата обращения: 01.05.2024)

238. Kotlikoff, L. What determines savings? Cambridge, MA: The MIT Press, 1989. – P. 502-533.

239. Laibson, D. Golden Eggs and Hyperbolic Discounting. The Quarterly Journal of Economics, vol. 112, no. 2, 1997. – P. 443-477.

240. Lee, J.M. Savings Goals and Saving Behavior from a Perspective of Maslow's Hierarchy of Needs / Lee J.M., Hanna S. // Journal of Financial Counseling and Planning, 26 (2), 2015 – P. 129–147.

241. Lesnykh, O. Auswirkungen der COVID-19-Pandemie auf die Entwicklung der Finanz- und Kreditinstitute in Russland / Lesnykh O., Nikitina T., Skalaban M. // Pandemie als nicht alltägliches Event-Risk. Auf der Suche nach Resilienz für Staaten, Unternehmen, Banken und Vermögen // Nikitina T., Renker C., Wiesbaden: Springer Gabler, 2022. - S. 117-129. ISBN 978-3-658-36503-5

242. Levine, R. Financial intermediation and growth: Causality and causes / Levine R., Loayza N., Beck T. // Journal of Monetary Economics, Volume 46, Issue 1, 2000, P. 31-77.

243. Light, I. Exiting poverty through self-employment: the Grameen model and rotating credit associations as alternative strategies / I. Light // Journal of Developmental Entrepreneurship. – 2021. – Vol. 26, No. 2. – P. 1-17.

244. Lindqvist, A.A. Note on Determinants of Household Saving Behavior. Journal of Economic Psychology 1, 1981 – P. 37-59.

245. Loayza, N. What Drives Private Saving Across the World? / Loayza N., Schmidt-Hebbel K., Servén L. // Working Papers Central Bank of Chile 47, Central Bank of Chile, 1999.

246. Love, D. A. The Effects of Marital Status and Children on Savings and Portfolio Choice, The Review of Financial Studies, Volume 23, Issue 1, 2010. – P. 385-432.

247. Lusardi, A. Financial literacy among the young / Lusardi A., Mitchell O. S., Curto V. // Journal of consumer affairs, 44(2), 2010. – P. 358-380.

248. Lusardi, A. Financial literacy and planning: Implications for retirement wellbeing / Lusardi A., Mitchell O.S. // Michigan Retirement Research Center Research Paper No. WP, 108, 2005.

249. Lusardi, A. Financial literacy and Retirement Preparedness: Evidence and Implications for Financial Education / Lusardi A., Mitchell O.S. // Business Economics 42, 2007 – P. 35–44.

250. Lusardi, A. Financial literacy around the world: an overview / Lusardi A., Mitchell O.S. // Journal of pension economics & finance. 2011. № 10 (4). – P. 497-508.

251. Madrian, B. C. The Power of Suggestion: Inertia in 401(k) Participation and Savings Behavior / Madrian B.C., Shea D. // The Quarterly Journal of Economics 116, no. 4, 2001. – P. 1149-87.

252. Mandell, L. Improving Financial Literacy: What Schools and Parents Can and Cannot Do. Washington, DC: The Jumpstart Coalition for Personal Financial Literacy, 2001.

253. Masuda, Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. World Future Society, 1981. – 171 p.

254. McConnell, C. R. Economics: Principles, problems, and policies / McConnell C. R., Brue S. L., Flynn S. M. // McGraw-Hill Education, 2 Penn Plaza, New York, NY 10121, 21st ed., 2018. – 983 p. ISBN 978-1-259-72322-3

255. Modigliani, F. Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross-Section Data / Modigliani F., Brumberg R // Post-Keynesian economics. – London: Allen and Unwin, 1955. – P. 388-436

256. MoneyHelper [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.moneyhelper.org.uk/en (дата обращения: 25.03.2025)

257. MyMoney.gov [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mymoney.gov/ (дата обращения: 25.03.2025)

258. Nikitina, T. Digitale Transformation des Finanzsektors: eine

Verbraucherperspektive auf Finanzdienstleistungen / T. Nikitina, M. Skalaban // Chancen und Herausforderungen für eine digitale und nachhaltige Zukunft im finanzwirtschaftlichen Kontext, Nomos Verlag, Baden-Baden, 2024. – S. 13-38, ISBN: 978-3-7560-1486-6.

259. Nikitina, T. Financial Literacy und Sparverhalten von Haushalten: Ökonometrische Evidenz zu den Determinanten finanzieller Entscheidungen / T. Nikitina, M. Skalaban // Finance, Accounting, Controlling im Kontext von Digitaler Transformation und Nachhaltigkeit, Nomos Verlag, Baden-Baden, 2025 – S. 245-273, ISBN 978-3-7560-3405-5.

260. Nikitina, T. V. The Supplementary Pension in Russia: Current Problems and Future Prospects in the light of International Experience / Nikitina T.V., Nikitin M.A., Skalaban M.P. // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference (IBIMA): Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, 2020 – P. 1946-1954.

261. O'Rourke, K. H. When did globalisation begin? / K.H. O'Rourke, J.G. Williamson // European Review of Economic History, Volume 6, Issue 1, April 2002. – P. 23-50.

262. Obstfeld, M. Globalization, Macroeconomic Performance, and the Exchange Rates of Emerging Economies: Keynote Speech, Monetary and Economic Studies, Institute for Monetary and Economic Studies, Bank of Japan, vol. 22 (S1), 2004, P. 29-55.

263. OECD. OECD Legal Instruments, 2020 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0461 (дата обращения: 25.09.2024)

264. OECD. OECD/INFE 2023 international survey of adult financial literacy Improving financial literacy: analysis of issues and policies. Paris: OECD Publishing, 2005. – 181 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/12/oecd-infe-2023-international-survey-of-adult-financial-literacy_8ce94e2c/56003a32-en.pdf (дата обращения: 25.09.2024)

265. OECD. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris

266. OECD. Pensions at a Glance 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/pensions-at-a-glance-2023_678055dd-en.html (дата обращения: 25.09.2025)

267. Olejnik, I. Bequests as a motive for saving up for old age, Economic and Environmental Studies (E&ES), ISSN 2081-8319, Opole University, Faculty of Economics, Opole, Vol. 15, Iss. 1, 2015 – P. 31-42.

268. Palley, T. The Relative Permanent Income Theory of Consumption: A Synthetic Keynes-Duesenberry-Friedman Model. // Review of Political Economy, vol. 22, issue 1, 2010. – P. 41-56.

269. Quickonomics. Trends in household savings and debt after the pandemic, 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.crisil.com/content/dam/crisil/our-analysis/views-and-commentaries/quickonomics/2024/05/trends-in-household-savings-and-debt-after-the-pandemic.pdf (дата обращения: 25.03.2025)

270. République française. Plan d'épargne en actions (PEA) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F2385 (дата обращения: 25.08.2025)

271. Ritov, J. Status-quo and omission bias / I. Ritov, J. Baron// Journal of Risk and Uncertainty, 5, 1992. – P. 49-61.

272. Robertson, R. Globalization: social theory and global culture. – L.: Sage, 1992. – 224 p.

273. Robertson, R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone, M., Lash, S. and Robertson, R., Eds., Global Modernities, Sage Publications, London, 1995. – P. 25-44.

274. Rodrik, D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York: W. W. Norton & Company, 2011. – 368 p.

275. Samuelson, P.A. An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or

without the Social Contrivance of Money, Journal of Political Economy, University of Chicago Press, vol. 66(6), 1958. – P. 467-467.

276. Samuelson, W. Status Quo Bias in Decision Making / Samuelson W., Zeckhauser R. // Journal of Risk and Uncertainty 1, 1, 1988. – P. 7-59.

277. Shefrin, H.M. The behavioral life-cycle hypothesis / Shefrin H.M., Thaler R.H. // Economic Inquiry, Vol. XXVI, 1988. – P. 609-643.

278. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: In Three Volumes. London, 1776. – 786 p.

279. Society of actuaries. Aging and Retirement. Relationship of marital status to financial priorities of five generations of Americans [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.soa.org/492f30/globalassets/assets/files/resources/research-report/2019/relationship-of-marital-status-to-financial-priorities.pdf (дата обращения: 02.01.2024)

280. Solmon, L.C. The relation between schooling and savings behavior: An example of the indirect effects of education. In F. T. Juster (Ed.), Education, income and human behavior. New York: McGraw-Hill, 1975. – P. 253-293.

281. Springler, E. Financial liberalization, stock markets and growth in economies with underdeveloped financial markets. European Political Economy Review. Vol. 3, No. 2 (Winter 2005-2006). – P. 53-86

282. Strumpel, B. Saving Behavior in Western Germany and the United States. American Economic Review 65 (2), 1975 – P. 210–216.

283. Sturm, P. H. Determinants of Saving: Theory and Evidence. OECD Economic Studies 1, 1983 – P. 147–196.

284. Summers L. Why Is U.S. National Saving So Low? Comments and Discussion / Summers L., Carroll C., Alan S. Blinder // Brookings Papers on Economic Activity 2, 1987. – 607 p.

285. TCMB. Financial Accounts Report 2024- I. Quarter [Электронный ресурс] – Режим доступа:

https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/en/tcmb+en/main+menu/publications/reports/financial+accounts+report/2024/financial+accounts+report+2024-+i.+quarter (дата обращения: 25.03.2025)

286. Thaler, R.H. Save More Tomorrow: Using Behavioral Economics to Increase Employee Saving / Thaler R.H., Benartzi S. // Journal of Political Economy 112, no. S1, 2004. – P. 164-187.

287. The World Economic Forum. Economic decoupling? 3 experts caution what that means for the global economy, 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.weforum.org/stories/2023/06/global-economic-decoupling-derisking-experts-explain/ (дата обращения: 25.09.2024)

288. Toffler, A. The Third Wave / Toffler A., Alvin T. // New York: Bantam Books, 1981.

289. Tuhin G M Al Mamun, Ehsanullah, Md Sharif Hassan, Mohd Faizal Yusof, Md Aminul Islam, Naharin Binte Rab. Fiscal Policy and Household Savings in Central Europe (Poland, Croatia, and Slovak Republic) - A Markov Switching VAR with Covid Shock, Cogent Economics and Finance, 2025, vol. 13, no. 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/394128589_Fiscal_policy_and_household_savings_in_Central_Europe_a_Markov_switching_VAR_with_covid_shock (дата обращения: 28.08.2025)

290. Tullio, G. Do After-Tax Interest Rates Affect Private Consumption and Savings? Empirical Evidence for 8 Industrial Countries / Tullio G., Contesso F. 1986. – P. 1980–83. Economic Papers 51.

291. Tversky, A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / Tversky A., Kahneman D. // Science. 185 (4157), 1974. – P. 1124–31.

292. Tversky, A. Loss Aversion in Riskless Choice: A Reference-Dependent Model / / Tversky A., Kahneman D. // The Quarterly Journal of Economics 106, no. 4. 1991. – P. 1039–61.

293. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). Population Facts No. 2019/6, December 2019: How certain are the United Nations global population projections? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/pd/content/how-certain-are-united-nations-global-population-projections (дата обращения: 02.09.2024)

294. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019: Volume I: Comprehensive Tables. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2019_wpp_vol1_comprehensive-tables.pdf (дата обращения: 02.09.2024)

295. van Rooij, M.C.J. Financial literacy and stock market participation / van Rooij M. C. J., Lusardi A., Alessie R. J. M. // Journal of Financial Economics, 101(2), 2011. – P. 449-472.

296. Varlamova, J. Digital Technologies and Saving Behavior / Varlamova J., Larionova N., Zulfakarova, L. // International Scientific Conference “Far East Con” (ISCFEC 2020), 2020 – P. 1661-1667.

297. Williams, T. Why women outlive men but save less for retirement // WISER [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wiserwomen.org/resources/why-women-outlive-men-but-save-less-for-retirement-2/ (дата обращения: 02.01.2024)

298. Yuh, Y. Which Households Think They Save? / Yuh Y., Hanna S.D. // The Journal of Consumer Affairs 44 (1), 2010 – P. 70–97.

299. Zambrano, A. F. Rotating savings and credit associations: A scoping review / Zambrano, A.F., Giraldo, L.F., Perdomo, M.T., Hernández, I.D., Godoy, J.M. // World Development Sustainability, Volume 3, 2023, 100081, ISSN 2772-655X – 12 p.

.

Приложение А

Таблица А.1 – Типологизация факторов сберегательного поведения домохозяйств на основе авторской многокритериальной типологии (составлено автором)

№	*Фактор*	*По содержанию*	*По уровню формирования*	*По отношению к домохозяйству*	*По характеру восприятия*	*По темпоральности*
1	Доход	экономический	микро	внутренний	объективный	конъюнктурный
2	Обязательные расходы	экономический	микро	внутренний	объективный	конъюнктурный
3	Долговая нагрузка	экономический	микро	внутренний	объективный	конъюнктурный / структурный
4	Накопленные активы	экономический	микро	внутренний	объективный	структурный
5	Ключевая ставка	экономический	макро	внешний	объективный	конъюнктурный / шоковый
6	Уровень / темпы инфляции	экономический	макро	внешний	объективный	конъюнктурный / шоковый
7	Уровень безработицы	экономический / социально-демографический	макро / мезо	внешний	объективный	конъюнктурный
8	Макроэкономическая стабильность	экономический	макро	внешний	объективный	структурный / конъюнктурный
9	Санкции	экономический	глобальный / макро	внешний	объективный	шоковый / конъюнктурный
10	Степень развития финансово-кредитных институтов	институциональный	макро / мезо	внешний	объективный	структурный
11	Доступность финансовых услуг	институциональный	макро / мезо	внешний	объективный	структурный / конъюнктурный
12	Доступность финансовых инструментов	институциональный / экономический	макро / мезо	внешний	объективный	структурный / конъюнктурный

Продолжение таблицы А.1

№	*Фактор*	*По содержанию*	*По уровню формирования*	*По отношению к домохозяйству*	*По характеру восприятия*	*По темпоральности*
13	Внешние ограничения доступа к финансовым инструментам	институциональный / экономический	макро / глобальный	внешний	объективный	шоковый / конъюнктурный
14	Модель пенсионной системы	институциональный	макро	внешний	объективный	структурный
15	Правовое регулирование сбережений	институциональный	макро	внешний	объективный	структурный
16	Институциональные меры поддержки сбережений	институциональный	макро / мезо	внешний	объективный	конъюнктурный / структурный
17	Менталитет (внутренне усвоенные установки)	социально-культурный / личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	субъективный	структурный
18	Религиозные установки в отношении потребления и сбережения	социально-культурный	мезо / микро	внешний (как система социальных норм)	субъективный	структурный
19	Социальное окружение	социально-культурный	микро	внешний	субъективный	структурный / конъюнктурный
20	Социокультурные нормы (внешние нормы и ожидания)	социально-культурный	макро / мезо	внешний	субъективный	структурный
21	Пол	социально-демографический	микро	внутренний	объективный	структурный
22	Возраст	социально-демографический	микро	внутренний	объективный	структурный
23	Семейное положение	социально-демографический	микро	внутренний	объективный	структурный / конъюнктурный

Продолжение таблицы А.1

№	Фактор	По содержанию	По уровню формирования	По отношению к домохозяйству	По характеру восприятия	По темпоральности
24	Образование	социально-демографический	микро	внутренний	объективный	структурный
25	Состав домохозяйства	социально-демографический	микро	внутренний	объективный	структурный / конъюнктурный
26	Статус занятости	социально-демографический / экономический	микро	внутренний	объективный	конъюнктурный
27	Форма занятости	социально-демографический / экономический	микро	внутренний	объективный	конъюнктурный / структурный
28	Старение населения	социально-демографический	глобальный	внешний	объективный	структурный
29	Когнитивные способности	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	объективный / субъективный	структурный
30	Потребности	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	субъективный	конъюнктурный / структурный
31	Убеждения	личностно-психологический и поведенческий / социально-культурный	микро	внутренний	субъективный	структурный
32	Индивидуальные установки в отношении потребления и сбережения	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	субъективный	структурный / конъюнктурный
33	Восприятие риска	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	субъективный	конъюнктурный

Продолжение таблицы А.1

№	*Фактор*	*По содержанию*	*По уровню формирования*	*По отношению к домохозяйству*	*По характеру восприятия*	*По темпоральности*
34	Опыт	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	субъективный	структурный
35	Ожидания	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	субъективный	конъюнктурный
36	Финансовая грамотность	личностно-психологический и поведенческий	микро	внутренний	объективный (по результатам оценки) / субъективный (самооценка)	структурный
37	Цифровая трансформация финансового сектора	институциональный / экономический	глобальный	внешний	объективный	структурный
38	Финансовая глобализация	экономический / институциональный	глобальный	внешний	объективный	структурный
39	Деглобализация (геоэкономическая фрагментация)	экономический / институциональный	глобальный	внешний	объективный	структурный / шоковый
40	Кризисные периоды	экономический / институциональный	макро / глобальный	внешний	объективный	шоковый

Приложение Б

Таблица Б.1 – Законодательное регулирование форм размещения сбережений (составлено автором)

Сберегательный инструмент	***Законодательное регулирование***
Банковские депозиты	ГК РФ (ст. 834-837), НК РФ (ст. 214.2), Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 №395-1
Золотые и серебряные монеты, ОМС (обезличенные металлические счета)	ГК РФ (ст. 859.1), Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 №41-ФЗ, Постановления Правительства
Вложения в ценные бумаги	ГК РФ (ст. 142, 143), Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ, НК РФ (ст. 214.1, 214.3)
Вложения в ПИФ	Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 №156-ФЗ, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 №39-ФЗ, НК РФ (ст. 214.3)
Вложения в негосударственные пенсионные фонды	Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 №75-ФЗ, НК РФ (ст. 219.2), Федеральный закон «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» от 24.07.2002 №111-ФЗ
Вложения в недвижимость	ГК РФ (ст. 130), НК РФ (ст. 217.1, 220), Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 №218-ФЗ
Страхование жизни (в том числе накопительное, инвестиционное и долевое)	Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 №4015-1, Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 25.12.2023 №631-ФЗ
Индивидуальный инвестиционный счет (ИИС)	Письмо Минфина России от 05.08.2024 № 05-08-05/72922 «О применении положений Федерального закона от 19 декабря 2023 г. № 600-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в статьи 102 и 126.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», НК РФ (ст. 219.2)
Цифровая валюта	Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ
Цифровые финансовые активы	Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ, ГК РФ (ст. 128)

Приложение В

Таблица В.1. Исходные данные для эконометрического моделирования (составлено автором по данным Росстата, Банка России)

Год	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*	*2023*	*2024*
Среднегодовой объем доходов в расчете на одного члена домохозяйства в месяц, руб. (в текущих ценах)	25928	27767	30474	30717	31714	33138	35233	35934	39934	47386	53579	63090
Среднегодовой объем расходов в расчете на одного члена домохозяйства в месяц, руб. (в текущих ценах)	24519	26178	27408	28026	29563	31563	33617	32682	38235	42417	49142	57664
Среднегодовой объем сбережений в расчете на одного члена домохозяйства в месяц, руб. (в текущих ценах)	1409	1589	3065	2691	2151	1576	1616	3252	1699	4969	4437	5426
ИПЦ (к 2013 году)	100	111	126	133	136	142	146	153	166	186	196	212
Среднегодовой объем сбережений в расчете на одного члена домохозяйства в месяц, руб. (в постоянных ценах)	1409	1427	2438	2031	1584	1113	1107	2124	1024	2679	2267	2560
Среднегодовой объем доходов в расчете на одного члена домохозяйства в месяц, руб. (в постоянных ценах)	25928	24936	24238	23182	23349	23400	24146	23473	24067	25544	27377	29766
Ключевая ставка (среднее значение), %	5,5	8,0	12,5	10,6	9,1	7,4	7,3	5,0	5,8	10,5	10,0	17,5
Уровень инфляции, %	6,3	7,8	15,6	7,1	3,7	2,9	4,5	3,4	6,7	13,8	5,9	7,4
Уровень безработицы, %	7,2	6,8	7,2	7,0	6,6	6,1	6,5	7,8	6,4	5,2	4,2	3,5
Индекс потребительской уверенности	-7,8	-10,5	-26,3	-23,3	-12,8	-11,8	-14,3	-22,3	-20,3	-24,3	-14,8	-7,3
Оценка благоприятности условий для формирования сбережений	8,4	7,4	4,8	5,0	7,0	8,4	7,8	6,7	6,7	7,1	9,0	13,2
Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, %	69,1	69,9	72,1	74,8	76,3	76,6	76,9	80,0	84,0	86,6	87,9	90,4
Обменный курс национальной валюты, руб.	31,9	38,5	61,0	67,0	58,3	62,7	64,7	72,2	73,7	68,5	85,3	92,6
Кризис (фиктивная переменная), оценка автора	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	1	0

Таблица В.2. Корреляционная матрица остатков моделей трендов (построено автором)

	Сбережения (реальные)	*Доходы (реальные)*	*Ключевая ставка*	*Уровень инфляции*	*Уровень безработицы*	*Индекс потреб. уверенности*	*Оценка благоприятности условий для формирования сбережений*	*Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет*	*Обменный курс национальной валюты*	*Фиктивная переменная (кризис)*
Сбережения (реальные)	1,00									
Доходы (реальные)	-0,39	1,00								
Ключевая ставка	0,58	0,01	1,00							
Уровень инфляции	0,65	-0,27	0,87	1,00						
Уровень безработицы	0,41	-0,41	-0,03	0,08	1,00					
Индекс потреб. уверенности	-0,80	0,61	-0,60	-0,82	-0,45	1,00				
Оценка благоприятности условий для формирования сбережений	-0,68	0,69	-0,44	-0,74	-0,32	0,94	1,00			
Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет	0,29	-0,75	0,27	0,35	-0,07	-0,44	-0,54	1,00		
Обменный курс национальной валюты	0,25	-0,39	-0,05	0,12	0,59	-0,55	-0,50	0,07	1,00	
Фиктивная переменная (кризис)	0,86	-0,25	0,37	0,59	0,32	-0,71	-0,65	0,06	0,33	1,00

Таблица В.3. Корреляционная матрица факторов (построено автором)

	Сбережения (реальные)	*Доходы (реальные)*	*Ключевая ставка*	*Уровень инфляции*	*Уровень безработицы*	*Индекс потреб. уверенности*	*Оценка благоприятности условий для формирования сбережений*	*Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет*	*Обменный курс национальной валюты*	*Фиктивная переменная (кризис)*
Сбережения (реальные)	1,00									
Доходы (реальные)	0,48	1,00								
Ключевая ставка	0,69	0,63	1,00							
Уровень инфляции	0,60	0,19	0,46	1,00						
Уровень безработицы	-0,41	-0,82	-0,67	-0,09	1,00					
Индекс потреб. уверенности	-0,38	0,47	0,04	-0,52	-0,34	1,00				
Оценка благоприятности условий для формирования сбережений	0,12	0,83	0,44	-0,28	-0,77	0,75	1,00			
Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет	0,46	0,57	0,43	0,02	-0,80	-0,06	0,54	1,00		
Обменный курс национальной валюты	0,47	0,40	0,52	-0,02	-0,66	-0,22	0,38	0,89	1,00	
Фиктивная переменная (кризис)	0,69	0,08	0,09	0,48	-0,06	-0,62	-0,25	0,30	0,31	1,00

Приложение Г

Анкета, используемая для проведения опроса

Часть 1. Финансовое поведение

Самооценка финансовой грамотности

1. Насколько высоко Вы оцениваете свои знания в области финансов по шкале от 1 до 7?

2. Насколько высоко Вы оцениваете способность применять знания в области финансов на практике по шкале от 1 до 7?

3. Какая часть Вашего образования была связана с финансами?

- Образование никак не связано с финансами.
- Было несколько предметов, связанных с финансами.
- Значительная часть образования связана с финансами.
- Профильное финансовое / экономическое образование.

Интерес к финансовой информации

4. Интересна ли Вам информация о ценных бумагах и фондовом рынке?

- Да
- Скорее да
- Скорее нет
- Нет

5. На какие источники информации Вы ориентируетесь при принятии финансовых решений в первую очередь?

- Свои знания и личный опыт
- Родственники, друзья, знакомые
- Официальные сайты банков
- Интернет (кроме официальных сайтов банков)

- Телевидение
- Газеты и журналы
- Радио
- Финансовые консультанты
- Финансовая отчетность банков и компаний
- Другое

Сберегательное поведение

6. Что Вы делаете с деньгами, которые остаются после покрытия основных расходов (квартплата/арендная плата, покупка продуктов питания, оплата мобильной связи)?

- Я сразу же трачу все деньги (шкала от 1 до 7; 1)
- Я сохраняю как можно больше (шкала от 1 до 7; 7)

7. Ведете ли Вы учет своих доходов и расходов?

- Да, всегда
- Иногда (периодически)
- Очень редко
- Нет, никогда

8. Насколько легко Вам контролировать свои расходы?

- Очень трудно (шкала от 1 до 7; 1)
- Очень легко (шкала от 1 до 7; 7)

9. Есть ли у Вас сбережения?

- Да – 9а.
- Нет – 9б.

9а. Выберите верное для Вас утверждение:

- Я регулярно сберегаю определенную часть от своего дохода.
- Я периодически откладываю на конкретные цели.
- Я откладываю на «черный день».

9б. Выберите верное для Вас утверждение:

– Я трачу весь свой доход.
– Я трачу больше своего дохода.
– Я регулярно беру в долг.

Кредитное поведение

10. Приходилось ли Вам быть в ситуации отсутствия денег (в последние 5 лет)?

– Да
– Нет

11. Есть ли у Вас кредит?

– Да – 11а.
– Нет

11а. Какой вид кредита у вас есть?

– Кредитная карта
– Кредит на неотложные нужды (ремонт, лечение, срочные покупки и т.д.)
– Потребительский кредит
– Кредит на покупку автомобиля
– Ипотечный кредит (покупка недвижимости в кредит)
– Заём, микрокредит в микрокредитной организации
– Кредит на образование
– Кредит на развитие бизнеса
– Другие виды кредитов

Инфляционные ожидания

12. Как, по Вашему мнению, в настоящее время лучше распоряжаться свободными деньгами?

– Хранить дома
– Хранить на банковском счете
– Покупать крупные дорогостоящие товары
– Открыть банковский вклад

- Вложить в акции
- Вложить в облигации
- Вложить в ПИФ/ETF
- Вложить в драгоценные металлы
- Купить иностранную валюту
- Купить криптовалюту
- Вложить в недвижимость
- Вложить в бизнес
- Другое

Инвестиционное поведение

13. Есть ли у Вас инвестиции (акции, облигации, ПИФы, ETF, инвестиционная недвижимость, золото и/или другие драгоценные металлы, криптовалюты и др.)?

- Да – 13а.
- Нет – 13б.

13а. Во что Вы инвестируете?

- Акции
- Облигации
- Инвестиционные фонды/ETF
- Недвижимость
- Золото и/или другие драгоценные металлы
- Банковский депозит/вклад
- Иностранная валюта
- Криптовалюта
- Другое

13б. Почему Вы не инвестируете?

- У меня недостаточно свободных средств.
- Считаю, что инвестиции связаны с высоким риском.

– Я ничего не знаю об инвестициях.
– Мои знания об инвестициях недостаточны.
– Я не верю, что на инвестициях можно заработать.
– Родственники, друзья или знакомые не рекомендуют инвестировать.
– У меня был негативный опыт инвестирования.
– У знакомых был негативный опыт инвестирования.
– Другое

14. Хотелось бы Вам больше узнать об инвестициях?

– Да
– Нет

Пенсионное планирование

15. Задумывались ли Вы о пенсии?

– Да
– Нет

16. За счет каких источников дохода Вы планируете обеспечить себе приемлемый (комфортный) уровень жизни на пенсии?

– Я слишком молод(а), чтобы думать об этом.
– Буду получать государственную пенсию.
– Буду получать негосударственную пенсию.
– Обо мне позаботятся мои дети.
– Я откладываю на пенсию.
– У меня есть инвестиционный «пенсионный» портфель.
– Планирую получать пассивный доход с капитала.
– Планирую сдавать недвижимость в аренду.
– Мне уже поздно думать об этом. Нужно было думать об этом раньше.
– Другое

Мотивы обращения к финансовым темам

17. Выберите верные для Вас утверждения. Я бы больше занимался(лась) финансами, если бы…

- у меня было больше денег, которые я мог (могла) бы инвестировать.
- у меня было больше начальных знаний в этой области (например, благодаря образованию).
- СМИ больше писали об этом.
- было доступно больше информационных материалов.
- было больше возможностей для обучения по данной теме.
- было больше времени, чтобы разобраться в этой теме.
- был консультант, которому я могу доверять.
- родители работали в финансовой сфере.
- другое

Финансовое просвещение

18. Нужно ли, по Вашему мнению, дополнительно вводить преподавание финансовой грамотности в вузах?

- Да, в форме отдельного обязательного предмета.
- Да, в форме факультативного занятия.
- Нет, не нужно.
- Затрудняюсь ответить.

19. Нужно ли, по Вашему мнению, дополнительно вводить преподавание финансовой грамотности в школах?

- Да, в форме отдельного обязательного предмета.
- Да, в форме факультативного занятия.
- Нет, не нужно.
- Затрудняюсь ответить.

Часть 2. Финансовая грамотность

Блок 1. Арифметика

1. На распродаже в магазине все предметы выставлены за половину цены. Перед началом распродажи телевизор стоил 300 тыс. руб., сколько он будет стоить в момент распродажи?

- 150 тыс. руб.
- 300 тыс. руб.
- 600 тыс. руб.
- Затрудняюсь ответить

2. Если вероятность заболеть составляет 10%, то ожидается, что из 1000 человек в среднем заболеют

- 10
- 100
- 1000
- Затрудняюсь ответить

3. Автодилер продает б/у автомобиль за $6000. Это две трети от стоимости новой машины. Сколько стоит новая машина?

- $4000
- $6600
- $9000
- Затрудняюсь ответить

4. Если пять независимых (не связанных друг с другом) людей имеют выигрышные номера в лотерее, призовой фонд составляет 2 млн руб., то каждый из них получит

- 40 тыс. руб.
- 400 тыс. руб.
- 500 тыс. руб.
- Затрудняюсь ответить

5. Если вероятность заболеть составляет 1 к 10, то ожидается, что из 1000 человек в среднем заболеют

- 10
- 100
- 1000
- Затрудняюсь ответить

Блок 2. Базовые вопросы

1. Предположим, у Вас было 100 тыс. руб. на вкладе со ставкой 2% годовых. Срок вклада – 5 лет. Сколько денег Вы сможете снять по истечении срока вклада?

- Более 102 тыс. руб.
- Ровно 102 тыс. руб.
- Менее 102 тыс. руб.
- Затрудняюсь ответить

2. Предположим, у Вас есть $100 на сберегательном счете, ставка по которому составляет 20% годовых. Деньги лежат на счете в течение всего срока. Какая сумма окажется на этом счете через 5 лет?

- Более $200
- Ровно $200
- Менее $200
- Затрудняюсь ответить

3. Представьте, что процентная ставка по Вашему вкладу составляет 1% годовых, а инфляция – 2% годовых. Сколько товаров (в базовой потребительской корзине) Вы смогли бы купить, сняв деньги со вклада, спустя 1 год?

- Больше, чем сегодня
- Столько же, сколько сегодня
- Меньше, чем сегодня
- Затрудняюсь ответить

4. Предположим, Ваш друг унаследовал 1 млн руб. сегодня, а его брат унаследует столько же через 3 года. Кто богаче из наследников?

- Друг
- Брат друга
- Одинаково
- Затрудняюсь ответить

5. Предположим, в конце года Ваш доход удвоится, цены на все товары тоже увеличатся вдвое. Сколько товаров Вы сможете приобрести в конце года при этих условиях?

- Больше, чем сегодня
- Столько же, сколько сегодня
- Меньше, чем сегодня
- Затрудняюсь ответить

Блок 3. Профильные вопросы

1. Какое из следующих утверждений описывает основную функцию фондового рынка?

- Фондовый рынок помогает прогнозировать доходность акций.
- Фондовый рынок способствует росту цен акций.
- Фондовый рынок объединяет людей, которые хотят купить ценные бумаги, с теми, кто хочет их продать.
- Затрудняюсь ответить.

2. Выберите верное утверждение.

- Средства, вложенные в паевой инвестиционный фонд, нельзя вывести в течение первого года.
- Паевые инвестиционные фонды могут вкладывать средства пайщиков в ценные бумаги (акции, облигации или др.).

– Управляющая компания паевого инвестиционного фонда гарантирует доходность инвестиций.
– Затрудняюсь ответить.

3. Если ключевая ставка снижается, то цены облигаций, которые к этому моменту уже продаются на рынке,

– Понижаются
– Повышаются
– Остаются неизменными
– Затрудняюсь ответить

4. Вложение средств в ПИФ, как правило, связано с меньшим риском, чем покупка акций одной компании.

– Да
– Нет
– Затрудняюсь ответить

5. Акции, как правило, связаны с более высоким риском, чем облигации.

– Да
– Нет
– Затрудняюсь ответить

6. Какой финансовый инструмент, как правило, приносит большую прибыль на горизонте 10-15 лет?

– Вклады
– Облигации
– Акции
– Затрудняюсь ответить

7. Для какого финансового инструмента, как правило, характерна большая волатильность?

– Вклады

- Облигации
- Акции
- Затрудняюсь ответить

8. Распределение средств между разными классами активов, как правило, позволяет
   - Повысить риск
   - Снизить риск
   - Затрудняюсь ответить

Часть 3. Социально-демографическая характеристика

1. Ваш возраст
2. Ваш пол
3. Место проживания
4. Ваш текущий род деятельности
   - Работаю (по трудовому договору)
   - Работаю (по трудовому договору) и учусь
   - Учусь
   - ИП/самозанятый
   - Владею собственной компанией
   - На пенсии
   - Безработный(ая)
5. Ваш уровень образования
   - Среднее
   - Получаю степень бакалавра в настоящий момент
   - Высшее (бакалавр)
   - Высшее (специалист/5 лет)
   - Получаю степень магистра в настоящий момент
   - Высшее (магистр)

– Высшее (есть ученая степень)

6. Ваш ежемесячный доход

– менее 30 тыс. руб.
– 30-50 тыс. руб.
– 50-75 тыс. руб.
– 75-100 тыс. руб.
– 100-150 тыс. руб.
– 150-200 тыс. руб.
– 200-300 тыс. руб.
– 300-500 тыс. руб.
– более 500 тыс. руб.

Приложение Д

Результаты опроса

Таблица Д.1 – Арифметические вычисления (составлено автором)

Вопрос	***n1 (%)***	***n2 (%)***	***n3 (%)***	***n4 (%)***	***n5 (%)***	***Среднее***
Верно всего	87,1	92,9	92,9	91,6	91,6	91,2
Пол						
Мужской	89,1	90,9	94,5	95,5	96,4	93,3
Женский	86,0	94,0	92,0	89,5	89,0	90,1
Возраст						
менее 20	91,3	87,0	87,0	91,3	91,3	89,6
20-30	92,8	97,4	94,8	94,8	93,5	94,6
30-40	87,5	94,6	96,4	94,6	91,1	92,9
40-50	72,7	87,9	87,9	78,8	81,8	81,8
50-60	80,0	80,0	96,0	88,0	96,0	88,0
более 60	70,0	85,0	80,0	85,0	90,0	82,0
Самооценка понимания финансов						
1	62,5	50,0	100,0	87,5	87,5	77,5
2	78,9	84,2	84,2	78,9	68,4	78,9
3	83,3	88,3	86,7	88,3	85,0	86,3
4	88,6	94,9	97,5	96,2	94,9	94,4
5	88,1	97,0	94,1	92,1	97,0	93,7
6	96,9	96,9	93,8	93,8	93,8	95,0
7	90,9	100,0	90,9	90,9	90,9	92,7
Образование						
Профильное образование.	91,7	94,8	94,8	93,8	97,9	94,6
Значительная часть образования связана с финансами.	90,5	104,8	100,0	100,0	95,2	98,1
Было несколько предметов, связанных с финансами.	90,8	98,7	94,7	92,1	92,1	93,7
Образование никак не связано с финансами.	83,2	88,5	92,0	91,2	88,5	88,7
Доход						
менее 30 тыс. руб.	81,0	86,2	84,5	86,2	87,9	85,2
30-50 тыс. руб.	88,3	90,0	86,7	90,0	85,0	88,0
50-75 тыс. руб.	85,7	94,3	97,1	90,0	91,4	91,7
75-100 тыс. руб.	86,0	95,3	97,7	100,0	97,7	95,3
100-150 тыс. руб.	91,4	100,0	97,1	91,4	97,1	95,4
150-200 тыс. руб.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
200-300 тыс. руб.	86,7	86,7	93,3	86,7	93,3	89,3
300-500 тыс. руб.	90,0	100,0	100,0	100,0	90,0	96,0
более 500 тыс. руб.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица Д.2 – Базовые вопросы (составлено автором)

Вопрос	***b1 (%)***	***b2 (%)***	***b3 (%)***	***b4 (%)***	***b5 (%)***	***Среднее***
Всего верно	83,9	59,7	78,4	65,2	78,1	73,0
Пол						
Мужской	88,2	70,9	90,9	70,9	80,9	80,4
Женский	81,5	53,5	71,5	62,0	76,5	69,0
Возраст						
менее 20	69,6	52,2	69,6	34,8	56,5	56,5
20-30	84,3	64,7	80,4	68,6	79,7	75,6
30-40	89,3	50,0	83,9	75,0	91,1	77,9
40-50	84,8	63,6	72,7	60,6	81,8	72,7
50-60	76,0	60,0	64,0	48,0	60,0	61,6
более 60	90,0	50,0	85,0	75,0	70,0	74,0
Самооценка понимания финансов						
1	50,0	37,5	50,0	50,0	50,0	47,5
2	57,9	21,1	52,6	63,2	57,9	50,5
3	71,7	56,7	63,3	50,0	70,0	62,3
4	89,9	63,3	83,5	64,6	75,9	75,4
5	90,1	62,4	85,1	70,3	84,2	78,4
6	93,8	71,9	90,6	78,1	90,6	85,0
7	90,9	72,7	90,9	81,8	100,0	87,3
Образование						
Профильное образование.	87,5	61,5	84,4	70,8	82,3	77,3
Значительная часть образования связана с финансами.	100,0	72,7	86,4	77,3	77,3	82,7
Было несколько предметов, связанных с финансами.	87,2	64,1	78,2	62,8	82,1	74,9
Образование никак не связано с финансами.	75,4	52,6	71,9	59,6	71,9	66,3
Доход						
менее 30 тыс. руб.	72,4	51,7	69,0	53,4	63,8	62,1
30-50 тыс. руб.	76,7	50,0	71,7	60,0	81,7	68,0
50-75 тыс. руб.	90,0	60,0	72,9	62,9	77,1	72,6
75-100 тыс. руб.	88,4	65,1	86,0	74,4	79,1	78,6
100-150 тыс. руб.	85,7	65,7	91,4	74,3	82,9	80,0
150-200 тыс. руб.	87,5	75,0	87,5	62,5	87,5	80,0
200-300 тыс. руб.	93,3	73,3	93,3	93,3	100,0	90,7
300-500 тыс. руб.	100,0	70,0	90,0	70,0	80,0	82,0
более 500 тыс. руб.	100,0	66,7	100,0	66,7	66,7	80,0

Таблица Д.3 – Профильные вопросы (составлено автором)

Вопрос	***s1 (%)***	***s2 (%)***	***s3 (%)***	***s4 (%)***	***s5 (%)***	***s6 (%)***	***s7 (%)***	***s8 (%)***	***Среднее***
Всего верно	71,9	49,4	23,5	58,4	66,8	41,3	53,9	81,6	55,8
Пол									
Мужской	80,9	56,4	30,9	66,4	75,5	49,1	66,4	90,9	64,5
Женский	67,0	45,5	19,5	54,0	62,0	37,0	47,0	76,5	51,1
Возраст									
менее 20	34,8	26,1	13,0	43,5	43,5	17,4	30,4	60,9	33,7
20-30	79,1	57,5	31,4	62,1	73,9	44,4	66,7	84,3	62,4
30-40	80,4	50,0	16,1	60,7	66,1	46,4	50,0	83,9	56,7
40-50	69,7	51,5	21,2	48,5	57,6	39,4	48,5	87,9	53,0
50-60	60,0	36,0	12,0	60,0	68,0	44,0	36,0	76,0	49,0
более 60	55,0	25,0	15,0	55,0	55,0	30,0	25,0	75,0	41,9
Самооценка понимания финансов									
1	25,0	12,5	12,5	25,0	37,5	0,0	12,5	62,5	23,4
2	31,6	15,8	5,3	26,3	21,1	15,8	15,8	47,4	22,4
3	65,0	28,3	6,7	36,7	53,3	28,3	28,3	70,0	39,6
4	70,9	46,8	11,4	59,5	65,8	38,0	50,6	86,1	53,6
5	82,2	58,4	36,6	67,3	76,2	48,5	70,3	86,1	65,7
6	84,4	78,1	46,9	84,4	90,6	59,4	78,1	96,9	77,3
7	90,9	100,0	54,5	90,9	90,9	90,9	90,9	100,0	88,6
Образование									
Профильное образование.	89,6	71,9	43,8	76,0	82,3	57,3	77,1	92,7	73,8
Значительная часть образования связана с финансами.	86,4	50,0	27,3	77,3	86,4	59,1	59,1	90,9	67,0
Было несколько предметов, связанных с финансами.	71,8	55,1	19,2	62,8	67,9	33,3	55,1	88,5	56,7
Образование никак не связано с финансами.	54,4	26,3	8,8	36,8	49,1	29,8	32,5	65,8	37,9
Доход									
менее 30 тыс. руб.	53,4	32,8	20,7	48,3	53,4	25,9	34,5	69,0	46,2
30-50 тыс. руб.	53,3	40,0	20,0	46,7	55,0	35,0	41,7	70,0	49,7
50-75 тыс. руб.	74,3	45,7	25,7	52,9	71,4	37,1	61,4	87,1	62,0
75-100 тыс. руб.	86,0	48,8	23,3	74,4	83,7	51,2	60,5	93,0	72,6
100-150 тыс. руб.	85,7	71,4	28,6	60,0	60,0	45,7	57,1	82,9	61,1
150-200 тыс. руб.	87,5	68,8	37,5	75,0	81,3	68,8	68,8	87,5	76,3
200-300 тыс. руб.	100,0	73,3	20,0	86,7	80,0	60,0	80,0	100,0	81,3
300-500 тыс. руб.	90,0	80,0	20,0	80,0	80,0	70,0	80,0	90,0	80,0
более 500 тыс. руб.	100,0	66,7	0,0	66,7	100,0	33,3	66,7	100,0	73,3

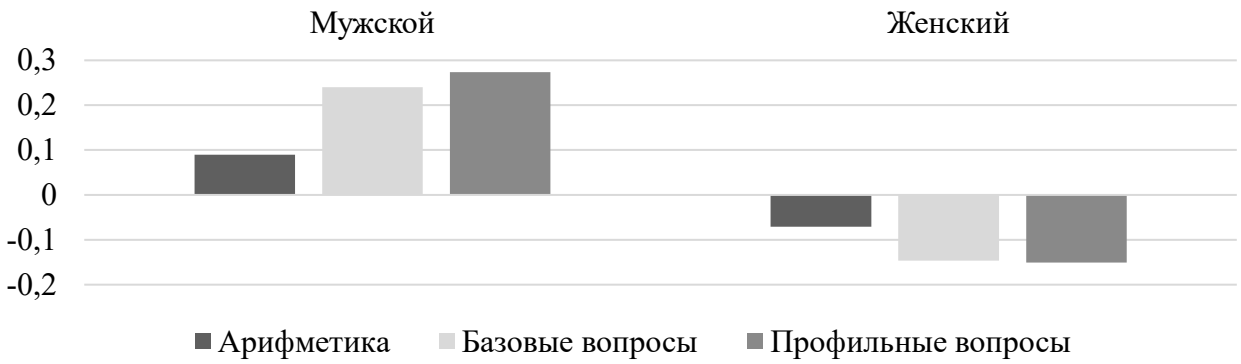

Рисунок Д.1 – Распределение баллов (стандартизированных оценок) в зависимости от пола (построено автором)

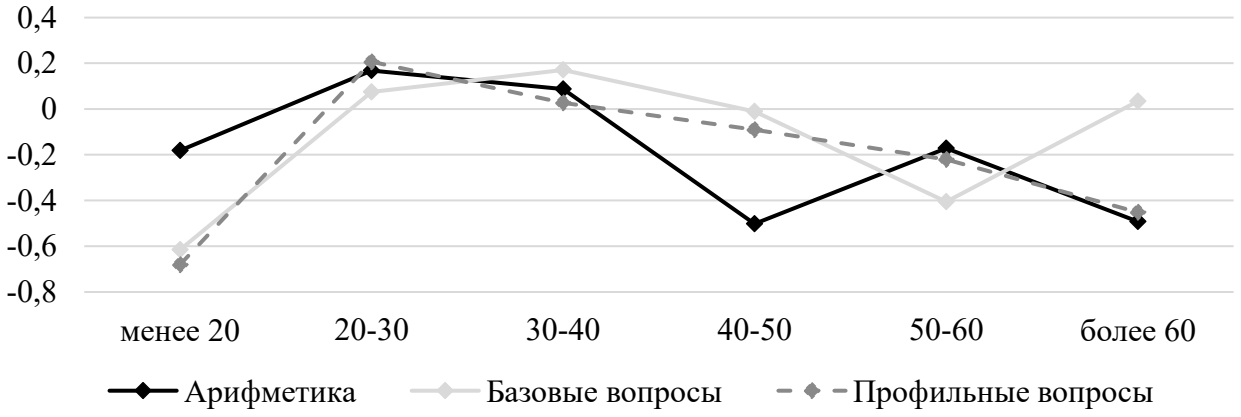

Рисунок Д.2 – Распределение баллов (стандартизированных оценок) в зависимости от возраста (построено автором)

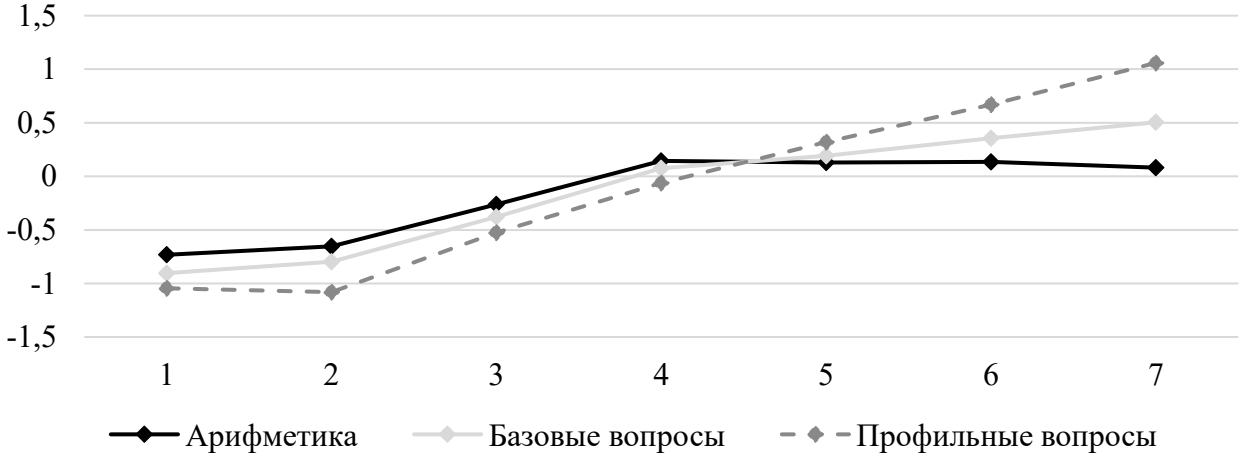

Рисунок Д.3 – Распределение баллов (стандартизированных оценок) в зависимости от самооценки понимания финансов (построено автором)

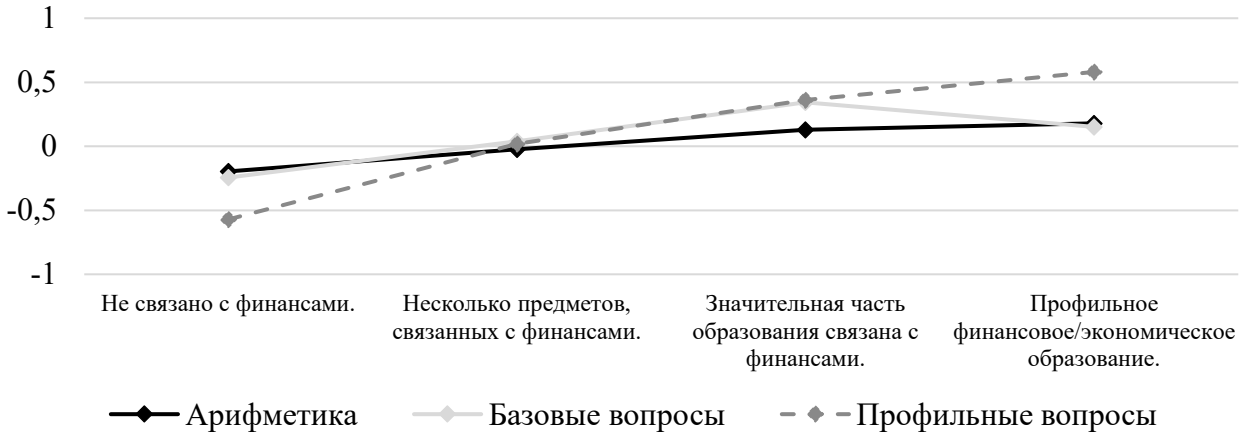

Рисунок Д.4 – Распределение баллов (стандартизированных оценок) в зависимости от образования (построено автором)

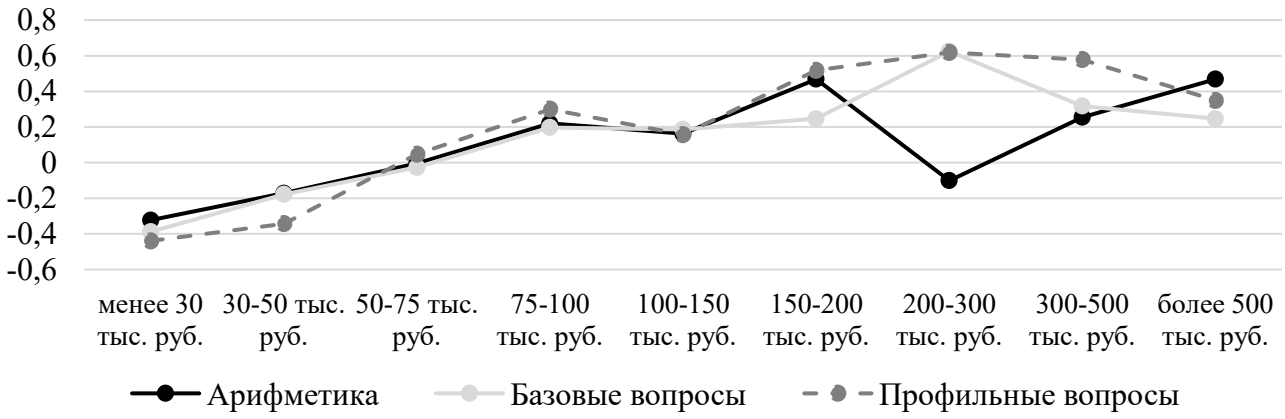

Рисунок Д.5 – Распределение баллов (стандартизированных оценок) в зависимости от дохода (построено автором)

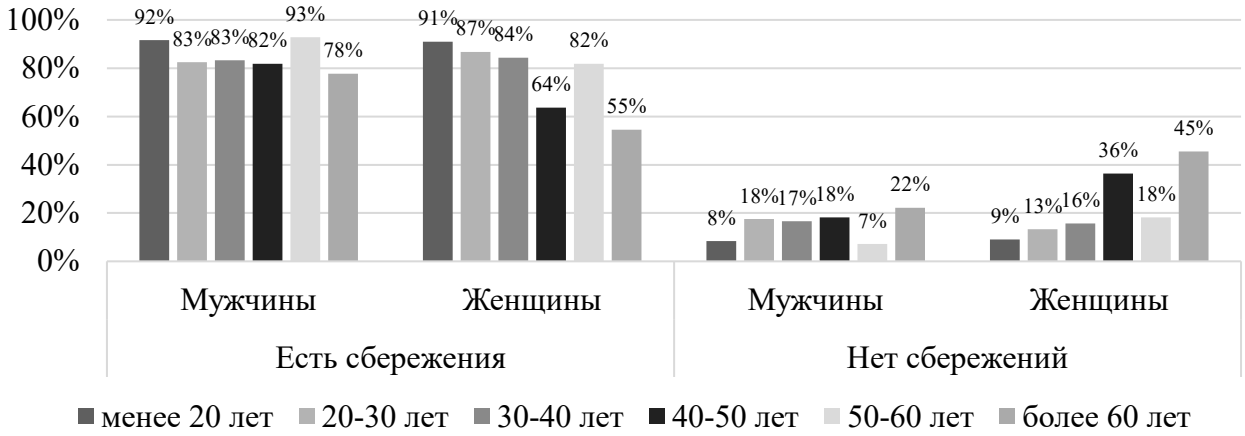

Рисунок Д.6 – Наличие сбережений в разрезе пола и возраста (построено автором)

Таблица Д.4 Корреляционная матрица (построено автором)

	сбере-жения	*пол*	*возраст*	*фин. обр.*	*обр.*	*доход*	*N.F.L.*	*B.F.L.*	*S.F.L.*	*инфор-мация*	*P.S.*	*бюд-жет*
сбере-жения	1,00											
пол	-0,04	1,00										
возраст	-0,13	-0,11	1,00									
фин. обр.	0,18	0,14	-0,06	1,00								
обр.	0,13	0,08	0,18	0,22	1,00							
доход	0,23	-0,21	0,18	0,20	0,35	1,00						
N.F.L	0,26	-0,08	-0,19	0,15	0,07	0,19	1,00					
B.F.L	0,17	-0,20	-0,01	0,17	0,15	0,25	0,41	1,00				
S.F.L.	0,27	-0,21	-0,10	0,48	0,25	0,32	0,26	0,52	1,00			
инфор-мация	0,20	-0,09	-0,25	0,32	0,10	0,12	0,16	0,20	0,50	1,00		
P.S.	0,50	0,08	-0,08	0,17	0,20	0,18	0,25	0,25	0,24	0,20	1,00	
бюджет	0,19	0,04	0,02	0,25	0,25	0,23	0,21	0,22	0,26	0,23	0,40	1,00

Сокращенные обозначения переменных:

фин. обр. – наличие профильного финансового (экономического) образования;

обр. – уровень образования;

N.F.L. – уровень ответов на арифметические вопросы;

B.F.L. – уровень ответов на базовые вопросы;

S.F.L. – уровень ответов на профильные вопросы;

P.S. – субъективная оценка склонности к сбережению;

информация – интерес к финансовой информации;

бюджет – регулярность ведения бюджета.

Приложение Е

Таблица Е.1 – Инструменты стимулирования долгосрочных сбережений (составлено автором)

Инструмент	***Краткое описание***
Корпоративные пенсионные программы с автоматическим подключением	В соответствии с положениями поведенческой экономики («архитектура выбора» Р. Талера и К. Санстейна, «эффект статуса-кво» В. Самуэльсона и Р. Зекхаузера, «теория перспектив» Д. Канемана и А. Тверски), предлагается апробировать механизм подключения работников к корпоративным пенсионным программам «по умолчанию» при открытии зарплатной карты с сохранением права добровольного отказа. Адресатами меры являются работодатели и негосударственные пенсионные фонды. Источниками финансирования выступают личные взносы работников из заработной платы и добровольные взносы работодателей. Ожидаемый эффект состоит в расширении участия работников в формировании дополнительного источника пенсионных выплат. Подобные программы доказали свою эффективность в США, Великобритании, Италии, Канаде и Новой Зеландии, что подтверждается результатами исследований. Целесообразность применения данного подхода в России положительно оценена ПАО «Газпром нефть» (подтверждено документально).
Депозитный продукт «Долгосрочный банковский вклад с возможностью пополнения и премией за регулярность пополнений»	Предлагается разработать специальный тип долгосрочного вклада, в котором ставка фиксируется в договоре как двухкомпонентная величина: минимальная гарантированная ставка и надбавка (премия) за соблюдение установленного графика пополнений. Размер надбавки должен быть заранее указан в договоре в виде фиксированной величины (в процентных пунктах) или в виде дифференцированных условий (в зависимости от суммы и периодичности пополнений). Описанный продукт может предлагаться отдельным категориям клиентов в рамках персонализированного предложения. Адресатами меры являются коммерческие банки. Источником финансирования выступают средства банка в рамках его процентной политики. Ожидаемый эффект для банков состоит в формировании более устойчивой ресурсной базы и повышении лояльности клиентов, для вкладчиков – в стимулировании регулярных сбережений. Практическая значимость данного предложения отмечена АО «Банк Синара» (подтверждено документально).
Персонализи-рованные сберегательные стратегии, формируемые с помощью современных цифровых технологий и ИИ	Предлагается адаптировать алгоритмы персонализации, используемые в инвестиционном консультировании (моделях робоэдвайзинга), для формирования индивидуальных сберегательных стратегий. Так, на основе данных о финансовом положении, целях и предпочтениях клиента, цифровой сервис (ИИ-агент) может рекомендовать сумму, периодичность пополнений и подходящий набор инструментов. При этом за клиентом должно сохраняться право изменять предложенные параметры. Адресатами меры выступают коммерческие банки. Источником финансирования являются собственные средства кредитных организаций, направляемые на развитие цифровых сервисов. Ожидаемый эффект состоит в упрощении финансового планирования и повышении регулярности сбережений. Практическая значимость данной рекомендации отмечена ПАО «Сбербанк России» и АО «Банк Синара» (подтверждено документально).

Продолжение таблицы Е.1

Инструмент	***Краткое описание***
Модификация параметров Программы долгосрочных сбережений (ПДС) с целью привлечения молодежи	В целях повышения привлекательности ПДС для молодежи предлагается рассмотреть возможность дифференциации условий государственного софинансирования не только по уровню дохода участника, но и по возрасту вступления в Программу. Для участников, заключающих договор в молодом возрасте, в первые годы могут действовать условия, позволяющие получить софинансирование при меньшем размере регулярных взносов. Кроме того, в целях усиления долгосрочного характера ПДС рекомендуется также дополнить возрастной критерий получения средств требованием к минимальной продолжительности участия в программе. Адресатами меры являются Министерство финансов РФ, Банк России и НПФ. Источниками финансирования являются средства федерального бюджета (после оценки дополнительных расходов и признания их допустимыми с учетом ожидаемого прироста долгосрочных сбережений). Эффект меры состоит в более раннем вступлении молодежи в Программу, увеличении продолжительности участия и росте объема долгосрочных сбережений.
Дифференциация предельного размера налогового вычета на долгосрочные сбережения в рамках статьи 219.2 НК РФ	Предлагается рассмотреть возможность дифференциации предельного размера налогового вычета в части фактически уплаченных взносов в рамках долгосрочных сбережений (пенсионных взносов по договорам НПО, сберегательных взносов по договорам ПДС, а также денежным средствам, внесенным на ИИС) в рамках ст. 219.2 НК РФ в зависимости от дохода налогоплательщика. Данное предложение обосновано тем, что по мере роста дохода увеличиваются налоговые платежи и расширяется потенциальная способность налогоплательщика направлять средства в долгосрочные инструменты. Реализация меры возможна после анализа востребованности действующего механизма налогового вычета, оценки эффекта увеличения долгосрочных сбережений и расчета выпадающих доходов бюджета. Адресатом предложения является Министерство финансов РФ. Ожидаемый эффект состоит в стимулировании граждан направлять средства в долгосрочные сберегательные инструменты.